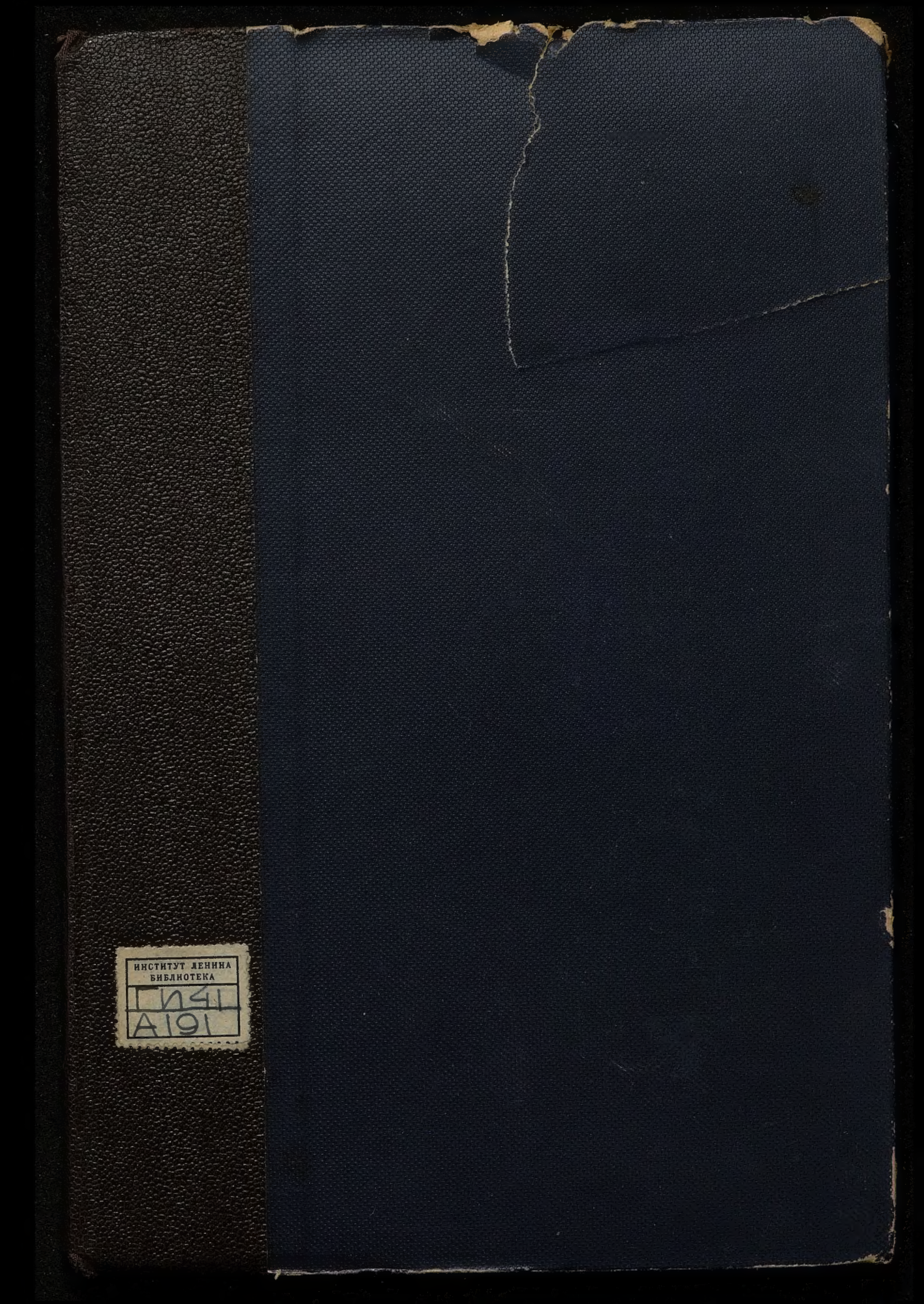

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Г141
А191

КАДМИНЪ.

Паденіе Династіи.

Темныя силы и революція.

СОДЕРЖАНІЕ: Самодержавіе и душа русскаго народа. Царствованіе послѣдняго царя. Царь манекенъ. Александра Феодоровна и измѣна въ Россіи. Вальпургіева ночь. Гришка Распутинъ. Акафистъ ему. Измѣнники и предатели. Мясоѣдовъ. Сухомлиновъ. Его интимный кругъ. Министръ А. Д. Протопоповъ. Провокація. Революціонный взрывъ. Сверженіе съ трона Николая II. Въ глубинѣ дворца. Царскіе холопы.

МОСКВА.

1917.

Тип. Г. В. Васильева, п./ф. «Ломоносовъ», 1-я Тверская-Ямская, д. 22.

Глава I. (Вмѣсто введенія).

Самодержавіе и душа русскаго народа.

Карфагенъ взятъ и разрушенъ. Свершилось нѣчто подобное для сознанія недавняго безправнаго русскаго «обывателя» волшебной, нестерпимо озаренной, солнечной сказкѣ.

Подумать только, что на всемъ пространствѣ Руси таетъ, какъ дымъ, и исчезаетъ то осуществленное въ Держимордѣ понятіе *власти*, которое пронизывало нашъ бытъ и врывалось даже въ наше личное интимное сознаніе нѣкіимъ уродующимъ, безобразнымъ и унизительнымъ началомъ. Что сросшійся съ нашимъ бытомъ—урядникъ, исправникъ, охранникъ, приставъ, прославленный Мымрецовъ, также какъ и представители знаменитаго «крапивнаго сѣмени»—что они переходятъ въ архивы, музеи, хранилища общественныхъ раритетовъ, а не регулируютъ нашу жизнь и не врываются въ нашъ бытъ.

Что съ выи русской жизни сброшенъ, наконецъ, этотъ проклятый сапогъ Держиморды и самъ онъ растоптанъ и смятъ бѣшенымъ прорывомъ долго скоплявшагося и взорвавшагося возмущенія.

Россія свободна. Ея великолѣпныя, въ ихъ духовномъ своеобразіи, возможности освобождены. Все то изъ нашихъ духовныхъ цѣнностей, что раньше создавалось изъ протеста, изъ подполья, изъ возмущенія, изъ Толстовскаго принципа — «не могу молчать»,—теперь должно возникать и свободно развиваться въ солнечномъ воздухѣ свободы.

Вѣками мы жили въ напряженной атмосферѣ борьбы, судорогъ общественныхъ силъ въ странѣ, сдавливаемыхъ и удушаемыхъ. Мы не могли отдать всю жизненную энергію тѣла и духа спокойному и свободному производству цѣнностей общей жизненной культуры, возводящей народное сознаніе на все болѣе высокую ступень. Въ наше сознаніе непрестанно врывался Держиморда, символизировавшій всѣ неправды строя, основаннаго на на-

силіи, на порабощеніи. Мы должны были просыпаться и ложиться спать съ лозунгомъ—«Карфагенъ еще не взятъ».

Нужно ли говорить, что помимо той крови, тѣхъ жизней, тѣхъ мукъ и страданій, которыя расшатывали тронъ русскаго самодержавія, оно наносило неисчислимый вредъ еще тѣмъ, что втягивало всю наличность нашей жизненной энергіи въ узкій круговоротъ политической борьбы.

Это опредѣлило своеобразныя судьбы русскаго историческаго сознанія и многія уродства и неправильности нашего духовнаго быта. Нельзя безнаказанно въ теченіе вѣковъ имѣть хотя бы и враждебное, хотя бы воинствующее общеніе съ гнилымъ и ядовитымъ противникомъ, со змѣей, капли яда которой просачиваются въ жизнь тѣмъ или инымъ путемъ. А тѣмъ болѣе съ противникомъ, который до «сегодняшняго дня» былъ торжествующимъ и сдавливающимъ все туже на горлѣ страны петлю абсолютизма.

Зеркало общественнаго, политическаго и общаго идейнаго движенія въ странѣ—литература отражаетъ въ теченіе 17, 18, 19 и нынѣшняго столѣтія—непрестанныя судороги освободительства. Едва только выйдя изъ пеленокъ автоматической подражательности усвоеннымъ съ запада образцамъ, она уже становится въ позу учительства и протеста, ея перомъ руководитъ духъ сатиры и обличенія.

На этихъ равнинахъ русскаго историческаго общественно-политическаго свободомыслія подымается какъ первый подлинный вѣстникъ единаго лозунга о торжествующемъ и крѣпкомъ Карфагенѣ Радищевъ. Отъ него идетъ непрерывная преемственность завѣщанной идеи борьбы вплоть до нашего дня. Отъ поколѣнія къ поколѣнію въ интеллигентскихъ верхахъ передается путеводная нить: кличъ борьбы съ неправдой и гнетомъ русскаго самодержавія.

Но эти лозунги интеллигенства, исторически сложившагося и внѣшне-оторваннаго класса, подкрѣпляются судьбой и всѣми условіями жизни многомилліоннаго русскаго народа.

Къ политическимъ схемамъ интеллигентной жизни приливаютъ живые соки народнаго непосредственнаго переживанія,—его кровь и потъ, его задавленность и муки, его нищета, безправіе и вынуждаемое невѣжество. Благодаря этому сухая политическая мысль и безкровная публицистика пріобрѣтаютъ выразительность и огненную силу живой жизни. Благодаря этому фигуры нашихъ руководителей общественнаго мнѣнія, передовыхъ бойцовъ свободы выросли до подлинной духовной канонизаціи ихъ.

Мысль объ оторванности интеллигентскаго сознанія отъ живой толщи народной жизни и духа возникла только въ наши дни, когда въ идеологію значительнаго большинства представителей политическаго движенія вошли и опредѣлили ее цѣликомъ мер-

твыя схемы взглядовъ, принциповъ и идейныхъ каноновъ, уже не питаемыхъ непосредственной мудростью и силой жизни, не имѣющихъ ничего общаго съ сферой духа, красоты, сердца, а построенныхъ исключительно на данныхъ внѣшнихъ жизненныхъ соотношеній.

Здѣсь стихія самодавлѣющаго, подпольнаго, такъ сказать, самодержавнаго интеллигенства, дѣйствительно, обнаружила нѣкій подрывъ жизненныхъ связей съ душой и стихіей народной жизни.

Но вступая въ каждый день прошлаго нашего историческаго движенія, видимъ все ярче проступающую эту связь и все богаче приливающія къ интеллигентскимъ верхамъ силы подлиннаго народнаго жизне-сознанія.

Воспитанный на идеяхъ французскаго энциклопедизма и ранняго германскаго романтизма, Радищевъ въ своемъ стилѣ, въ духѣ своего слова—плоть отъ плоти всей массы русскихъ народныхъ низинъ.

Его политическій протестъ—протестъ сердца. Онъ не можетъ безъ возмущенія видѣть прозябающій въ угнетеніи, невѣжествѣ и нищетѣ народъ.

Искры свободнаго общественно-политическаго самосознанія, занесенныя русскими офицерами-гвардейцами въ Россію послѣ походовъ на западъ, вспыхнули въ знаменитомъ декабрьскомъ возстаніи.

Здѣсь впервые опредѣленно сознается и формулируется вѣщій и страшный смыслъ понятія «царизма». Старинному русскому безсознательно-бытовому — «царь-батюшка» противоставляется понятіе царизмъ въ его содержаніи, объединяющемъ представленія о грубой страшной силѣ, о палачествѣ, о самодурствѣ, о гнетѣ тѣла и духа, о цѣпяхъ надъ волей и безконечностью человѣческаго самосознанія.

Стихи Рылѣева и Марлинскаго, идеи Пестеля и Муравьева—красныя знамена политическаго освобожденчества, впервые грозно провѣявшія надъ скованной русской дѣйствительностью.

Характерно и знаменательно, что поистинѣ абсолютное въ тѣ времена русское самодержавіе еще въ 17-омъ столѣтіи вооружалось противъ идей политическаго свободомыслія всей звѣриной силой, всѣмъ напряженіемъ своей мощи, какъ противъ серьезнаго и очень опаснаго врага.

Тайный сыскъ Екатерины и устроенный въ ея дворцѣ застѣнокъ, въ которомъ руководилъ пытками и допросами съ «пристрастіемъ» любимецъ ея Шишковскій, въ который приведенъ былъ и Радищевъ, ясно говоритъ о томъ, что правительство Екатерины также видѣло въ слабомъ и единичномъ въ своихъ идеяхъ русскомъ мыслителѣ и поэтѣ опаснѣйшаго врага.

Радищевъ былъ уничтоженъ, такъ какъ онъ первый на Руси воспѣлъ:

...Вольность—даръ безцѣнный...
(Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ).

Кровь декабристовъ, по образному выраженію Тютчева, мгновенно замерзла подъ дыханіемъ ледяной стужи на утесѣ русскаго самодержавія.

Она, эта кровь, покрылась тонкой ледяной корой, подъ которой красный токъ сохранялъ свою жгучесть и свою революціонную дѣйственную силу вплоть до нашихъ дней.

Одушевленіе революціонныхъ мотивовъ декабристовъ, менѣе сильное въ ихъ стихахъ, чѣмъ въ ихъ душахъ, воскресло съ яркой, рѣжущей силой въ революціонной стальной лирикѣ молодого Пушкина. Львиная сила закованнаго въ метръ и звенящаго риѳмой слова почувствовалась въ этихъ одахъ—«Вольности», въ этихъ угрозахъ тиранніи, въ этомъ гимнѣ Занду, Шенье и возмущенному протесту противъ деспотизма. Звонъ клинковъ, стали, дыханіе огня и бушующей народной стихіи ясно послышались въ этихъ одушевленныхъ и вдохновенныхъ стихахъ.

И эта вспышка лирико-революціоннаго огня провѣяла въ морозномъ воздухѣ абсолютистской Россіи и растаяла въ ея ледяныхъ просторахъ. Вплоть до знаменательнаго перевала въ воззрѣніяхъ и идеяхъ Бѣлинскаго, русская общественно-литературная жизнь питалась тѣмъ возможнымъ изъ общихъ идейныхъ и художественныхъ цѣнностей, что просачивалось съ запада и изъ глубинъ русской самобытной жизни сквозь тяжкіе запреты грубой, некультурной и самовластительной русской деспотіи. Режимъ Магницкаго при Александрѣ I-омъ и жандармерія при Николаѣ I-омъ регулировали русскую жизнь и сдавливали ее въ пыль и прахъ обывательской, мелкой, скудной и поистинѣ проклятой дѣйствительности, въ которой все живое задыхалось.

Громкій крикъ Чаадаева, реализмъ Гоголевскихъ отраженій русской жизни и наконецъ переходъ Бѣлинскаго къ воинствующему утилитарному направленію литературы—были въ непреложной связи съ царившей на Руси и душившей все живое деспотіей.

Знаменитый кружокъ Петрашевскаго—одна изъ первыхъ ячеекъ, какъ бы создававшихся сотовъ, куда долженъ былъ скопляться медъ политической мудрости и гремучая взрывчатая сила сознательнаго возмущенія. Правительство Николая I-го правильно учло опасность такой ячейки и безпощадно покарало безусыхъ студентовъ, кадетовъ и мальчиковъ русскаго политическаго движенія, поставивъ ихъ вначалѣ подъ дуло ружей, подъ раз-

стрѣлъ, а потомъ разославъ по казематамъ и каторжнымъ норамъ.

И съ тѣхъ поръ безостановочно продолжался одинъ и тотъ же какъ бы безсознательный жизненный процессъ. Русскій народъ и русская жизнь въ процессѣ существованія неизмѣнно и послѣдовательно выдѣляли изъ себя все лучшее и духовно-напряженное, что таило въ себѣ гремучую взрывчатую силу борьбы съ неправымъ насилующимъ духъ строемъ. И русское самодержавіе вело съ этимъ верховнымъ слоемъ русскаго народа непримиримую и жестокую борьбу.

Каторга, тюрьма, тюремные замки, висѣлицы, топоры, палачи и пытки охраннаго отдѣленія и всевозможныхъ учрежденій этого типа существовали главнымъ образомъ для того, чтобы кастрировать и въ корнѣ вытравлять духовныя силы русскаго народа. Какъ подъ колесницу Джагернаута, русскія поколѣнія сознательной и самоотверженной молодежи шли одно за другимъ и бросались на твердыни царизма, вооруженныя прокламаціей, бомбой, револьверомъ, агитаціонной рѣчью, протестомъ, и гибли въ неисчислимомъ количествѣ въ тюрьмахъ, казематахъ, на эшафотахъ и въ просторахъ Сибири, на самомъ крайнемъ сѣверѣ.

Поколѣніе сороковыхъ годовъ выдѣляетъ, въ концѣ концовъ, изъ среды мечтателей, метафизиковъ, романтиковъ—нѣсколькихъ крупныхъ основоположниковъ русскаго освободительнаго движенія въ его новыхъ фазахъ. Герценъ и Бакунинъ, какъ творцы двухъ типовъ русскаго, политическаго мышленія, — на первомъ планѣ.

Шестидесятые годы даютъ картину полнаго разгара и расцвѣта этого движенія, добившагося уже значительнаго успѣха и отвоевавшаго нѣкоторыя позиціи у самодержавія.

Стихія русскаго духа, какъ это показало движеніе русскаго подлиннаго самосознанія, находится въ непримиримомъ противорѣчіи, какъ впрочемъ и стихія человѣческаго духа вообще, съ такъ или иначе мотивируемыми началами абсолютизма и самодержавія. Правда, въ тѣ же годы, когда русскій радикализмъ достигъ особой напряженности и расцвѣта, возникло особое идейное теченіе, имѣвшее цѣлью утвердить въ общественномъ самосознаніи страны убѣжденіе, что «исконными началами» русскаго политическаго строя должны быть идеалистически и мечтательно понятыя формы освобожденнаго отъ средостѣнія боярскаго и дворянскаго самодержавія. Проповѣдь особаго пути историческаго развитія, не согласнаго съ западнымъ и въ основѣ своей опирающаяся на интимно-религіозныя начала русскаго духа,—имѣла въ одинъ періодъ времени талантливыхъ и глубокихъ защитниковъ и теоретиковъ. Но постепенно выродилась, раздробилась въ массѣ идейныхъ развѣтвленій и изсякла.

По существу—идеи славянофильства заключали въ себѣ зерно внѣнаціональнаго, широкаго, все-человѣческаго единенія въ духѣ, т. е. тѣ обѣты и чаянія, которыя лежатъ въ озаренной дали всѣхъ человѣческихъ достиженій и путь къ которымъ такъ труденъ и хаотиченъ. Притягиваемыя къ этимъ идеямъ долженствованія и цѣли исключительнаго, мѣстнаго, національнаго характера заключали въ себѣ ядро противорѣчія, раздора, неправды. Гегельянская идея о мессіанствѣ одного избраннаго народа, единаго среди всѣхъ, которому дано выразить величайшую общечеловѣческую идею и понести ее всѣмъ для царства всеединенія,—заключаетъ въ себѣ необходимое предположеніе о низменномъ, презрительномъ отношеніи къ остальнымъ, гдѣ то внизу лежащимъ, народамъ и странамъ и недостойное отношеніе къ общимъ основамъ человѣческаго «я» и сознанія вообще.

Судьбы всѣхъ народовъ согласно показываютъ, что нѣтъ такой страны и нѣтъ такого народа, въ которыхъ институтъ самодержавія былъ бы въ какомъ либо нормальномъ соотношеніи съ духомъ и потребностями этого народа. Право внѣшней силы, не основанной на внутреннемъ согласіи, на сознательно принятомъ руководительствѣ,—есть насиліе и мука для того, кто его выноситъ. Лежащія въ грубой основѣ человѣческаго «я» начала пассивности и механическаго внѣшняго подчиненія обусловили возможность деспотій и самодержавныхъ тиранній. Тамъ, гдѣ сознаніе мало-мальски освобождаются и возвышаются, троны и деспотіи съ громомъ и трескомъ рушатся.

II

Всколыхнувшеѐся море народнаго самосознанія то разливалось свободно и буйно и подступало волнами къ царскому трону, то снова сковывалось судорожными усиліями реакціи и покрывалось временно льдомъ. Но уже бреши были безнадежно и могущественно пробиты. Уже всѣ слои русскаго городского населенія пронизало единое общее направленіе общественнаго протеста и недовольства самодержавнымъ строемъ. Традиціи интеллигентскаго воспитанія давали дышать молодому поколѣнію воздухомъ этого протеста и недовольства. Литература неизмѣнно стояла на своемъ посту и служила властнымъ и полнымъ выраженіемъ господствующаго образа мыслей. Жизнь Россіи раздѣлилась на три явственныхъ слоя.

Самый широкій и обильный—слой многомилліоннаго крестьянства этой недавней еще «загадки» для интеллигентскаго сознанія—былъ гдѣ то внѣ непосредственнаго и полнаго регулированія

Александръ Федоровичъ
Керенскій.
Министръ военный и морской.

Михаилъ Владимiровичъ
Родзянко.
Предсѣдатель Государственной Думы.

интеллигенціей и являлъ въ толпѣ своей своеобразной жизни многія, не совсѣмъ ясныя начала духовной своеобычности. Но, тѣмъ не менѣе, самая кровная, самая подлинная жизненная связь соединяла передовую и воинствующую интеллигенцію съ народомъ.

Смѣшно даже подумать о какой то розни нашей интеллигенціей и народомъ, объ утвержденіяхъ изолированности и исключительности этой послѣдней по отношенію къ народу, когда вся цѣлокупность высшаго, наиболѣе творческаго, наиболѣе жгучаго выраженія нашей такъ называемой интеллигентской мысли является ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ и реализаціей общихъ богатствъ и душевныхъ импульсовъ народной жизни.

Наша поэзія, художество и самыя яркія проявленія духовнаго искательства связаны съ толщей и глубиной народной жизни и вырвались оттуда, какъ изъ своего жизненнаго водоема. Не говоря уже о Пушкинѣ, который весь съ ногъ до головы народенъ въ каждомъ своемъ чувствѣ и въ каждой мысли, не говоря о Гоголѣ, который въ цѣломъ выразилъ собой болѣзненную страстность правдоисканія и Богоисканія, но и всѣ развѣтвленія и пути русской литературы оказываются связаны съ духомъ и потребностями народной жизни и имѣютъ съ ней непосредственную и почвенную связь.

Публицистика питалась огнемъ и кровью народныхъ бѣдствій и дышала пафосомъ сочувствія и борьбы за него; народническая беллетристика всецѣло посвятила ему себя. Вершины художества, какъ Толстой и Достоевскій, черпали матеріалы идей и образовъ изъ глубины его быта и человѣческаго сознанія. Подымавшіяся изъ народныхъ низинъ одиночки, какъ Кольцовъ, Шевченко и другіе сливались полно и непосредственно съ верхними интеллигентскими слоями совершенно свободно. Ясно, что тамъ, гдѣ интеллигенція является выразительницей подлинныхъ цѣнностей русскаго духа и жизни, тамъ связь съ народомъ не только не утрачена, а наоборотъ, проложены живые и прекрасные мосты, по которымъ все подымающееся изъ смутныхъ глубинъ хаотической и темной народной жизни можетъ свободно и легко войти въ общій укладъ жизни и духа.

Связь съ народомъ утрачена тамъ, гдѣ подлинное производительство духовныхъ цѣнностей замѣнено мертвыми канонами политическихъ и соціальныхъ схемъ, разъ принятыхъ, затверженныхъ и уже не подлежащихъ провѣркѣ и углубленію по откровеніямъ свободнаго личнаго духа.

Второй слой—интеллигенція, образовавшая какъ бы островъ, окруженный моремъ народной крестьянской жизни.

Это—тотъ ферментъ, то бродильное начало, которое и заставило двинуть въ ходъ такую сложную и широкую машину государственнаго обузданія и пресѣченія. «Мужицкое царство» просто и

легко обуздовалось грубой силой,а элементарность этихъ пріемовъ охраны и пресѣченія соблюдалась при помощи строгой регуляціи просвѣщенія, при мѣрахъ спаиванія и тщательной поддержки невѣжества и безпомощности мужика. Но оттуда, изъ верхнихъ интеллигентскихъ слоевъ шли нити «заразы», проникавшія всюду; и въ деревню, и на фабрику къ рабочему, и къ мужику, и въ казармы къ солдату.

Что касается рабочаго и солдата, то по примитивной градаціи русскаго жандарма и охранника, первый по существу принадлежалъ къ городскому населенію, будучи пропитанъ насквозь идеологіей и всѣми внушеніями интеллигенціи, политически его воспитавшей. Армія же, солдатъ и офицеръ, наивно предполагались цѣликомъ принадлежащими къ третьему и послѣднему слою—правящему.

Дворъ, министерства, департаменты и необозримая сѣть раскинувшихся по Россіи и въѣвшихся въ нее, какъ паразиты, губернаторствъ, становъ, околотковъ, участковъ и пр. и пр. насыщала воздухъ страны удушьемъ и вонью участковъ и казармъ стараго режима. Регулируя жизнь извнѣ и преграждая на каждомъ шагу свободную инициативу ума и духа, эта власть заставляла каждаго внутренно съежиться, затаить въ сознаніи какую то постоянно рѣжущую занозу, не дающую почувствовать себя самимъ собой въ полнотѣ личной свободы и жизненной инициативы.

Взаимоотношеніе первыхъ двухъ слоевъ—интеллигенціи и крестьянства—было живое и непосредственное. Третій слой—властъ—являлась врагомъ народной жизни и заключала въ себѣ самой самоцѣль.

Власть пребывала для себя самой, ея цѣль—она, ея средство—народъ, его силы, его средства, его сбереженія, его богатства, его подчиненность.

Философія этой безотвѣтственной, самодержавной, упивавшейся кровью и насаждавшейся палачами и охранниками власти заключалась въ томъ, чтобы существовать помимо народной воли и вопреки народной волѣ, черпать содержаніе и цѣли своего существованія изъ себя самой, всячески опираясь на идеи и завѣты «исконныхъ началъ» о самодержавіи и помазанничествѣ царя отъ Бога, которыя не оправдывались ни единой чертой быта и склада самодержавія.

Насиліе, организованное хищничество, охранка и жандармъ являлись какъ бы объектами этого Божьяго помазанія, а изъ духа и глубины народной русской жизни пытались извлечь начала, которыя связывали бы какъ нибудь основы народной жизни съ существованіемъ самодержавія.

Не хотѣли видѣть, что бѣдствія, безземелье, нищета и безпра-

віе народа есть абсолютные аргументы противъ самодержавія и хищническаго владѣнія коронованныхъ жандармовъ. Всѣ ставленники царей, отъ Магницкаго, Аракчеева и до Побѣдоносцева, Плеве, Столыпина,—аргументировали одинаковымъ образомъ, что народъ внѣ «безсмысленныхъ» утопій интеллигенціи, что онъ не поддержитъ ея лозунговъ и идей и что коренная связь народа съ «батюшкой царемъ» крѣпче всѣхъ побужденій живой жизни.

Борьба правительства съ революціонными силами общества по необходимости локализировалась на одномъ протестующемъ и воинствующемъ слоѣ русской интеллигенціи. Той, которая раздроблялась въ политическія партіи, организовывалась въ подпольные кружки, выпускала прокламаціи въ Россіи, выступала съ отдѣльными террористическими актами, вела дѣятельную пропаганду въ средѣ рабочихъ, солдатъ и городскихъ обывателей. Той, которая за границей вела борьбу, вліяя на ростъ революціоннаго движенія въ Россіи и воздѣйствуя на общественное мнѣніе.

Не упускало, правда, изъ виду самодержавное правительство и все растущій подъемъ общественной энергіи и пробуждающуюся самодѣятельность общественныхъ различныхъ группъ, всячески стараясь подавить въ корнѣ все, что грозитъ опасностью организаціи общественныхъ силъ.

Но уничтожаемый въ одномъ мѣстѣ пожаръ разгорался съ новой силой въ другихъ и многихъ мѣстахъ, страна вся охватывалась броженіемъ недовольства и протеста. Наступившая въ эпоху царствованія Александра III-го реакція истощила всѣ свои силы для подавленія врага и послѣднія судороги ея мы наблюдали во время царствованіи Николая II-го.

Страшнымъ врагомъ самодержавія, тараномъ, который съ бѣшеной силой разбиваетъ крѣпи и толщи абсолютизма,—является, какъ всегда, война. Даже самая патріотическая изъ нашихъ войнъ—отечественная—принесла къ намъ какъ бы на концахъ солдатскихъ штыковъ идеи политическаго свободомыслія и зажгла декабрьскій пожаръ возстанія.

Вслѣдъ затѣмъ каждая новая война, которую вела Россія, являлась такимъ тараномъ, который билъ и расшатывалъ крѣпи самодержавія въ Россіи. Крымская война вызвала крушеніе николаевскаго режима и небывалый расцвѣтъ общественной инициативы и силу политическаго подъема.

Для царствованія Николая II-го въ частности и для династіи Романовыхъ вообще—явилась роковой Японская война, вслѣдъ за которой огромный валъ русской революціи сильно расшаталъ устои самодержавнаго трона. И наконецъ война всемірная, которая подмыла и унесла съ собой щепки отъ трона Николая II-го.

Какой то грозный фатумъ вмѣшался въ это побѣдоносное ше-

ствіе русской революціи, навстрѣчу которой русскій царизмъ принесъ подлинное безуміе и хаотическое, жалкое и позорное зрѣлище полной парализаціи ума, воли, цѣлей и идей.

Послѣдніе годы царствованія Николая II-го—подлинная Вальпургіева ночь хаотическаго безумія русскихъ темныхъ силъ вокругъ трона, плящущихъ вокругъ него свой призрачный и фантастическій танецъ тѣней, прежде чѣмъ съ визгомъ и воемъ не умчаться въ ночь передъ бѣлѣющимъ политическимъ разсвѣтомъ.

Хищники, воры, предатели, мародеры, измѣнники, развратники, пьяницы, все, что только имѣется въ наличности въ распоряженіи адскихъ силъ, — все смѣшалось и закружилось въ бѣшеной пляскѣ въ ночи русской политической реакціи, праздновавшей свой послѣдній праздникъ, передъ тѣмъ, какъ исчезнуть съ лица русской земли.

Неслыханное и позорное участіе въ судьбахъ государственнаго управленія проходимца Распутина; измѣны и хищеніе министра Сухомлинова, предательства внутри Россіи при дворѣ и вѣчная угроза переговоровъ съ нѣмецкимъ штабомъ во время войны, Мясоѣдовщина, цѣлая клика воровъ и мошенниковъ, типа Манусевича-Мануйлова, оказавшаяся въ трогательномъ единеніи съ представителями высшей власти въ Россіи,—все это дополнило и расцвѣтило собой картину послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая II-го.

Измѣнническое разстройство тыла, транспорта, дѣла продовольствія, искусственное насажденіе продовольственныхъ неурядицъ, все это въ связи съ позорными и неслыханными проявленіями старой русской власти объединило весь народъ, во всѣхъ своихъ слояхъ и группахъ, въ общемъ дружномъ и неудержимомъ наступленіи на гнилыя твердыни старой власти.

И вотъ они въ развалинахъ и народъ празднуетъ свѣтлые дни своего живого, добытаго вѣковыми усиліями свободнаго строя.

Прахомъ распались оковы,
Русь—какъ единая грудь.
Съ вѣрою въ жребій свой новый
Ринься въ свой солнечный путь.
Въ рабствѣ служили невзгодѣ
Всѣ твои степи, края.
Будетъ отнынѣ въ свободѣ
Свѣтлая сила твоя.
Трижды Богъ помочь державѣ—
Родинѣ въ пору заботъ.
Царствуй въ величьи и славѣ
Русскій свободный народъ!

III.

Нуженъ, поистинѣ, всеобъемлющій талантъ автора «Войны и мира», для того, чтобы охватить въ широкой синтетической картинѣ весь тотъ изумительный матеріалъ, психологическій, общественный и политическій, который являетъ намъ послѣднее десятилѣтіе царствованія Николая II-го.

До такихъ комбинацій человѣческихъ низостей, до такихъ картинъ человѣческаго паденія не додумывался самъ авторъ «Рокамболя». Между прочимъ, характерно въ этой картинѣ предреволюціонной Россіи та сгущенная атмосфера провокаторства, предательства, спекуляціи, низкопоклонничества, продажности и подлости, которую являли главнымъ образомъ круги аристократическіе, круги предержащихъ властей, совокупно съ кругами мародерствующими (имъ же числа не было).

Совершался подлинный пиръ во время чумы. На театрѣ войны лилась кровь и солдатскія груди встрѣчали грудью враговъ, гибли отъ пуль, ядовитыхъ газовъ, артиллерійскаго огня, мерли отъ эпидемій, простудъ, усталости, непосильныхъ трудовъ. А въ это время подъ шумокъ, при благосклонномъ участіи бездарной и предательствующей бюрократіи вздувались цѣны, исчезали предметы первой необходимости и какъ мячъ перебрасывались по рукамъ спекулянтовъ, пока не возвращались въ руки потребителя уже по неслыханной цѣнѣ.

А въ это же время высшіе круги Петрограда увлекались съ небывалой силой модными теченіями мистическими и оккультными, въ центрѣ которыхъ стояла фигура безграмотнаго и грубаго старца, который въ атмосферѣ прихлебательства, низкопоклонничества и неслыханныхъ удачъ разошелся во всю ширь своей животной мощной натуры и втаптывалъ всю эту титулованную и сановную аристократію въ грязь своими же сапожищами.

А гдѣ то за кулисами русской правительственной политики велись переговоры съ нѣмецкимъ штабомъ, выдавались тайны русскаго штаба и сводились къ минимуму сверхъ-человѣческія напряженія русскаго воинства. Война велась на два фронта и противникъ насѣдалъ извнѣ и изнутри. Нужны были, поистинѣ, необычайныя силы для того, чтобы выдержать такую безпримѣрную войну съ внѣшнимъ врагомъ, который находилъ союзника, и какого преданнаго, какого упорнаго, въ собственномъ же правительствѣ.

Россіи это обошлось въ неслыханное количество жертвъ. Къ тому мортирологу, который составилъ Леонидъ Андреевъ въ своей статьѣ «Памяти погибшихъ за свободу», нужно прибавить еще огромное количество солдатъ, павшихъ по винѣ измѣнничества и

предательства русскаго стараго правительства, оставлявшаго въ рукахъ нашихъ солдатъ палки вмѣсто винтовокъ по недостатку снаряженія.

Тысячи и тысячи ихъ пало на Карпатахъ, въ Галиціи, на поляхъ Польши и Литвы, жертвой гнуснаго предательства тѣхъ, кто присваивалъ себѣ корону самодержавной власти во имя какихъ то освященныхъ Богомъ связей съ «возлюбленнымъ» народомъ.

И эта кровь, вмѣстѣ съ кровью мучениковъ русскаго самодержавія подмыла тотъ «высокій и надменный тронъ, который высился грознымъ островомъ надъ моремъ народной крови и слезъ».

О, человѣческая кровь—ѣдкая жидкость, и ни одна капля ея не можетъ пролиться даромъ! И ни одна слеза не пропадаетъ, ни одинъ вздохъ, ни одно тюремное проклятіе, приглушенное каменными стѣнами, перехваченное желѣзною рѣшеткою. Кто слышалъ это проклятіе узника? Никто. Такъ и умерло оно въ темницѣ, и самъ тюремщикъ повѣрилъ въ его смерть, а оно воскресло на улицѣ, въ кликахъ возставшаго народа, въ огнѣ горящихъ тюремъ, въ дрожи и трепетѣ обезсилѣвшихъ, жалко ослабѣвшихъ тирановъ!

Ничего не пропадаетъ, что создано духомъ. Не можетъ пропасть человѣческая кровь и человѣческія слезы. Когда одинокая мать плакала надъ могилой казненнаго сына, когда другая несчастная русская мать покорно сходила съ ума надъ трупомъ мальчика, убитаго на улицѣ треповской пулей, она была одинока, безутѣшна и, какъ бы всѣми, покинута: кто думалъ объ одинокомъ горѣ ея? А того не знала она, и многіе изъ насъ не знали, что одинокія и страшныя слезы ея точатъ-точатъ-точатъ романовскій кровавый тронъ!

Чьи-то скромныя «нелегальныя» руки трудолюбиво и неумѣло набирали прокламацію; потомъ эти руки исчезали—въ каторжной тюрьмѣ или смерти, и никто не знаетъ и не помнитъ о нихъ. А эти скромныя руки—точили-точили тронъ Романовыхъ.

Кого-то вѣшали со всѣмъ торжествомъ ихъ подлаго и лживаго правосудія. Трещали барабаны. Жандармы задами лошадей управляли народомъ. И безмолствовалъ народъ. И онъ, одинокій, въ саванѣ своемъ и какъ бы всѣми покинутый, мужественно и гордо отдавалъ смерти свою молодую и прекрасную жизнь. Одинокій, засунутый въ мракъ балахона, слышащій только трескъ царскихъ барабановъ, смущаемый безмолвіемъ народа—зналъ ли онъ, что его смерть точитъ-точитъ тронъ Романовыхъ, и будетъ точить, пока не рухнетъ онъ?

А тотъ, кого казнили въ темнотѣ, тайкомъ, за тюремною оградой или въ пожарномъ сараѣ Хамовнической части? Пьяный, развращенный, купленный палачъ; безчувственныя рожи судейскихъ, чей-то глумливый смѣхъ или стыдливый, безсильный вздохъ—что

видѣлъ онъ иного въ эту минуту послѣдняго одиночества и ужаса? Какъ былъ онъ одинокъ, покинутъ людьми и безсовѣстнымъ Богомъ, оставленъ Россіей! Или презрѣвъ сущее, видѣлъ онъ своими потухающими глазами ту дальнюю, ту сострадательную и благодарную, великую Россію, что въ мигъ его смерти сразу поднялась къ небу и выросла на одну ступень? Видѣлъ ли онъ, какъ въ мигъ его смерти качнулся подточенный тронъ Романовыхъ?

Безвѣстные кронштадтскіе и свеаборгскіе матросы, которыхъ разстрѣливали десятками и въ мѣшкахъ бросали въ море. Одинъ трупъ въ мѣшкѣ прибило къ берегу, къ саду царской дачи — и такъ нѣкоторое время были они противъ и рядомъ: царскій дворецъ и распухшій казненный матросъ въ мѣшкѣ; и кто можетъ сказать, насколько въ эти часы или минуты подъ мертвымъ взглядомъ казненнаго былъ подточенъ тронъ Романовыхъ?

Прѣсненскіе рабочіе, которыхъ толпами прирѣзывали и пристрѣливали на льду Москвы-рѣки въ мрачные декабрьскіе дни; рабочіе, женщины и дѣти петербургскаго девятаго января, голутвинскіе телеграфисты и просто неизвѣстные, совсѣмъ и навсегда неизвѣстные, которыхъ на кладбищѣ и у стѣнъ проходя разстрѣливали Риманъ и Минъ. Толпы латышей, надъ которыми, не спрашивая объ имени, расправлялись карательные отряды подъ командою нѣмецкихъ бароновъ. Студенты и просто неизвѣстные, которыхъ терзала на улицахъ Москвы черная сотня, сдирая мясо до костей, сжигая заживо, топя въ рѣкѣ, какъ собакъ. Это они своею кровью сломили казарменную дисциплину, подъ гнетомъ которой, какъ въ тюрьмѣ, томилась душа русскаго солдата—и они воздвигли братскую, нерушимую связь между нами и нашей славной, великой арміей!

Вѣчная память погибшимъ борцамъ за свободу!

(Л. Андреевъ).

Глава II.

Царствованіе послѣдняго царя.

I.

Ходъ событій въ царствованіе послѣдняго изъ династіи Романовыхъ и послѣдняго русскаго самодержца неуклонно велъ къ разгрому царизма и въ высвобожденію Россіи «изъ мертвыхъ», какъ выразился современный беллетристъ.

Несомнѣнно, что процессу историческаго развитія и подъема народныхъ массъ къ сознанію необходимости переворота много способствовалъ самъ Николай II-ой въ силу того, что онъ былъ безпомощной и безвольной щепкой въ могучемъ руслѣ тѣхъ событій, которыя безпримѣрно дискредитировали царскую власть и бюрократическій режимъ безотвѣтственной власти.

Если знаменитый скульпторъ символизировалъ отношеніе Александра III-го къ Россіи какъ великана-всадника, тупого, тяжело-чревнаго и грубаго, осѣдлавшаго такого же мощнаго, но смирнаго и неуклюжаго буцефала, то отношеніе преемника его Николая II-го можно охарактеризовать, какъ довольно критическое положеніе всадника, слабаго и неумѣлаго, который силится удержаться на томъ же мощномъ и неуклюжемъ буцефалѣ, но уже разбуженномъ громомъ и шумомъ необычайныхъ и страшныхъ событій.

Уроки политической мудрости Николай II-ой, казалось всецѣло наслѣдовалъ отъ своего покойнаго отца, тѣмъ болѣе что на глазахъ наслѣдника прошла поучительная картина, являющая зрѣлище вначалѣ Россіи встревоженной и зажженой революціонными огнями, а потомъ Россіи уже встревоженной могучей волей царственнаго Держиморды, тяжко опустившагося на задавленный реакціей народъ и спокойно предавшагося пьянству.

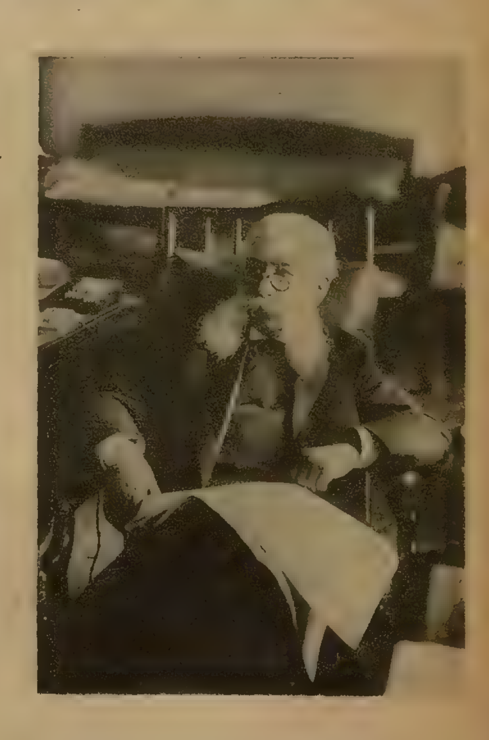
Къ тому же отъ покойнаго отца Николай получилъ въ наслѣдіе не только Россію, «очищенную» отъ послѣдствій опущенныхъ Александромъ II-ымъ и его реформами возжей, но также и вѣщаго генія реакціи, неутомимаго помощника Александра III-го и вдохновителя реакціи Побѣдоносцева.

Этотъ Великій Инквизиторъ Россіи былъ, кажется, искренно

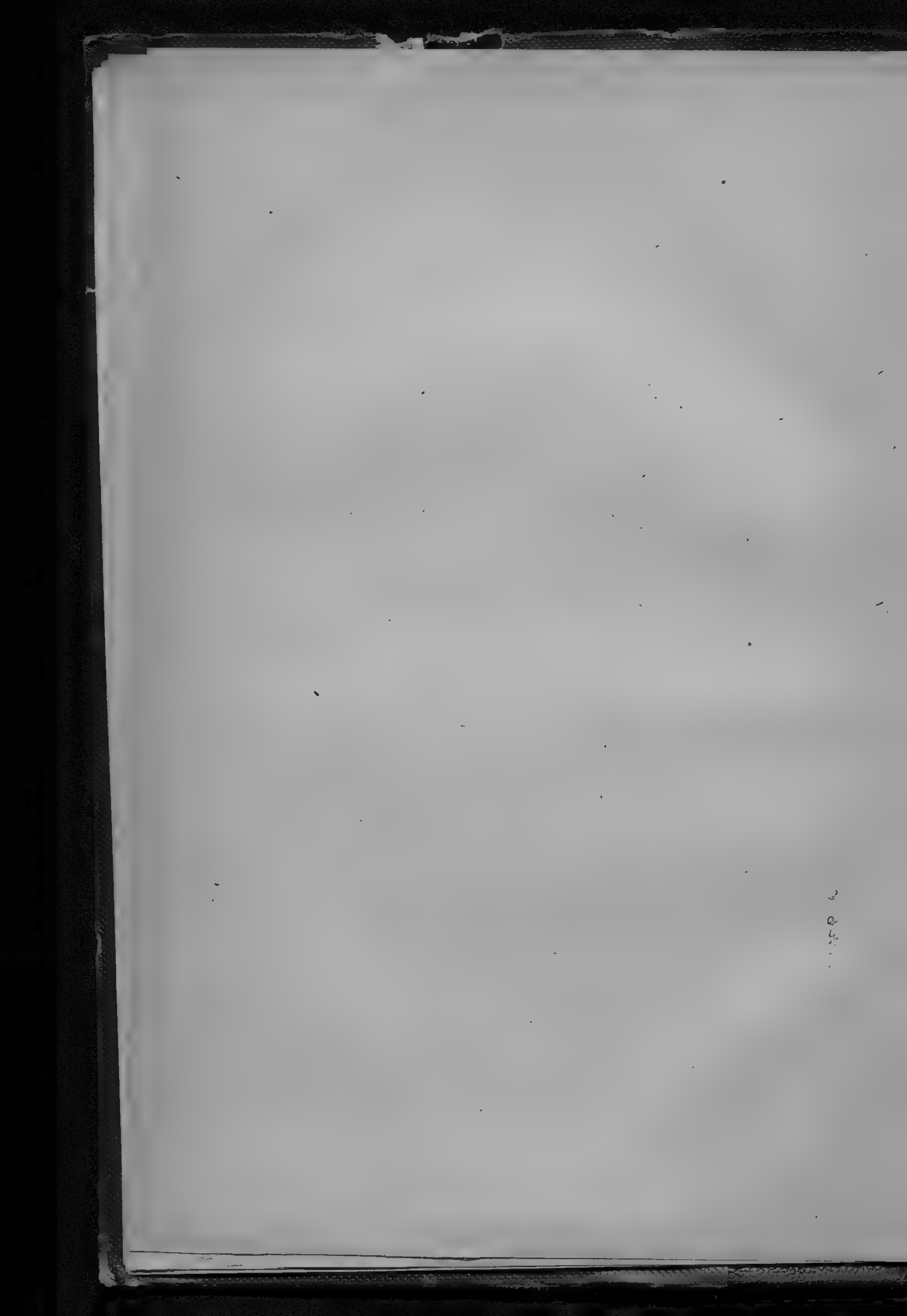

ПРЕМЬЕРЫ РЕАКЦІИ: ВИТТЕ, ПЛЕВЕ, СТОЛЫПИНЪ И ГОРЕМЫКИНЪ.

убѣжденъ, что находящійся во младенчествѣ русскій народъ можетъ и долженъ еще въ теченіе вѣковъ безпробудно спать подъ усыпляющей властью самодержцевъ. Онъ злымъ и холоднымъ презрѣніемъ презиралъ всякую общественную самодѣятельность, пророча молодому Александру III-му гибель Россіи при осуществленіи проекта Лорисъ-Меликова.

«Земскія и городскія учрежденія,—по мнѣнію Побѣдоносцева,—говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкось о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣденію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ. Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ. Люди негодные, безнравственные, не живущіе своими семьями, занимающіеся развратомъ, помышляющіе лишь о личныхъ выгодахъ, ищущіе популярности и вносящіе всюду смуту». Суды, по мнѣнію этой черной птицы русской реакціи,—это тѣ же говорильни, благодаря которымъ совершаются самыя ужасныя преступленія. Свобода печати—самая убійственная говорильня, разносящая во всѣ концы необъятной Руси невѣроятную хулу и порицаніе на власть, сѣющая сѣмена раздора и разжигающая страсти, побуждающая народъ къ величайшимъ беззаконіямъ». На эту рѣчь Александръ III-ій откликнулся:—«сущая правда».

Эта «сущая правда» и это представленіе о судахъ, о свободѣ печати и объ участіи общественныхъ организацій въ дѣлѣ управленія государственнаго, конечно, вошли составной и центральной частью въ міросозерцаніе Николая II-го. Тѣмъ болѣе, что Побѣдоносцевъ былъ наставникомъ его юности и первымъ совѣтчикомъ при его вступленіи на престолъ до тѣхъ поръ, пока русскій Инквизиторъ не умеръ въ разгаръ ненавистныхъ его духу народныхъ волненій.

Если въ отошедшемъ теперь въ область исторіи и страшныхъ преданій любомъ изъ представителей русскаго самодержавія мы найдемъ опредѣленно обозначенную активную «волю къ абсолютизму», волю къ самодержавію, то придется признать въ Николаѣ II-омъ ту же волю, но принявшую характеръ какъ бы автоматическій, слѣпой, механическій. Онъ благоговѣйно и разъ навсегда принялъ въ самую глубину душевныхъ нѣдръ этотъ завѣтъ и наслѣдіе династическое — волю къ деспотіи и необходимость ее охранять во что бы то ни стало и цѣной чего бы то ни было, хотя бы и самой Россіи.

Его несложный и хилый внутренній аппаратъ какъ бы весь сполна заполнился этой религіей самодержавія, воспринятой пассивно и уже оставленной въ томъ видѣ, какъ она воспринята отъ юности. Больше уже ничего онъ вмѣстить не могъ. И мы видимъ, что никакой личный государственный опытъ никакія потрясенія

государства, ничьи совѣты и указанія не могли его сдвинуть съ разъ навсегда автоматически воспринятаго символа самодержавной вѣры. Какъ мертвецъ, судорожно вцѣпившійся въ поводья лошади, мчащей его безъ устали въ бездну, Николай стиснулъ своими безкровными блѣдными руками жезлъ государственной власти и вся его иниціатива, все его личное непосредственное участіе въ этихъ буряхъ и смутахъ государственнаго управленія выражалась только въ томъ, что онъ механически и упрямо, съ настойчивостью безжизненнаго автомата, повторялъ все тѣ съ дѣтства затверженныя формулы абсолютизма.

Управленіе Николая II-го было безкровное и безкрасочное, онъ не вносилъ въ него никакого темперамента, никакой окраски, никакихъ бликовъ личности. Если въ Россіи и было небольшое количество людей, которые хотѣли искренно и не за страхъ и выгоду, а за совѣсть исповѣдывать монархизмъ, то они, конечно, должны были совершенно не чувствовать Николая II-го, потому что въ Россіи былъ какой то призракъ царя, а не царь.

Стоитъ только сравнить въ этомъ отношеніи Николая II-го съ какимъ угодно изъ царей, съ покойнымъ ли Александромъ III-мъ, съ наполняющимъ ли міръ желѣзнымъ шумомъ Вильгельмомъ, чтобы ясно понять, что такое та личная окраска, вносимая въ дѣло царствованія, о которой мы говоримъ. Несомнѣнно, что оттѣнокъ, индивидуализаціи здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, быть долженъ.

Николая въ этомъ отношеніи по существу не было. Вмѣсто него дѣйствовала машина самодержавно-бюрократическаго управленія, за которой онъ бездѣйственно и вяло таился, проходя свой скучный и преступный путь пассивнаго мертваго человѣка, волей котораго и во имя котораго совершались ежедневно тысячи кровавѣйшихъ преступленій и насилій.

Еще до нѣкоторой степени онъ сохранялъ подлинный безкровный ликъ, когда приходилось выступать со знакомымъ и роднымъ душѣ его мотивомъ о неуклонномъ сохраненіи самодержавныхъ началъ. Но когда обстоятельства времени вынуждали вложить въ грамофонъ иную пластинку и запѣть нѣсколько иной мотивъ, то царскій голосъ дѣлался совершенно неслышнымъ и замѣнялся тѣмъ или инымъ изъ окружавшихъ его бюрократовъ, приближенныхъ сообразно моменту къ власти.

Николаю II-му не дали спокойно процарствовать—продремать на престолѣ, сохраняя престижъ могущественнаго русскаго императора, впавъ въ полное подчиненіе своей женѣ и передаваясь пріобрѣтеннымъ любимымъ привычкамъ. Тишина, которую онъ наблюдалъ въ періодъ царствованія отца своего, Александра III-го, тишина, внѣшняя и сравнительно тишина и внутренняя, насаждае-

мая при помощи тюремъ, ссылокъ и казней Побѣдоносцевымъ, въ царствованіе его, Николая, смѣнилась довольно быстро громомъ военныхъ неудачъ, которыя, какъ могущественные тараны, стали расшатывать его тронъ.

Наступали событія, въ которыхъ стало уже невозможно отдѣлаться любимыми затверженными механически формулами самодержавія, а необходимо было проявить личную инниціативу и дьявольскую изворотливость Меттерниха, чтобы сохранить подъ собой почву и удержать ускользающій тронъ. Здѣсь царь-призракъ совершенно спасовалъ. Здѣсь воочію явилось предъ всѣми блѣдное, усталое и призрачное лицо человѣка, у котораго, въ сущности, было очень мало жизненныхъ силъ, у котораго почти совершенно отсутствовала душевная и умственная впечатлительность, который могъ лишь прятаться въ глубинѣ своихъ дворцовъ и безвольно хвататься за тѣхъ или иныхъ спасителей положенія, которыхъ выдвигала дворцовая камарилья.

До роковой японской войны «твердая власть» Сипягина и потомъ Плеве, при зоркой бдительности старца Побѣдоносцева давали нѣкоторую иллюзію спокойствія. И потому можно было спокойно отзываться на всякое проявленіе общественной инициативы, на всякую попытку гражданственности, въ духѣ старыхъ любимыхъ формулъ.

При вступленіи Николая II-го на престолъ отъ земствъ Орловскаго, Тамбовскаго, Тульскаго, Полтавскаго, Саратовскаго, Уфимскаго, Тверского, поступили адреса, въ которыхъ проводилась общая идея, ярче всего формулированная Тверскимъ земствомъ: — «Мы ждемъ, государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ ихъ касающимся». И выражалась надежда на общеніе власти въ дѣлѣ государственнаго устроенія съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа.

На пріемѣ депутаціи отъ городовъ и земствъ Николай II-ой могъ опредѣленно и ясно отвѣтить на эти адреса и пожеланія своей знаменитой рѣчью:

— «Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я буду охранять начало самодержавія также твердо и неуклонно, какъ мой обожаемый родитель».

Этотъ отвѣтъ, изумившій всѣхъ своей безтактной рѣзкостью, ясно обнаруживаетъ «ударную» силу рѣзкой и презрительной рѣчи Побѣдоносцева. Мы высказываемъ это какъ предположеніе. Но, во всякомъ случаѣ, общій характеръ дѣятельности Николая и ав-

томатическій безжизненный обликъ его какъ царя-правителя заставляетъ и здѣсь увидѣть ту же механическую пассивную волю къ самодержавію, заставившую его принять и повторить эти слова о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ».

Охранное отдѣленіе и департаментъ полиціи освѣдомляли его о тѣхъ или иныхъ проявленіяхъ общественной оппозиціи, дѣятельности подпольныхъ партій, возникновеніи новыхъ организацій. Но для всего этого и существовала «недреманная власть» охранки и провокаторовъ. Тѣмъ болѣе, что въ числѣ «недреманныхъ окъ» былъ такой даровитый охранникъ, какъ Зубатовъ, покончившій съ собой самоубійствомъ какъ разъ въ разгарѣ побѣды русской революціи.

Какъ говоритъ Бурцевъ, — «Зубатовъ былъ отцомъ провокаціи, ея идейнымъ выразителемъ, ея вдохновителемъ».

Само собой разумѣется, что возникновеніе такой вліятельной революціонной группы, какъ «Союзъ освобожденія» не могъ быть не зафиксированъ охранкой. Дѣятельность его была предоставлена вѣденію послѣдней. На всѣ проявленія общественныхъ силъ смотрѣли не какъ на грозныя предвѣщанія, а какъ на матеріалъ для охраннаго отдѣленія и потомъ суда. Но грянулъ громъ Японской войны, вызванной по иниціативѣ русскаго правительства, какъ прекрасное отвлекающее средство, которымъ можно было убить сразу двухъ зайцевъ: возбудить въ населеніи патріотическія чувства и отвлечь силы отъ революціонной борьбы внутри страны.

Война неожиданно для самого стараго правительства обнаружила на какомъ глиняномъ шаткомъ основаніи покоилась его увѣренность въ тишинѣ и спокойствіи, въ которыхъ можетъ пребывать власть. «Правительство не имѣло даже понятія о состояніи арміи, въ которой были только солдаты—и больше ничего. Орудія, оружіе, корабли, т.-е. то, безъ чего самые храбрые солдаты не въ силахъ воевать, были въ сущности говоря фикція. Милліарды народныхъ денегъ, затраченныхъ на армію, исчезли невѣдомо куда. Въ то же время стало извѣстно, что причиною войны явились совершенно невѣроятныя злоупотребленія на Дальнемъ Востокѣ».

Расчеты на патріотизмъ не оправдались, война не была популярной. Наоборотъ, она явственно служила идеямъ оппозиціи, питая ее богатѣйшимъ матеріаломъ обнаруживающагося развала и дезорганизаціи, хищенія и непорядковъ. Правительство во главѣ съ Плеве утѣшало себя высказанными имъ соображеніями, что дѣятельность революціонеровъ принимать въ разсчетъ не стоитъ». Они не пользуются у народа ни каплей довѣрія, народъ издѣвается надъ ними, такъ какъ чувствуетъ, что они дѣйствуютъ въ ущербъ его интересамъ. И кромѣ того, народъ вовсе не понимаетъ ихъ:

Эти люди, сроднившись съ идеями, вывезенными съ запада, потеряли всякую связь съ русскимъ народомъ».

Здѣсь былъ разсчетъ на невѣжество и темноту народа. Но было упущено изъ виду могучее орудіе оппозиціи:—голосъ насущныхъ потребностей задавленнаго народа.

Неудачно ведомая война привлекала, въ концѣ-концовъ меньше вниманія, чѣмъ оживившаяся лихорадочно дѣятельность оппозиціонныхъ элементовъ внутри страны.

И вскорѣ зловѣщимъ для старыхъ слугъ самодержавнаго режима предзнаменованіемъ прозвучалъ выстрѣлъ. Сазонова, которымъ былъ убитъ главнѣйшій слуга самодержавія. Плеве не стало.

Чувствуя подлинное «колебаніе основъ», припертое въ уголъ правительство рѣшается прибѣгнуть къ одной изъ своихъ уловокъ, къ которымъ систематически прибѣгало правительство Николая II-го. Народъ самымъ циническимъ и подлымъ образомъ обманывали.

Народу сулили легкія и призрачныя блага нѣкоторыхъ реформъ и «довѣрія»; осуществляли эти посулы также призрачнымъ способомъ, и немедленно вслѣдъ за этимъ круче затягивали бразды полицейскаго правленія и передъ удивленнымъ обществомъ представали еще болѣе черныя и реакціонныя мѣры того же правительства, которое только что выступило съ возвѣщеніемъ реформъ и правового строя.

Послѣ смерти Плеве, ширмой, за которой притаились палачи и тюремщики Россіи, оказался министръ общественнаго довѣрія Святополкъ-Мирскій.

Шаткость его полномочій и слабость вызванныхъ имъ надеждъ быстро стали понятны русскому обществу, которое въ этотъ моментъ выступило, будучи широко и стройно организованнымъ. Знаменитый съѣздъ земцевъ-конституціоналистовъ, энергичная дѣятельность «Союза Освобожденія», популярные историческіе «банкеты» въ Петроградѣ и Москвѣ выносили резолюціи и постановленія однороднаго по существу характера. Особенно сильное впечатлѣніе на правительство произвелъ конституціонный адресъ Московской городской думы.

Рѣшительнымъ голосомъ былъ голосъ неразрѣшеннаго земскаго съѣзда съ его постановленіями, каковыми земская партія начала открыто освободительное движеніе, въ которое мало-по-малу была втянута вся страна. Соотвѣтствующее постановленіе было вынесено и петроградскимъ совѣщаніемъ, что отразилось въ земскихъ собраніяхъ провинціальной Руси.

Правительство отвѣтило на этотъ дружный и мощный голосъ страны проявленіемъ подлиннаго своего двуличія: съ одной стороны указомъ, даннымъ правительствующему сенату о назрѣв-

шихъ преобразованіяхъ; съ другой—правительственнымъ сообщеніемъ о недопустимости для земскихъ собраній «выходить изъ предѣловъ, предоставленныхъ ихъ вѣденію» и «касаться вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законныхъ полномочій».

А вслѣдъ за этимъ начались систематическія репрессіи. Выкинувъ народу нѣкую призрачную приманку въ видѣ лживыхъ обѣщаній, правительство Николая II-го, начало энергично ставить шлюзы и преграды мощному напору общественныхъ силъ.

9-го января 1905 года произошло памятное кровопролитіе: правительство разстрѣливало мирную толпу рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей и случайныхъ прохожихъ, скопившихся у Зимняго дворца и руководимыхъ извѣстнымъ священникомъ Гапономъ. Въ отвѣтъ на требованія народа, ему отвѣтили градомъ пуль, массовымъ разстрѣломъ.

Девизомъ правительства по отношенію къ народу стало знаменитое изреченіе опричника Трепова:—«Патроновъ не жалѣй».

Вслѣдъ затѣмъ началась вполнѣ опредѣленная, полная дьявольскаго издѣвательства надъ народомъ двуличная траги-комедія правительственнаго лавированія между сладкими возвѣщаніями и надеждами и кровавыми разстрѣлами, репрессіями и безпощадными подавленіями малѣйшихъ слѣдовъ освободительныхъ дѣйствій.

Кровавый и лживый обликъ абсолютизма и самодержавія принялъ особенно выразительныя черты при Николаѣ II-омъ, слабость и пассивность котораго разрѣшилась моремъ народной крови и неслыханными преступленіями царизма противъ народа, совершаемыми во имя этого анемичнаго и призрачнаго царя.

Здѣсь необходимо выдѣлить и подчеркнуть ту роль, которую въ царствованіе послѣдняго русскаго царя сыграла его «вѣнценосная супруга», яростная германская патріотка, Алиса Гессенская, она же Александра Феодоровна.

То благословеніе на поддержаніе самодержавнаго монархическаго строя, которое исходило отъ Вильгельма Гогенцоллерна изъ Пруссіи и «осѣняло» Николая II-го; то напряженное и неусыпное воздѣйствіе на Николая и его правительственные пути, которое проявлялъ Вильгельмъ, несмотря на русско-французскій союзъ,—проходило черезъ планомѣрно созданное тѣмъ же Вильгельмомъ сотрудничество Алисы Гессенской.

Стоящая въ глубинѣ, за кулисами русской внутренней и внѣшней политики, властолюбивая, энергичная, сухая и презирающая до глубины своей гессенской души Россію и ея народъ, Алиса дѣятельно заботилась объ укрѣпленіи въ чуждой ея странѣ, гдѣ она «воэсѣла» на тронѣ монархическихъ устоевъ при содѣйствіи мудраго змія Вильгельма Гогенцоллерна. Еще трудно опредѣлить,

на сколько вся полнота отвѣтственности за хитрые извороты и лживую политику обѣщаній и репрессій необходимо раздѣлить между воздѣйствіями прусскаго двора и иниціативой Алисы и ея ставленниковъ и совѣтчиковъ, но во всякомъ случаѣ наличіе этого прусскаго воздѣйствія черезъ «русскую императрицу» нельзя отрицать.

И вся энергія и сила этого прусскаго воздѣйствія съ особенной выразительностью опредѣлилась тогда, когда Россія оказалась въ отношеніи кровавой вражды съ Германіей и когда гнѣздо измѣны и предательства нашли въ самомъ сердцѣ русскаго правительства, во дворцѣ Царскаго Села, гдѣ обнаружены даже приспособленія для сигнализаціи германскому штабу.

Иниціативу уклона въ сторону Германіи врядъ-ли можно было бы приписать исключительно одному Николаю, хотя несомнѣнно, что воздѣйствія прусскаго Держиморды находили сердечный откликъ въ Николаѣ, ибо были близки ко всему тому, что было завѣщано ему «обожаемымъ родителямъ» и Побѣдоносцевымъ. Но та яростная энергія близости къ Германіи во что бы то ни стало, на перекоръ народной волѣ, на перекоръ отношеніямъ къ союзникамъ, на перекоръ самымъ судьбамъ страны и милліонамъ жизней воинамъ,—лежитъ во всей полнотѣ преступности на бывшей русской царицѣ Александрѣ Федоровнѣ, которая повинна въ обнаруженной до полной опредѣленности измѣнѣ народу, и странѣ, гдѣ она считалась правительницей.

Она пребывала за кулисами правительства тогда, когда не было нужды въ проявленіи такой настойчивой и неукротимой энергіи, когда не надо было бороться со столькими препятствіями. Но въ эпоху войны, когда Вильгельмъ и Германія стали врагами Россіи, обликъ хищной и преступной царицы какъ бы высунулся изъ-за кулисъ правительственныхъ сооруженій и вырисовался во всю.

Бывшая царица ѣздила въ ставку, и въ ставкѣ запиралась со своимъ другомъ и совѣтчикомъ фрейлиной Вырубовой, съ которой вдвоемъ онѣ рѣшали судьбы Россіи. Она, по словамъ свѣдущихъ лицъ, набрасывала проекты указовъ и манифестовъ, она намѣчала губернаторовъ. Ни одинъ министръ не могъ получить портфеля безъ ея давленія.

Въ присутствіи бывшей царицы Николай оставался безгласнымъ и подавленнымъ ея упрямой, жестокой и тупой волей. Она окружала себя сонмомъ правящихъ Россіей людей, изъ которыхъ каждый съ полнымъ основаніемъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ Россіи и въ сношеніяхъ съ германскимъ штабомъ. Во главѣ ихъ стоялъ развратный авантюристъ Распутинъ, пользовавшійся безграничнымъ вліяніемъ на бывшую царицу и не безъ основанія признаваемый агентомъ нѣмецкаго штаба. О роли этого проходимца въ судьбахъ предреволюціонной Россіи мы поговоримъ въ особой главѣ.

II

Въ февралѣ 1905 года опубликованъ рескриптъ бывшаго царя на имя смѣнившаго Святополкъ-Мирскаго Булыгина; въ рескриптѣ возвѣщалось о намѣреніи «привлекать достойнѣйшихъ довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній».

Въ то же время секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ въ которомъ земствамъ и городскимъ учрежденіямъ подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности предписывалось «не возбуждать ходатайства по предметамъ, непосредственно до ихъ вѣдѣнія не относящимся», совершенно дискредитировалъ «булыгинскую конституцію» и свелъ на нѣтъ лживыя и провокаціонныя обѣщанія рескрипта.

На послѣдовавшихъ затѣмъ съѣздахъ (Пироговскомъ, агрономовъ и статистиковъ, конституціонной группы земскихъ дѣятелей, аграрнаго съѣзда земствъ) выносили постановленія и резолюціи настойчиваго и опредѣленнаго характера, въ которыхъ звучало выраженіе подлиннаго народнаго требованія правового строя. На экстренныхъ земскихъ собраніяхъ прозвучалъ снова согласно голосъ земской Руси. Послѣ цусимскаго разгрома, вызвавшаго сильнѣйшій взрывъ народнаго негодованія, послѣдовало обращеніе непосредственное депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей, лица отъ которыхъ С. Н. Трубецкой обратился къ бывшему царю съ рѣчью. Между прочимъ въ этой рѣчи указывалось на то, что народъ не вѣритъ правительству Николая II-го и ищетъ измѣнниковъ и предателей въ генералахъ и совѣтчикахъ царя. Дѣло народнаго представительства признавалось насущнымъ для спасенія государства.

Николай II-ой отвѣтилъ выраженіемъ непреклоннаго рѣшенія созыва выборныхъ отъ народа. А вскорѣ послѣ этого оживленная дѣятельность земствъ въ направленіи государственнаго правового перестроя вызвала снова жестокія репрессіи правительства.

Возникшая и стройно проведенная всеобщая забастовка желѣзнодорожная, почтъ и телеграфовъ, отрѣзавшая Петроградъ отъ провинціи, отъ Россіи, показавшая мощь организованнаго пролетаріата, вызвала новую правительственную мѣру. 17 октября 1905 года вышелъ знаменитый манифестъ бывшаго царя. Лживый, какъ и все, что исходило отъ правительства погромщиковъ и убійцъ, онъ могъ вызвать въ легковѣрныхъ сердцахъ очень недолгое ликованіе. Потому что еще не успѣлъ замолкнуть народный гулъ свободы, привѣтствіе желанному дню раскрѣпощенія, крики и пѣніе «марсельезы», какъ праздникъ народной свободы былъ омраченъ

невиданными еще въ Россіи кровопролитіями, измѣннически подлыми и безпощадными.

Припертое въ уголъ волей всей Россіи, всего народа правительство, сдавшись и пойдя по видимости на уступки, начало дѣятельно организовывать всѣ темныя силы страны и всю наличную шайку охранниковъ, провокаторовъ, жандармовъ и полицейскихъ. Надо отдать справедливость темнымъ силамъ реакціи, что они съ поразительной ловкостью организовали и собрали всѣ народные отбросы, все темное, продажное, низкое, все, что подымалось со дна страны, все, что носило въ ней характеръ воровской, разбойный и продажный.

Собиравшіяся на митингахъ и собраніяхъ толпы народа подвергались обстрѣламъ и разстрѣламъ. Полиція и охранники организовали шайки и такъ называемыя «черныя сотни», дѣятельность которыхъ должна была терроризировать общественныя силы и заставить гражданина превратиться снова въ трусливаго и дрожащаго русскаго обывателя. Велась дѣятельная пропаганда объ измѣннической дѣятельности студентовъ, евреевъ, забастовщиковъ, которыхъ призывали истреблять и убивать. Цѣлый рядъ погромовъ прокатился по Руси въ одну недѣлю, организованный полиціей и чинами охраны. Пожарища, погромы, убійства, разстрѣлы, безчинства черной сотни, вотъ чѣмъ правительство отвѣтило на вынужденныя уступки народу.

Въ Департаментѣ полиціи печатались и выпускались по всей Россіи погромныя прокламаціи. Мобилизовалась «черная» продажная печать, въ которой погромщики, убійцы, наемные палачи призывали къ репрессіямъ и выражали монархическія и вѣрноподанныя чувства.

Россія наполнилась невѣроятнымъ количествомъ людей, которыхъ самъ дьяволъ призналъ бы вождями всего самаго гнуснаго, что только могла творить извращенная и нечистая фантазія убійцъ, предателей и злодѣевъ.

Заворошилось дно и выпустило на поверхность зловонную и черную муть и на время покрыло русскую землю своей нечистой накипью. Какихъ только героевъ предательства, провокаціи, измѣны и подлости не перевидѣли мы за это время. И среди нихъ расцвѣтшій на унавоженной почвѣ какъ самый яркій цвѣтокъ самодержавнаго строя—знаменитый предатель Азефъ.

Быть можетъ не безъ внушенія прусскаго мефистофеля, приняты были правительствомъ Николая II-го самыя крайнія мѣры для приведенія Россіи къ прежнему благополучію самодержавнаго рабьяго строя. Этими мѣрами являлось прежде всего—залить всю Россію кровью, утопить революцію въ человѣческой крови и утвердить на ней прочно и незыблемо тронъ Романовыхъ. Народъ

обманывали и внѣшне соглашаясь на уступки, дѣлаемыя съ зубовнымъ скрежетомъ, мстили за эти подачки, за эту «булыгинскую конституцію», за эти лживые рескрипты и манифесты разстрѣлами, убійствами и разгромами.

Въ Москвѣ Дубасовъ спровоцировалъ знаменитое «вооруженное московское возстаніе» и утопилъ улицы, и площади, и бульвары Москвы въ человѣческой крови. Подъ предводительствомъ черной памяти генерала Мина семеновцы разстрѣливали и закалывали сотни и тысячи людей. Пулеметы и ружья и штыки работали во славу романовскаго палачества. Осуществлялась программа утопить революцію въ крови и надолго вернуть благополучнаго россійскаго обывателя къ режиму Великаго Инквизитора.

Снаряженные въ то же время «карательные отряды» приводили къ вѣрноподанничеству на станціяхъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Сибири и во внутреннихъ губерніяхъ пытками, разстрѣлами, штыками, и палашами. Россію опустошали. Все молодое, иниціативное, смѣлое, граждански отзывчивое и сознательно подвергнуто было безпощадному истребленію. Ибо для того, чтобы послѣдній потомокъ династіи Романовыхъ могъ благополучно царствовать со своей германской патріоткой необходимо было съ корнемъ вырвать съ лица русской земли все политически-сознательное и иниціативное.

Тысячи людей убивались, десятками тысячъ сидѣли въ казематахъ и тюрьмахъ, ссылались въ Туруханскій край, Нарымскъ и вообще туда, куда «Макаръ не гонитъ телятъ».

Свободу Россія отпраздновала неслыханными человѣческими гекатомбами, еще и еще разъ принесенными молоху самодержавія.

За эти нѣсколько послѣднихъ лѣтъ синодикъ преступленій царизма выросъ до такого размѣра и обогатился такими черными дѣяніями, что нѣтъ такой кары, которая возмѣщала бы содѣянное.

Въ это же время власть переходитъ въ «твердыя руки» Столыпина, выступившаго и бросившаго въ лицо всѣмъ радикальнымъ элементамъ народа и страны свой лозунгъ—«Не запугаете». Режимъ Столыпина знаменитъ безконечными гирляндами висѣлицъ, на которыхъ висѣли новыя и новыя жертвы освободительныхъ стремленій.

Съ неслыханнымъ цинизмомъ разрѣшено было оповѣщать каждый день публику о количествѣ повѣшенныхъ и вообще казненныхъ. «Вѣшатель» вотъ данное народомъ Столыпину имя. Весь обагренный народной кровью съ головы до ногъ, Столыпинъ допустилъ неслыханный даже на Руси режимъ тюремъ и мѣстъ заключенія. Политическихъ заключенныхъ пытали, истязали, убивали, уродовали на всю жизнь; женщинъ насиловали, ввели для политическихъ порку, подвергали всѣмъ ухищреніямъ злобы и насилія,

какія только могла придумать фантазія русскаго палача и тюремщика. Совершалась самая гнусная деморализація низовъ населенія. Въ несмѣтномъ количествѣ требовались палачи, трудъ которыхъ высоко оплачивался и которыхъ вербовали изъ подонковъ населенія.

Первая Государственная Дума была распущена, авторы Выборгскаго воззванія посажены въ тюрьму; возстаніе въ Свеаборгѣ подавлено. «Твердая власть» дѣлала свое дѣло и неуклонно вела къ закрѣпощенію страны въ новой полосѣ реакціи. Изъ собравшейся 2-ой Государственной Думы правительство возымѣло желаніе изъять 16 человѣкъ соціалъ-демократовъ, и когда не получило на это изъятіе санкціонированія Думы, то постановило вторую Думу распустить.—«Дума не оправдала ожиданій нашихъ»,—заявилъ по этому поводу въ своемъ рескриптѣ Николай.

Надвигалась реакція, слѣды революціи ликвидировались съ теченіемъ времени, «успокоеніе» уже было на горизонтѣ. Снова въ Россіи въ періодъ съ 9-по 14 годы царствовало то могильное успокоеніе, въ которомъ задыхалось все живое въ странѣ и снова опредѣляющимъ и регулирующимъ центромъ существованія Россійской имперіи являлся всесильный и полный страшнаго самодовольства Калибанъ, упившійся кровью, всесильный Держиморда.

Но грянулъ снова громъ «военной непогоды» и снова страшный таранъ стихійнаго потрясенія раскачался и ударилъ въ новую крѣпь самодержавнаго строя.

Фатальность войны для абсолютизма сказалась вновь и уже съ роковой рѣшающей силой. Россія вступила въ войну европейскихъ державъ и не смотря на политику двоедушія, измѣны, предательства, правительство оказалось, въ концѣ концовъ, въ собственныхъ силкахъ, въ капканѣ, который разставило для народа.

Снова начались тщательныя инсценировки проявленія народнаго патріотизма, снова зазвучалъ «громъ побѣды раздавайся», причемъ громъ побѣды знаменовался, какъ проявленіе царской мощи. И,—дѣйствительно, былъ моментъ, когда несомнѣнная популярность войны, сознаніе ея высокихъ и насущныхъ цѣлей могло до извѣстной степени примирить русскій народъ даже съ тѣмъ правительствомъ, которое было въ данный моментъ, еслибы только имъ хотя въ малой мѣрѣ осуществлялись цѣли и заданія, которыя диктовало положеніе вещей. Грозный и жестокій врагъ угрожалъ независимости русской страны и милитаризаціей, оказарменѣніемъ міра. Неслыханная война потребовала и неслыханнаго притока народныхъ силъ въ армію. Армія стала народомъ и наоборотъ. Лозунгомъ страны явилась идея временнаго отказа отъ всякаго слѣда политической внутренней борьбы въ моментъ, когда это грозило

ослабленіемъ тыла, внутренней разрухой и могло быть на руку врагу.

И съ изумленіемъ, граничившимъ съ ужасомъ и стихійнымъ возмущеніемъ русскій народъ узналъ, что въ этой стихійной борьбѣ народовъ, въ которой Россія примкнула къ коалиціи, защищающей свободу и право, русское правительство оказалось почти цѣликомъ на сторонѣ враговъ и занималось чернымъ дѣломъ измѣны и предательства, всѣми мѣрами ослабляя военную мощь Россіи и стараясь предать ее въ руки враговъ.

Обнаружились явленія измѣны и сношенія съ врагами, которыя ясно показали необходимость борьбы на два фронта: одинъ извнѣ, другой внутри страны. Царское правительство и здѣсь оказалось врагомъ народа и народнаго дѣла.

Въ то же время въ связи съ общимъ положеніемъ вещей, самодержавное правительство обнаружило такую разруху и деморализацію, такое неслыханное паденіе въ яму позора, униженія и дикой, разнузданной животности, что въ дѣлѣ освобожденія страны отъ кучки измѣнниковъ, продажныхъ и разнузданныхъ сообщниковъ объединились не только армія и народъ, но и часть членовъ царской фамиліи, оказавшихся въ открытой оппозиціи противъ бывшаго царя.

И вотъ въ небольшой періодъ времени отъ 27-го февраля до 4-го марта совершилось грандіозное дѣло высвобожденія и раскрѣпощенія Россіи отъ паразитовъ и кровопійцъ, наконецъ рѣшительное и абсолютное высвобожденіе, гарантирующее отъ тѣхъ морей крови, которыя были неизбѣжны при всякихъ сношеніяхъ съ палачами изъ дома Романовыхъ.

Уже вторая половина начатой побѣдоносно для насъ войны обнаружила страшную разруху въ дѣлѣ военнаго снабженія и организаціи тыла и неслыханныя предательства лицъ, стоявшихъ во главѣ правительства. Вслѣдъ затѣмъ обстоятельства времени раскрыли передъ русскимъ обществомъ картину вопіющаго позора и сплошной грязи и низости, которую представлялъ дворъ во главѣ съ бывшимъ царемъ и царицей.

Правительство само же показало съ ясностью, уже неопровержимой, насколько былъ правъ талантливый журналъ революціонной эпохи 1905 года—«Зритель», когда диктовалъ слѣдующую мѣру народу:

— «Когда зубъ, хотя и крѣпко сидящій, прогнилъ до основанія, его слѣдуетъ удалить. Если при выдергиваніи слетитъ корона, то этого не достаточно: непремѣнно надо рвать съ корнемъ, какъ бы трудно не было это».

Глава III.

Николай 2-ой и Алиса Гессенская.

I.

Царь-манекенъ.

Намъ уже пришлось коснуться многихъ сторонъ личности Николая II-го, относительно котораго существуетъ нѣсколько версій. Такъ одни надѣляютъ его полной государственной вмѣняемостью, въ томъ смыслѣ, что инициатива принятаго его правительствомъ курса всецѣло принадлежитъ ему. Онъ же, какъ ловкій дипломатъ, умѣло прятался за ширмами своихъ помощниковъ и исполнителей, дѣлая ихъ передъ лицомъ народа отвѣтственными за преступленія и кровь народа.

Эта точка зрѣнія врядъ ли можетъ быть принята цѣликомъ. Конечно, въ полной мѣрѣ Николая нельзя назвать игрушкой въ рукахъ тѣхъ или иныхъ вліявшихъ на него людей. Но несомнѣнно для каждаго, кто испыталъ въ теченіе ряда лѣтъ режимъ Николая II-го, что въ правленіи его не чувствовалась и не сознавалась опредѣленная государственная индивидуальность, которая при самомъ ловкомъ утаиваніи нитей правленія и воли, все же должна опредѣленно сказаться, такъ какъ отпечатокъ той или иной инициативной живой воли, какая бы она не была, гуманная или животная, долженъ непремѣнно сказаться и почувствоваться всѣми.

Въ литературѣ уже начинаетъ опредѣленно проглядывать тенденція относительно слабоволія и безличія Николая. Само собою разумѣется, что между безличіемъ и слабостью воли и невмѣняемостью еще лежитъ цѣлая бездна. Николая нельзя не признать отвѣтственнымъ за пролитыя имъ моря народной крови. Но въ то же время явственный отпечатокъ автоматичности, механичности, безкрасочности, отсутствіе всякаго правящаго лица бросается въ глаза въ этой анемичной фигурѣ каждому.

Тѣмъ страшнѣе режимъ палачества въ его царствованіе, тѣмъ ужаснѣе, что пролитые имъ потоки крови и количество казнен-

ныхъ и замученныхъ превышаетъ все, что было сдѣлано самими прославленными въ этомъ отношеніи тиранами.

Дурная наслѣдственность, природная рахитичность должны были увеличиться въ немъ благодаря той нездоровой атмосферѣ дворцовой жизни, которая не могла не быть въ немъ при режимѣ самодура и тяжело-тупого Александра III-го. Воспитаніе будущаго царя, въ которомъ значительную роль игралъ Побѣдоносцевъ, было выдержано въ тяжелыхъ и душныхъ схемахъ тѣхъ необходимыхъ внушеній, которыя должны были быть сдѣланы будущему столпу самодержавія и абсолютизма. У насъ нѣтъ свѣдѣній относительно того, какъ воспринималъ будущій послѣдній императоръ всероссійскій эти науки и къ чему обнаружилъ преимущественный интересъ. Какъ и вообще ни у одного изъ многомилліонныхъ обитателей Руси, не приближенныхъ къ престолу, нѣтъ свѣдѣній относительно какихъ либо проявленій умственнаго или душевнаго интереса у Николая II-го. Нѣтъ сомнѣнія, что въ въ продолженіе десятковъ лѣтъ наличность какихъ либо индивидуальныхъ чертъ царя въ умственномъ или нравственномъ отношеніи не могла не сказаться такъ или иначе въ самомъ ходѣ жизни. Но безкрасочная и лишенная какой-либо иниціативы, жизнь Николая II-го опредѣленно говоритъ о чрезвычайно пониженной и сведенной почти къ минимуму умственной душевной впечатлительности, объ отсутствіи личной жизненной энергіи, вообще о какомъ то элементарномъ вяломъ и механическомъ существованіи.

И этотъ гомункулусъ самодержавія принесъ такія неисчислимыя бѣдствія Россіи. Быть можетъ прояви онъ хоть какую нибудь личную иниціативу и личную умственную и моральную заинтересованность въ томъ, что происходитъ,—не были бы такъ велики преступленія государственной власти, совершенныя по его попущенію и его именемъ.

Ударъ, полученный имъ въ молодости, во время путешествія по Востоку, нанесенный фанатическимъ японцемъ изъ полицейскаго отряда, сопровождавшаго наслѣдника, долженъ былъ имѣть свои послѣдствія для его умственныхъ способностей. Волненія, пережитыя на станціи Борки, во время крушенія царскаго поѣзда, не могли не отразиться на его и безъ того разшатанной нервной системѣ. Если прибавить къ этому еще неумѣренное пристрастіе къ алкоголю, полученное въ наслѣдіе отъ отца, то получится довольно внушительная картина, не внушающая особо свѣтлыхъ представленій о физическомъ и моральномъ здоровьи послѣдняго носителя царской власти въ Россіи.

Въ литературѣ высказывались мнѣнія, до извѣстнаго момента совпадающія съ нашимъ. Амфитеатровъ проводитъ параллель между личностью Павла I-го и Николая II-го.—«Личности

двухъ павшихъ монарховъ,—говоритъ онъ,—схожи, потому что обѣ говорятъ о неуравновѣшенной психикѣ; хотя Павелъ помѣшанный изъ буйнаго отдѣленія сумасшедшаго дома, а Николай—опасный неврастеникъ, можетъ быть даже параноикъ, которому мѣсто подъ хорошимъ врачебнымъ присмотромъ въ отдѣленіи тихомъ. Но безчисленныя проявленія злой воли, вспышками, исподтишка обозначавшіяся въ Николаѣ за двадцать два года его царствованія, позволяютъ съ совершенной опредѣленностью сказать, что Николай это не дошедшій до точки, Павелъ. И если хотите, послѣдній опять таки имѣлъ преимущество передъ своимъ потомкомъ въ томъ отношеніи, что понималъ или по крайней мѣрѣ смутно чувствовалъ свое анормальное состояніе, боялся самъ себя; способенъ былъ къ раскаяніямъ и угрызеніямъ совѣсти, не отличался сосредоточенной злопамятностью,—вообще былъ жестокъ по безумію, но не по самой своей натурѣ. Природа Николая еще не изучена, но ея основная психологическая черта бросается въ глаза такъ ярко, проходитъ черезъ жизнь и дѣятельность его такъ послѣдовательно, что ее наблюдать приходится уже простымъ, а не вооруженнымъ глазомъ,—даже и человѣку со слабымъ зрѣніемъ.

Это полная его нечувствительность къ эмоціямъ нравственнаго воспріятія, совершенная проницаемость его духа для явленій окружающей среды, поскольку они выходятъ за границы интимно-эгоистическихъ интересовъ, маленькихъ страстишекъ и мелкой сентиментальности. По деревянности воспріятій драматической стороны жизни Николай какъ бы младшая копія покойнаго Франца-Іосифа австрійскаго, который, какъ хорошо всѣ знаютъ, умѣлъ пережить несравнимо долгую и тяжкую цѣпь тягчайшихъ семейныхъ трагедій, которыхъ равнымъ міръ не видалъ, вполнѣ невозмутимо и въ добромъ здоровьи почти до девяноста лѣтъ.

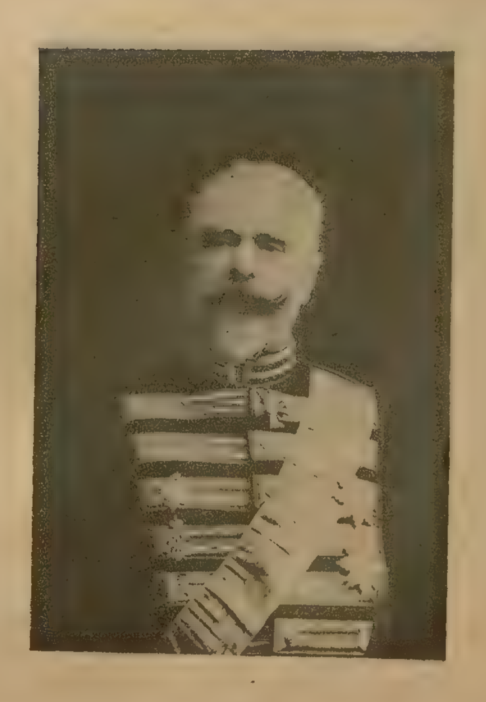
Николай не имѣлъ личной жестокой репутаціи, а между тѣмъ его царствованіе было самымъ жестокимъ, самымъ кровавымъ изъ всѣхъ царствованій Голштинскаго дома, не исключая даже его прадѣда одноименника Николая 1-го, пользующагося репутаціей бездушно-свирѣпаго и холодно-злого двуногаго звѣря въ коронѣ. Хроника царствованія Николая 1-го болѣе кровава, чѣмъ страницы Тацитовой лѣтописи... Сейчасъ мы уже имѣемъ о немъ цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ ближайшихъ его родственниками, рисующими его единодушно однѣми и тѣми же чертами: какъ человѣка безъ иниціативы къ добру и злу, пассивно плывущаго по теченію, но смѣшавшаго слабоволіе съ обидчивымъ упрямствомъ и рѣшительно неспособнаго чувствовать прямо и непосредственно, какъ будто душа у него обросла толстѣйшей

кожей. Изъ этой нечувствительности его проистекалъ необыкновенный «талантъ» бюрократическаго отношенія къ міру. Вся жизнь текла мимо него, какъ то стороною, совершенно его не задѣвая, потому, что превратилась для него въ форму, въ доклады, крытыя лакомъ резолюціи—«быть по сему», которыя и были для него реальнымъ міромъ, а реальный міръ ушелъ куда то въ незримую даль, какъ выцвѣтшій и нисколько не интересный призракъ. Такіе люди опаснѣе даже умышленно и сознательно жестокихъ. Очень можетъ быть, что Николай даже мухи не раздавилъ бы собственнымъ пальцемъ, зато подписать смертный приговоръ, отправить разбойника-генерала на карательную экспедицію противъ мирныхъ гражданъ ему ровно ничего не стоило.

Всѣ показанія и документы, которыми мы до сего времени располагаемъ, говорятъ неопровержимо одно и тоже,—что главными грѣхами Николая были грѣхъ попустительства и грѣхъ преступной мертвой инертности къ тому, что совершилось не только на пространствахъ великой Руси, но даже и въ его собственномъ дворцѣ и въ его семьѣ. Мы присутствуемъ при какой то полной и постепенной атрофіи воли, при ея угасаніи, когда не дѣйствуютъ уже никакія увѣщанія и никакіе крики объ опасности ни ближайшихъ друзей, ни родственниковъ.

Въ послѣдній годъ царствованія Николая эта атрофія воли достигла того, что неслыханный позоръ, въ какой повергъ онъ правящую Россію и свою династію, какъ то совершенно не достигалъ его сознанія. Неистовая свистопляска, которая начала разыгрываться у кормила русской правительственной власти, борьба хищниковъ, акулъ, преступниковъ, вымогателей и предателей, быстро смѣнявшихъ одинъ другого; центральная роль среди всего этого проходимца, назначавшаго министровъ и диктовавшаго бывшимъ царямъ свою пьяную и дикую волю,—все это указываетъ на то, что послѣдній годъ царскій дворъ былъ, дѣйствительно, какимъ то домомъ сумасшедшихъ. Немудрено, что все, что дѣлалось въ странѣ, отданной на безконтрольное опеканіе кучки проходимцевъ, спекулянтовъ и предателей, также отдавало какимъ то неистовымъ вихремъ злыхъ бѣсовъ, пляшущихъ на поверхности русской земли свой фантастическій и дикій танецъ.

Нѣсколько иного мнѣнія держится о Николаѣ предсѣдатель второй Государственной Думы, Ф. А. Головинъ. Основными чертами Николая по его мнѣнію, слѣдуетъ считать суровость, упрямство и властолюбіе. Отмѣчая внѣшнюю «обаятельность» въ обращеніи Николая, когда послѣдній этого хотѣлъ достигнуть (мягкій голосъ, любезная улыбка, утонченная вѣжливость), Николай въ то же время отличался двоедушіемъ и часто за спиной обласканнаго человѣка говорилъ о немъ же гадости. Такъ, по словамъ

МИНИСТРЫ-ПРЕДАТЕЛИ: ШТЮРМЕРЪ, ПРОТОПОПОВЪ И СУХОМЛИНОВЪ.

Ф. А. Головина, было и съ нимъ. По отношенію къ князю Г. Е. Львову было также. Николай принималъ его съ распростертыми объятіями, называлъ его своимъ другомъ, «милымъ князинькой», а въ отсутствіе его вышучивалъ какъ самого князя, такъ и земскій союзъ. По мнѣнію Ф. А. Головина, Николай проявлялъ враждебный интересъ къ дѣятельности лѣвыхъ депутатовъ Государственной Думы, слѣдилъ за ихъ рѣчами, былъ въ курсѣ всего происходящаго въ Думѣ и обо всемъ имѣлъ свое сужденіе.

Какъ то зашелъ во дворцѣ разговоръ о послѣднихъ рѣчахъ лѣвыхъ вольнодумцевъ. Николай возмущался ихъ выступленіями, называлъ это «пропагандою съ думской трибуны» и говорилъ, что это самый опасный видъ пропаганды. На эту тему Николай говорилъ безъ перерыва минутъ 15—20 и говорилъ съ большой экспрессіей. Головинъ возражалъ царю. Тотъ съ милой улыбкой давалъ ему высказаться, но оставался при своемъ мнѣніи, отстаивая его съ тупымъ упрямствомъ недалекаго человѣка.

Подобныя бесѣды обрисовали передъ Головинымъ образъ Николая въ свѣтѣ нѣсколько иномъ, чѣмъ другіе свидѣтели прявленій личности царя. Головинъ настаиваетъ на наличности злой воли и между прочимъ утверждаетъ, что идея военно-полевыхъ судовъ принадлежитъ лично Николаю, и онъ сумѣлъ провести ее въ жизнь.

Событія послѣднихъ лѣтъ наложили отпечатокъ на Николая: онъ посѣдѣлъ, лицо его стало нервно подергиваться, руки тряслись. Многіе до сихъ поръ не могутъ его забыть въ историческомъ засѣданіи Государственной Думы во время войны. Онъ стоялъ во время молебна блѣдный, голова и руки его тряслись. Рѣчь онъ сталъ произносить неувѣренно, запинающимся голосомъ, читая ее по бумажкѣ, вложенной въ шапку. Эта фигура «стараго тирана», какъ назвалъ его Милюковъ, была чрезвычайно выразительна и не столько смѣшна, сколько трагична.

Эти интересныя показанія Головина не такъ ужъ противорѣчатъ выше развитымъ точкамъ зрѣнія. Прежде всего, наблюденія Головина относятся главнымъ образомъ къ прошлому, когда процессъ атрофіи и упадка воли, моральной и умственной, не такъ еще рѣзко обнаружился. Но и кромѣ того, то обстоятельство, что у Николая нашлись кое какіе личные доводы въ пользу его затверженныхъ, разъ навсегда воспринятыхъ идей о враждебности всякой личной и общественной иниціативѣ, говоритъ лишь о томъ, что онъ не выходилъ изъ русла этого разъ навсегда воспринятаго и не умѣлъ ни единаго раза въ жизни отойти хотя на шагъ отъ этихъ *мертвыхъ точекъ* своего узенькаго міросозерцанія. Любовь къ разговорамъ «за спиной» и злословію по адресу «лѣвыхъ» и земцевъ, очень легко объясняется коренной враждебностью царя къ этимъ людямъ, которые всегда для него оставались людьми иныхъ

островов и иного языка и сознанія. Николай могъ хорошо усвоить себѣ представленія и мысли генерала Воейкова или адмирала Нилова или престарѣлаго Фридерикса, или разсказчика анекдотовъ бывшаго министра Маклакова, но ему были инстинктивно враждебны міросозерцаніе и складъ свободнаго человѣка, не пропитаннаго укладомъ дворца и принципами старо-казарменной деспотіи.

Между прочимъ эта враждебность и злословіе и говорятъ какъ разъ о слабоволіи и мелочности характера. Описаніе вида бывшаго царя въ послѣдній годъ и эти признаки болѣзненности и упадка: дрожаніе рукъ, трясеніе головы, это чтеніе запинающимся голосомъ рѣчи по бумажкѣ, лежащей въ шапкѣ,—все это ясно говоритъ о процессѣ подлиннаго развала. Въ виду этого развала становится понятнымъ и то обстоятельство, что вокругъ Николая второго совершалось, въ концѣ концовъ, уже то, что могло совершаться только при какомъ то параличѣ воли. Необходимость обращенія къ бывшему царю его родственниковъ, великихъ князей, вынужденность ихъ указать Николаю на то, что творится въ Россіи вообще и у него, бывшаго царя, передъ глазами, ясно показываетъ, что Николай уже не способенъ былъ самъ разобраться въ этомъ окружающемъ и какъ либо реагировать на него. Такія указанія могутъ быть сдѣланы только морально слѣпому человѣку, потерявшему способность нормальной умственной и душевной впечатлительности.

Въ этомъ смыслѣ письмо къ нему Николая Михайловича чрезвычайно показательно. Оно датировано 1-го ноября 1916 года.

—«Ты неоднократно выражалъ твою волю,—пишетъ Николаю второму, Николай Михайловичъ,—довести войну до побѣдоноснаго конца. Увѣренъ ли ты, что при настоящихъ тыловыхъ условіяхъ это исполнимо? Освѣдомленъ ли ты о внутреннемъ положеніи не только внутри имперіи, но и на окраинахъ? Говорятъ ли тебѣ всю правду или же многое скрываютъ? Гдѣ кроется корень зла?..

Разрѣши въ краткихъ словахъ выяснить тебѣ суть дѣла.

Пока производимый тобой выборъ министровъ при такомъ же сотрудничествѣ былъ извѣстенъ только ограниченному кругу лицъ, дѣло еще могло идти, но разъ способъ сталъ извѣстенъ всѣмъ и каждому, и объ этихъ методахъ распространилось во всѣхъ слояхъ общества, такъ дальше управлять Россіей немыслимо.

Неоднократно ты мнѣ сказывалъ, что тебѣ некому вѣрить, что тебя обманываютъ. Если это такъ, то же явленіе должно повториться и съ твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному сплошному обману окружающей ея среды. Ты вѣришь Александрѣ Федоровнѣ. Оно и понятно. Но что исходитъ изъ ея устъ, есть результатъ ловкой подтасовки, а не дѣйствительной правды. Если ты не властенъ отстранить отъ нея это влія-

ніе, то по крайней мѣрѣ огради себя отъ постоянныхъ систематическихъ вмѣшательствъ этихъ нашептываній черезъ твою супругу:

Если твои убѣжденія не дѣйствуютъ,—а я увѣренъ, что ты уже неоднократно боролся съ этимъ вліяніемъ,—постарайся изобрѣсти другіе способы, чтобы навсегда покончить съ этой системой. Твои первые порывы и рѣшенія всегда замѣчательно вѣрны и попадаютъ въ точку. Но какъ только являются другія вліянія, ты начинаешь колебаться и послѣдующія твои рѣшенія уже не тѣ. Если бы тебѣ удалось удалить это постоянное вторженіе во всѣ дѣла темныхъ силъ, сразу началось бы возрожденіе Россіи, и вернулись бы утраченное тобой довѣріе громаднаго большинства подданныхъ твоихъ. Все послѣдующее быстро наладится само собою. Ты найдешь людей, которые при измѣнившихся условіяхъ согласятся работать подъ твоимъ личнымъ руководствомъ.

Когда время настанетъ,—а оно уже не за горами,—ты самъ съ высоты престола можешь даровать желанную отвѣтственность министерства передъ тобой и передъ законодательными учрежденіями. Это сдѣлается просто, само собой, безъ напора извнѣ и не такъ, какъ совершился достопамятный актъ 17-го октября 1905 г.

Я долго колебался открыть тебѣ всю истину, но послѣ того, какъ твоя матушка и обѣ твои сестры меня убѣдили это сдѣлать,—я рѣшился.

Ты находишься наканунѣ эры новыхъ волненій,—скажу больше: наканунѣ эры покушеній. Повѣрь мнѣ: если я такъ напираю на твое собственное освобожденіе отъ создавшихся оковъ, то я это дѣлаю не изъ личныхъ побужденій, которыхъ у меня нѣтъ,—въ этомъ ты уже убѣдился и ея величество тоже, а только ради надежды и упованія спасти тебя и твой престолъ и нашу дорогую родину отъ самыхъ тяжкихъ и непоправимыхъ послѣдствій».

Этотъ голосъ даровитаго и культурнаго изъ великихъ князей дома Романовыхъ остался неуслышаннымъ. Гроза разразилась, упорство Николая послужило ко благу, на этотъ разъ, Россіи.

Романовы «ушли». Ихъ черная память освобождаетъ отъ себя Россію.

II

Александра Федоровна и измѣна въ Россіи

Великіе предостереженія и голоса объ опасности были уже напрасны. Когда бывшую царицу предварили, что все общественное мнѣніе Россіи возмущено скандальной близостью къ двору Распутина, она отвѣтила «грубымъ русскимъ словомъ—наплевать»...

Спасенія здѣсь быть уже не могло. Безуміе было абсолютнымъ, преграждающимъ всѣ пути и выходы.

На русскомъ тронѣ сидѣлъ нравственно разлагающійся, при жизни мертвый въ нравственномъ и волевомъ отношеніи Николай и совершенно больная женщина, воля которой несомнѣнно была болѣзненно, истерически напряжена и вся направлена на какое то полубредовое безуміе цѣлей, продиктованныхъ шарлатаномъ, «пророкомъ» и паравитомъ Распутинымъ.

О характерѣ ея отношеній къ Распутину говорятъ разное. Многіе, подобно Амфитеатрову, отрицаютъ, судя по имѣющимся документамъ, интимную близость. Александра Федоровна, хотѣвшая, по ея словамъ, походить на другую царствовавшую въ Россіи нѣмку-Екатерину II-ую, не уподоблялась ей въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ. Обликъ принцессы Алисы Гессенской очень долго былъ для русскаго сознанія въ туманѣ и казался исполненнымъ пассивности и блѣдности. Есть сообщенія, что болѣзненная въ силу наслѣдственныхъ чертъ, она была «подсунута» Вильгельмомъ Николаю не безъ разсчетовъ на вырожденіе русской царствовавшей династіи, и передала наслѣднику недугъ гемофиліи (кровоточивости).

Ея сухой, упрямый и злобный ликъ сталъ совершенно ясенъ въ эпоху всемірной войны. Этотъ періодъ времени совпалъ съ полнымъ торжествомъ вліянія честолюбивой и настойчивой нѣмки надъ морально разжижавшимся Николаемъ. Приведенное выше письмо Николая Михайловича достаточно ясно устанавливаетъ, насколько велико было подчиненіе Николая своей женѣ. И во дворцѣ Царскаго Села и въ ставкѣ она диктовала ему свою волю и отстраняла все правительство собственной персоной вмѣстѣ со своей приближенной, шарлатанничавшей вмѣстѣ съ Распутинымъ—фрейлиной Вырубовой. Это было въ одно и то же время комично и страшно: судьба Россіи была въ рукахъ двухъ женщинъ, полусумасшедшихъ, изъ которыхъ одна притворялась, а другая неуклонно вела въ бездну себя и свой домъ.

Ея германскій патріотизмъ, унаслѣдованный и абсолютно ей привитый, вспыхнулъ въ ней съ особенной силой, когда Германія очутилась въ станѣ враговъ. Началась та свистопляска предательства, измѣнъ, неожиданныхъ взрывовъ и уничтоженій нашихъ пороховыхъ складовъ и патронныхъ запасовъ, парализація военнаго снабженія и наконецъ—сдача городовъ и крѣпостей, на которую Россія смотрѣла какъ на какой то тяжелый невозможный бредъ.

«Россія глухо волновалась». Изъ конца въ конецъ ея, по городамъ и весямъ, по деревнямъ и казармамъ, по военнымъ госпиталямъ и призывнымъ участкамъ, гдѣ скоплялись тысячи и тысячи призванныхъ людей, сталъ проплывать настойчивый и враждеб-

ный шепотъ объ измѣнахъ, корень которыхъ среди высшаго начальства и высшаго правительства. Этотъ слухъ объ измѣнѣ—туманомъ, черной тучей, все время, въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ войны стоялъ надъ Россіей, вселяя недовѣріе, злобу и возмущеніе противъ предателей и черныхъ вороновъ. Правительственный режимъ, какъ ржавчина, ѣлъ нашъ національный патріотизмъ, подрывая его и смущая многіе умы и совѣсти. Только теперь, когда свободная армія и свободный народъ вершатъ общее національное дѣло, узнаемъ мы подлинный, торжествующій, свободный патріотизмъ, безкорыстное и полное живого порыва желаніе блага и расцвѣта родинѣ.

Народный голосъ настойчиво называлъ бывшую царицу центромъ измѣны и предательства, устанавливая подчиненіе ея волѣ безвольнаго манекена-царя. Громомъ пронеслось по Россіи извѣстіе о томъ, что русскій военный министръ, находившійся подъ особымъ покровительствомъ царя, прятавшій, какъ залогъ своего спасенія, своей безсудности, благоволительныя письма отъ Николая, содержащія чуть ли не инструкціи, содѣйствующія цѣлямъ германскаго штаба (по слухамъ), Сухомлиновъ, уличенъ въ измѣнѣ бездѣйствія и парализаціи дѣла русскаго военнаго снабженія.

Знаменитая «Мясоѣдовщина», на которой мы въ дальнѣйшемъ подробнѣе остановимся, имѣла непосредственное отношеніе къ Сухомлинову и ко всему, что слагалась на Руси въ черное дѣло великаго предательства подъ высочайшимъ покровительствомъ. Неистовымъ вихрѣмъ закружилось черное воронье, раздирая Россію на куски и спѣша полакомиться жирной мздой. У самаго кормила правленія стояли люди, попавшіе неизбѣжной лологикой судьбы на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ мошенничествѣ и измѣнѣ. Русскій народъ продолжалъ стоять подъ «высокой рукой» людей, относительно которыхъ съ думской трибуны устами Милюкова, Керенскаго и другихъ было громко, на всю Россію заявлено:—измѣнники и предатели. И этихъ людей мы продолжали называть правителями и по инерціи нѣкоторое время ходъ государственной жизни все еще подчинялся ихъ преступной волѣ. Пока взрывъ всенароднаго негодованія не смелъ ихъ поднявшейся изъ береговъ великой волной.

И въ центрѣ всего этого хаотическаго клуба событій, разыгравшагося въ Россіи и превратившаго ее на нѣкоторое время въ мѣсто какого-то бреда и горячной свистопляски, стояла больная, истерическая, одержимая религіозно-эротической маніей бывшая царица. Мы рѣшаемся такъ обозначить общее направленіе ея больной воли именно потому, что центральной чертой «силы» Распутина и воздѣйствія Распутина, этого старца и развратника, этого хлыстовскаго вожака и молитвенника, было именно своеобразное

сочетаніе мистицизма и бѣшеной эротоманіи, претворенной и слитой вмѣстѣ такъ, что нельзя было уже разобрать, что свято и что грѣшно, что дозволено и что недозволено.

Въ силу этого то смѣшенія такихъ разнородныхъ и казалось бы несоединимыхъ чертъ, въ концѣ концовъ, «благодать» распутнаго старца, такъ бѣшено жаждавшаго утѣхъ и услажденій тѣлесности, стала освящать все:—и грѣхъ, и распутство, и сексуальноть чувственныхъ и трепетныхъ прикосновеній, которыя старецъ возвелъ въ систему относительно своихъ кліентокъ.

Не столько жизнь и похожденія Распутина, сколько обстоятельства сопутствовавшія его смерти и погребенію, раскрываютъ до нѣкоторой степени болѣе серьезный и даже не безъ трагическаго оттѣнка характеръ отношенія къ нему бывшей царицы.

Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, Александра Федоровна въ своемъ попеченіи о трупѣ Распутина и въ своихъ поѣздкахъ ко гробу и молитвенныхъ времяпровожденіяхъ проявила гораздо болѣе серьезное и болѣзненное, чѣмъ обычное въ «тайнахъ дворца» пристрастіе къ похожденіямъ интимнаго свойства. Здѣсь, въ этихъ деталяхъ отношеніе къ трупу и могилѣ старца, чувствуется напряженная и полу-сумасшедшая воля женщины, слѣпо и всецѣло отдавшейся тѣмъ настроеніямъ и порывамъ, которые вызвали въ ней шарлатанскіе выходки и гипнотическая сила Распутина.

«Психологи, романисты, историки и драматурги,—говоритъ о бывшей царицѣ популярный фельетонистъ,—найдутъ въ ней благодарный матеріалъ для своихъ изслѣдованій, гипотезъ и переотраженій. Нѣмецкая принцесса, англійскаго воспитанія, на русскомъ тронѣ, впавшая въ мужицкую хлыстовщину, пополамъ со спиритизмомъ и на хлыстовщинѣ самолюбиво устремившаяся къ самодержавной реставраціи,—такое явленіе не часто встрѣчается въ исторіи, а на русскомъ тронѣ оно, несомнѣнно, еще первое... и къ счастью Россіи было послѣднимъ. Но въ общей исторіи русскаго мистицизма и Александра Федоровна, столь странно и оригинально казалось бы смѣшавшая въ себѣ совершенно не смѣсимые основные элементы отъ курной избы до англійской школы, тоже не оригинальна. Это г-жа Крюденеръ или г-жа Татаринова, взобравшаяся на тронъ».

Въ «Запискѣ великихъ князей» опредѣленно сказано, что Александра Федоровна была злымъ геніемъ не только Россіи, но и всей императорской фамиліи. Съ первыхъ дней пребыванія бывшей гессенской принцессы были взяты подъ подозрѣніе всѣ князья и во дворцѣ были очень рѣдкими гостями. Слухи о временщикахъ и фаворитахъ доходили до нихъ изъ третьихъ рукъ. Въ той же запискѣ проводится идея, что основной идеей, направляв-

шей дѣятельность и волю бывшей царицы, была идея абсолютнаго самодержавія, которую настойчиво поддерживалъ въ ней и покойный Гришка Распутинъ.

Богъ знаетъ, какія смѣлыя и безумныя мысли и цѣли роились въ полупьяной головѣ этого авантюриста, пріобрѣтшаго такую полную и нелѣпую власть надъ бывшей русской царицей и диктовавшаго свою пьяную волю бывшему русскому царю, но онъ употребилъ всю силу своего большого вліянія на Александру Федоровну, подтверждая ее въ идеяхъ и цѣляхъ абсолютизма.

«Александрѣ Федоровнѣ,—говорится въ запискѣ,—вовсе не улыбалась роль конституціонной царицы,—и послушный Николай шелъ въ направленіи ея воли.

Еще не выяснено, какую роль въ поддержаніи плановъ русской бывшей царицы на полноту самодержавія въ Россіи игралъ германскій штабъ, о сношеніяхъ съ которыхъ опредѣленно и не безъ фактическихъ основаній, указываетъ молва,—но, не трудно предположить, что хитрая политика Вильгельма и здѣсь вмѣшалась въ дѣло и возымѣла свое вліяніе. Если картина дѣла раскрывается именно такъ, то тѣ судороги и то кровавое напряженіе, цѣной которыхъ Россія покупала урѣзанную и маргариновую конституціонную свободу прежнихъ дней, въ значительной степени обязаны и злой волѣ Александры Федоровны.

Данными, подтверждающими измѣну бывшей царицы, считаются:—преимущественныя заботы, цинично явныя для всѣхъ, о германскихъ плѣнныхъ, болѣе теплыя, чѣмъ о русской арміи; предательство и шпіонажъ, свившіе себѣ гнѣздо въ стѣнахъ дворца. Когда въ осень 1914 года военное развѣдочное бюро обыскивало высокія зданія въ Петроградѣ и окрестностяхъ, отыскивая безспорно существовавшія радіотелеграфныя шпіонскія станціи (ихъ телеграммы перехватывались нами, но мѣстопребываніе станціи было неизвѣстно), то властямъ, производившимъ разслѣдованіе, пришлось придти къ выводу, что есть нѣмецкія шпіонскія станціи въ Царскомъ Селѣ. Разслѣдованіе пришлось прекратить. Придворная партія была преимущественно нѣмецкая. Министръ императорскаго двора Фридериксъ не умѣлъ говорить по русски, а говорилъ только по нѣмецки. Двадцать пять процентовъ чиновъ второго класса было нѣмцевъ. Плачевная роль фонъ-Штюрмера въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ и установленная Милюковымъ измѣна его—общеизвѣстны. Цѣлью Штюрмера было вовлеченіе Россіи въ сепаратный миръ съ Германіей. Союзная пресса обвиняетъ Штюрмера, что онъ выдавалъ наши военныя тайны и дипломатическія тайны Германіи. «Только идіотъ или государственный измѣнникъ можетъ вести себя такъ, какъ Штюрмеръ»—восклицалъ одинъ изъ нашихъ пословъ въ Европѣ. Бывшій ми-

нистръ внутреннихъ дѣлъ Хвостовъ, пробовавшій поиграть съ Распутинымъ, но потерпѣвшій въ этомъ союзѣ фіаско, открыто говорилъ, послѣ того, какъ былъ удаленъ со своего поста въ отставку за попытку пойти противъ всесильнаго шарлатана, что у него есть документы, уличающіе русскій дворъ въ сношеніяхъ съ Берлиномъ. Также открыто говорилъ Хвостовъ и о томъ, что Распутинъ окруженъ германскими шпіонами, передающими всѣ военныя и дворцовыя тайны, узнававшіяся отъ вѣчно пьянаго старца немедленно въ Берлинѣ. Хвостовъ, самъ принадлежавшій къ той же темной шайкѣ, впрочемъ ограничивался только разговорами и боялся что либо предпринять, чтобы парализовать предательство царскосельскаго дворца.

Предательство было вездѣ и повсюду. Изъ письма Гучкова къ начальнику штаба мы узнаемъ, что Штюрмеръ и Бѣляевъ отказались отъ предложенія Англіи доставить полмилліона ружей для нашей арміи. Мы знаемъ, какъ губилъ въ Россіи артиллерійское дѣло бывшій великій князь Сергѣй Михайловичъ, точно сталкнувшійся съ нѣмцами для того, чтобы обезсилить русскую армію. Военный министръ Поливановъ сообщилъ въ слѣдственную комиссію много матеріаловъ, уличающихъ Сергѣя Михайловича. Такіе же факты были собраны членами Государственной Думы, вошедшими въ особое совѣщаніе по оборонѣ.

Дѣло шпіона Мясоѣдова пока что только пріоткрыто. Когда разслѣдуютъ его во всей полнотѣ, то, конечно, шпіонскія нити протянутся далеко вверхъ, къ правящимъ, къ министерствамъ, къ дворцамъ.

И мы знаемъ, какая яркая нить протянулась къ дѣятельности Сухомлинова, который еще будучи кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, окружилъ себя нѣмецкими шпіонами. Его ближайшимъ другомъ, съ утра и до ночи бывавшимъ въ его домѣ, былъ родственникъ его жены—Альтшулеръ, оказавшійся начальникомъ австрійской контръ-развѣдки. Наша контръ-развѣдка хорошо знала это обстоятельство, но не предпринимала никакихъ мѣръ, оправдываясь тѣмъ, что пока Альтшулеръ дѣйствуетъ подъ нашимъ тайнымъ надзоромъ, каждый шагъ его извѣстенъ. Этотъ Альтшулеръ узналъ и выдалъ Австріи помощника начальника генеральнаго штаба австрійской арміи полковника Риля, бывшаго нашимъ тайнымъ агентомъ и прекрасно освѣдомлявшаго нашъ штабъ объ австрійскихъ дѣлахъ.

Около Альтшулера, сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Петрогрдадѣ, ютилась шайка германскихъ и австрійскихъ шпіоновъ, которые въ то же время были поставщиками нашего военнаго министерства и поэтому знали всѣ секреты оборудованія нашей арміи. Одинъ изъ

этихъ шпіоновъ-поставщиковъ былъ арестованъ весною 1915 года въ Москвѣ, но по приказанію Сухомлинова былъ освобожденъ.

Весь этотъ длинный синодикъ преступленій, который еще не можетъ быть пока полностью освѣщенъ и раскрытъ, центромъ своимъ приближеніемъ къ имени Александры Федоровны и Николая, подчиненнаго ея вліянію. По крайней мѣрѣ въ показаніяхъ личныхъ Николая Михайловича категорически утверждается безграничное вліяніе бывшей царицы на превратившагося въ развалину бывшаго царя. Это воздѣйствіе, по словамъ Николая Михайловича, доходило до комизма: «когда пронизанная вліяніемъ Распутина до высшей мѣры, бывшая царица приходила съ какимъ либо готовымъ рѣшеніемъ въ кабинетъ Николая, онъ буквально прятался отъ нея подъ столъ».

Исключительность обстановки, въ которой дѣйствовала бывшая царица, исключительность той роли, которую играли въ ея планахъ и рѣшеніяхъ нѣсколько лицъ, вродѣ Вырубовой, Распутина и потомъ Протопопова, отдалили отъ нея всѣхъ родственниковъ Николая. Между семьей Романовыхъ и бывшими царемъ и царицей была проведена явственная черта отчужденія и даже враждебности. Бывшіе князья бойкотировали дворъ и Александра Федоровна платила имъ той же монетой. Въ отвѣтъ, на послѣднюю попытку супруги Кирилла Владимировича удержать Николая и его жену на краю пропасти, Александра Федоровна гордо отвѣтила:

— «Мы помазанники Божіи и мы должны спасать Россію и спасемъ ее. Говорятъ, что я нѣмка. Что-же, Катерина была также нѣмкой, но исторія назвала ее Великой».

Такова въ общихъ доступныхъ пока чертахъ бывшая царица Россіи, сыгравшая очень крупную роль въ историческихъ событіяхъ недавнихъ дней и вмѣстѣ со своими вѣрными слугами— Распутинымъ; Протопоповымъ и Штюрмеромъ — послужившая невольнымъ орудіемъ судьбы въ дѣлѣ раскрѣпощенія и освобожденія Россіи.

———

Попытка подсчета «что стоила династія Романовыхъ русскому народу» можетъ быть осуществлена только въ отношеніи матеріальномъ. Но что стоила эта династія Россіи въ смыслѣ потери неизмѣримаго количества человѣческой энергіи и притомъ лучшей, принадлежащей самымъ одареннымъ, смѣлымъ и благодарнымъ людямъ,—это невозможно подсчитать. Въ этомъ смыслѣ потери неизмѣримы.

Вотъ нѣкоторыя данныя относительно доходовъ и собственности бывшей царской фамиліи.

Царская фамилія жила на средства, получаемыя изъ трехъ источниковъ (разумѣется, не считая процентовъ, получаемыхъ съ переведенныхъ въ теченіе ста лѣтъ за границу капиталовъ).

Прежде всего, отпускается ежегодно опредѣленная сумма отъ государственнаго казначейства на содержаніе министерства императорскаго двора въ постоянно прогрессирующихъ милліонахъ. Послѣднія данныя, изъ тѣхъ, которыя у насъ имѣются подъ рукой (къ сожалѣнію, еще 1906 года), указываютъ 16.359.595 рублей.

Вторымъ источникомъ являются удѣльныя имущества и капиталы царской фамиліи, образованные Павломъ I въ 1797 г. «для обезпеченія на всегдашнее время состоянія императорской фамиліи».

Эти имущества принадлежатъ всей царской фамиліи въ совокупности.

За сто лѣтъ (съ 1797 по 1897 г.) количество удѣльной земли значительно увеличилось. Продолжала она увеличиваться и въ послѣдующіе годы, само собою разумѣется, но у насъ нѣтъ цифровыхъ данныхъ за годы послѣ 1897 г.

Въ 1897 году во владѣніи удѣловъ насчитывалось земли 7.900.000 десятинъ, изъ которыхъ 5.720.000 десятинъ находилось подъ лѣсомъ.

На этихъ земляхъ ведется обширное сельское хозяйство и устроено много заводовъ фабрикъ и торгово-промышленныхъ предпріятій.

Такъ, въ 1896 г. среди удѣльныхъ владѣній насчитывалось 15 тысячъ всякаго рода оброчныхъ статей, 1.500 мельницъ, 1000 рыбныхъ ловень, 10.000 чиншевныхъ и усадебныхъ участковъ, 850 торговыхъ заведеній, 100 пристаней, 100 фабрикъ и заводовъ, 100 мѣстъ разработки нѣдръ земли и др.

Удѣламъ, между прочимъ, принадлежатъ такіе извѣстные заводы, какъ лѣсопильный заводъ въ Вельскомъ округѣ Вологодской губерніи, гдѣ перерабатывается до 200 тысячъ бревенъ ежегодно.

Въ знаменитой своими зубрами Бѣловѣжской пущѣ, которую многіе наивные люди считаютъ чуть ли не исключительно мѣстомъ увеселительныхъ царскихъ охотничьихъ экспедицій, однако, имѣется недурный лѣсопильный заводъ, перерабатывающій (до войны, ибо сейчасъ онъ захваченъ Нѣмцами) не менѣе 2 милліоновъ кубическихъ футовъ лѣса въ годъ.

Удѣлы же владѣютъ петроградской гранильной фабрикой и Тимашевскимъ свеклосахарнымъ заводомъ въ Самарской губерніи. На этомъ заводѣ вырабатывается до 150.000 пудовъ сахарнаго песку, получаемаго изъ свеклы, со своихъ плантацій. На этомъ заводѣ, между прочимъ, замѣчательно оборудовано искусственное орошеніе полей на площади 1.500 дес.

Затѣмъ удѣлы имѣютъ самые обширные виноградники въ Россіи и ведутъ крупнѣйшую милліонную торговлю виномъ (вели, разумѣется, до войны).

Однако, самые важные доходы удѣловъ получаются не отъ собственнаго хозяйства, а отъ сдачи земли въ аренду—въ 1896 г., напримѣръ, ими сдавалось въ аренду свыше 2 милліоновъ десятинъ. Въ одномъ указанномъ 1896 г. всѣ перечисленныя статьи дали свыше 20 милліоновъ чистаго доходу.

За сто лѣтъ (1797—1897 г.) удѣлы выдали на содержаніе царской фамиліи и на общія надобности 236 милліоновъ рублей.

Нетрудно представить, сколько дополнено новыхъ милліоновъ съ 1897 г. по нынѣшнее время.

Кромѣ удѣльныхъ земель, во владѣніи дома Романовыхъ имѣется еще особый (грандіозныхъ размѣровъ, но въ точности опять-таки составляющій «государственную» тайну) капиталъ, съ наростающими въ теченіе столѣтія слишкомъ процентовъ на проценты.

Интересная подробность—къ этому капиталу были присоединены и тѣ 48.059.000 руб., которые не постѣснялись получить Романовы за освобожденіе крестьянъ, принадлежавшихъ членамъ царской фамиліи.

Всего же крѣпостныхъ крестьянъ принадлежало Романовымъ до трехъ съ половиною милліоновъ душъ обоего пола.

Населеніе цѣлаго маленькаго государства (въ Даніи и Сербіи меньше!).

Вотъ эти приведенные выше два источника (пособіе изъ казны и доходы съ удѣльныхъ имуществъ) и служатъ для выдачъ на содержаніе членовъ бывшей царской фамиліи.

Соотвѣтственно «Учрежденію о императорской фамиліи, 1 т., 1 ч. свода законовъ» изъ суммъ государственнаго казначейства выдавалось, напримѣръ, супругѣ царя, а также и вдовствующей царицѣ по 200 тыс. ежегодно, не считая содержанія ихъ дворовъ, дѣтямъ царя, наслѣднику и другимъ соотвѣтствующія немалыя суммы. Дочерямъ и внукамъ царя «въ приданое награжденіе» по милліону.

Содержаніе прочимъ членамъ царской фамиліи выдается изъ доходовъ съ удѣльныхъ имѣній, въ самыхъ разнообразныхъ и, конечно, приличныхъ суммахъ.

Но существуетъ еще третій источникъ доходовъ членовъ романовской фамиліи. Сюда относятся личныя имущества каждаго изъ нихъ.

Такъ-называемыя кабинетскія земли, напримѣръ, принадлежатъ лично царю.

Ихъ насчитывается въ одной Сибири до... 42.500.000 десятинъ.

И можете быть увѣрены, что онѣ нарѣзаны не въ сѣверныхъ безплодныхъ тундрахъ.

Наоборотъ, къ нимъ причислены золотоносные алтайскіе и нерчинскій округа.

Во сколько тысячъ милліоновъ рублей можно оцѣнить эту «личную» собственность бывшаго царя?

Въ Европейской Россіи къ кабинетскимъ, т.-е. лично принадлежащимъ царю, имѣніямъ, не считая другихъ, относится и Ливадія.

Личныя владѣнія, конечно, также имѣются у всѣхъ остальныхъ членовъ фамиліи Романовыхъ.

Вѣрные принципу—всегда брать и ничего не возвращать обратно пріютившему ихъ, на свое горе, русскому народу, потомки нищаго шлезвигъ-гольштейнъ готторнскаго принца Петра (императора Петра Ѳеодоровича), называвшіе себя по женской линіи Романовыми, обладаютъ состояніемъ, превышающимъ самое смѣлое воображеніе.

Въ сравненіи съ общимъ состояніемъ Романовыхъ кажутся богачами средней руки на весь свѣтъ прославленные американскіе милліардеры.

Глава IV.

Вальпургіева ночь.

I.

То, что творилось въ послѣдніе годы царствованія Николая II-го нельзя было назвать иначе, какъ неистовой свистопляской Мелкаго Хама.

Реакція губительно дѣйствовала на духовное здоровье и силы Россіи; она вытравляла все здоровье и яркое, заставляла опускаться куда то въ глубину, на низы, все честное, талантливое и живое, а на поверхность подымалась губительная и зловонная муть, отравлявшая всю атмосферу страны.

Уже начинали констатировать исчезновеніе изъ нашего духовнаго быта твердости и несокрушимости національнаго самоопредѣленія, много говорилось и писалось о духовномъ распадѣ, о небываломъ пониженіи волевой и духовной иниціативы. Когда грянули громы войны, понадѣялись на благотворное вліяніе грозы. Она повалила много жизней, но за то атмосфера, насыщенная міазмами стараго режима и самовластіемъ мошенниковъ и предателей, стала еще удушливѣй и еще невыносимѣй.

И вотъ — одинъ изъ осязательныхъ признаковъ грознаго удушья въ странѣ явились всѣ растущія въ небываломъ количествѣ порожденія Мелкаго Хама. Явленіе это было трагическимъ, вѣщимъ и значительнымъ. Они возникали здѣсь и тамъ. Они нерѣдко окружались ореоломъ чуть ли не пророческаго воздѣйствія. И вокругъ нихъ сплачивались и смыкались всѣ тѣ, кто тяготѣетъ къ мутнымъ водамъ, къ авантюризму, къ «рванью» и грабежу.

Мелкій Хамъ никого не обманулъ видимостью, и въ созданномъ имъ жизненномъ водоворотѣ быстро скинулъ личину и обнаружилъ подлинный образъ свой, на которомъ было отпечатано опредѣленное и для всѣхъ ясное Хамство.

И всѣ поняли, что съ лже-пророкомъ спутался мелкій мошенникъ, провокаторъ, предатель и воръ и заюлилъ подлѣ него подленькой мелкой рысью и въ общемъ создалось подлинное впечатлѣніе вихревого движенія бѣсовъ, что съ визгомъ, воемъ и побѣд-

нымъ нахрапомъ проносились сквозь туманъ и морозную мглу нашей политической ночи.

Не освященные бѣлымъ дневнымъ свѣтомъ печатнаго слова, эти призраки выростали до фантастическихъ размѣровъ въ той полумглѣ, въ тѣхъ туманахъ, сквозь которые они проносились передъ нами. Гигантскія тѣни удваивали ихъ размѣры, мошенникъ становился Великимъ Мошенникомъ, Спекулянтъ-Великимъ Спекулянтомъ и провокаторъ—Великимъ Провокаторомъ. Таковы были свойства нашего политическаго театра, его акустика, его освѣщеніе, его просторы, его стихійная жуть.

Какой нибудь приспѣшникъ фонъ Штюрмера и лакей Распутина, вродѣ Манусевича-Мануйлова и хотѣлъ бы укрыться въ тѣнь, притаивъ зашитые въ подкладкѣ брюкъ 300.000 рублей. Но что прикажите дѣлать,—проклятое освѣщеніе, данное невиданнымъ режиссеромъ, отбрасываетъ гигантскую тѣнь на всю Россію, и тѣнь эта мечется изъ края въ край въ судорожномъ кекуокѣ жирнаго шантажа. И маленькій чиновникъ-шантажистъ выростаетъ въ крупную фигуру въ великомъ шествіи бѣсовъ на равнинахъ русской ночи и скользитъ въ вихрѣ другихъ призраковъ, все еще дѣйствительный, все еще реальный, все еще не скользнувшій въ туманъ, въ небытіе, въ хаосъ, изъ котораго возникъ.

И одинъ за другимъ выростали изъ этой фантастической мути герои дня, призраки политическаго безвременія, тѣ ночные бѣсы, которыхъ прогоняютъ утренніе лучи духа, свѣта, разума, свободы, прекрасной и свободной человѣческой воли.

Эта вереница мрачныхъ образовъ смыкается въ предопредѣленный кругъ плясавшихъ вокругъ насъ свой танецъ. И одна изъ послѣднихъ нотъ въ этомъ танцѣ—*нота смерти.*

Эта нота всесильнаго танца смерти внезапно ворвалась въ разгаръ бѣшенаго карнавала и была вѣстникомъ благодѣтельнаго закона «конца». Свѣжій вѣтеръ утра подъ яркій и мощный звонъ колоколовъ свободы разогналъ полчища тумановъ, слѣпой стѣной навалившихся надъ русской землей.

Судороги этихъ тревожныхъ и хаотическихъ дней лишь отрывочно и смутно зафиксированы эзоповской въ силу необходимости рѣчью печати, на которую тщательно примѣривали все болѣе тугіе намордники. То фельетонистъ популярной газеты обмолвится крылатой шуткой на тему о томъ, что

Дождь. Ненастье. Лужица.
А по лужѣ кружится
Луговая утица.
Гдѣ же здѣсь распутица?

Или въ отчетѣ о знаменитыхъ думскихъ дняхъ, когда съ трибуны по адресу правительственнаго кабинета гремѣли обвиненія

въ измѣнѣ и предательствѣ, читатель узнавалъ, что въ парламентѣ такіе дни называли «большими» и что день былъ «смутный, неясный, точно сотканный пылкимъ воображеніемъ фантазера романиста съ безграничной изобрѣтательностью. Передаются обрывки и клочки рѣчей о «темныхъ силахъ», рѣчей, что звучали съ парламентской кафедры съ особой напряженностью, громя подтачивающія Россію гнилыя силы. Въ атмосферѣ чувствовалось, что

...Что то готовится,
Кто то идетъ...

Хроникеры отмѣчаютъ, что «Петроградъ сталъ очень нервенъ, очень взбаломученъ въ послѣдніе мѣсяцы. Политическая его атмосфера раскаляется. И даже безпечные люди, отмахивавшіеся отъ всякой политики, даже они должны говорить и думать о томъ, что происходитъ. И наша исторія,—говоритъ далѣе чуткій хроникеръ,—стала вдругъ темна и непонятна и бѣшенный шквалъ слуховъ разразился съ особенной силой. И настроеніе въ нихъ звучитъ совсѣмъ особенное».

Подпольная и кое какъ пролѣзающая въ печать сатира отражаетъ бѣшенную чехарду министровъ и сумятицу въ правительственныхъ сферахъ.

И въ безсистемьи есть система,
Я это доказать готовъ,
Хоть можетъ быть такія темы
Не безопасны для стиховъ.
О счастьи мысль изъ думы выкинь,
Такъ отвѣчали вмѣсто мѣръ,
А горе мыкать Горемыкинъ
Не подходящій ли примѣръ.
Тянуть за хвостъ, по нуждѣ глядя,
Согражданъ надобно подъ судъ.
И вотъ Хвостовы,—первый дядя,
Второй племянникъ,—оба тутъ.
Чтобъ міръ духовнаго простора
Въ плоть осязательну облечь,
На должность оберъ-прокурора
Не мудро-ль Волжина облечь.
Когда «узлы» предметъ заботы,
Ихъ надо тонко растрепать
И для такой простой работы
Резонно Трепова призвать.
Вѣдь помирились и на маркѣ,
Когда монетъ достать нельзя,
Такъ можно ѣхать и на Баркѣ
За неимѣньемъ корабля.

Такъ символично кабинету
Подобенъ каждый новый членъ.
Теперь сказать вамъ по секрету
Въ чемъ корень разныхъ перемѣнъ.
Грядущій день нашъ сѣръ и мутенъ,
Когда конца распутью нѣтъ,
Вотъ почему одинъ Распутинъ
Весь замѣняетъ кабинетъ.

Никогда еще не было такой злободневной темой неистощимое долготерпѣніе россіянина, который выноситъ все превышающее, казалось бы, мѣру силъ человѣческихъ. Въ то время, какъ у союзныхъ съ нами державъ общимъ и единственнымъ бременемъ была война и сопряженное съ ней великое и героическое долженствованіе, у насъ милліоны людей должны были идти на смерть и ужасы безпримѣрной войны въ условіяхъ внутренняго режима, который своеобразно сливалъ каторгу и сумасшедшій домъ.

Тяжкій казарменный режимъ во всей странѣ и небывалое самовластіе тупой, бюрократіи; унизительное сознаніе творящихся неслыханныхъ беззаконій, которымъ русскій гражданинъ могъ противоставить только безсильное возмущеніе; продовольственная разруха, вызванная не только бездарностью и тупостью правящей бюрократіи, не только благоволеніемъ къ хищникамъ и мародерамъ тыла, которые мгновенно, какъ по щучьему велѣнію превращались въ милліонеровъ,—но также, и прямыми провокаціонными дѣйствіями агентовъ стараго правительства, которое изъ всѣхъ силъ вызывало русское населеніе на проявленіе недовольства, на открытый бунтъ;—таковы были мѣры правящихъ.

Неудержимое стремленіе правительства Николая и Алисы Гессенской къ сепаратному міру съ возлюбленной ими имперіей Вильгельма извѣстно было широкому русскому обществу. Также какъ и то обстоятельство, что Россія въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ войны была нѣсколько разъ на краю этого сепаратнаго мира, и лишь энергія союзниковъ и дружное сопротивленіе русскаго общества отодвигали желанный для Романовыхъ мигъ осуществленія ихъ дружественныхъ намѣреній по отношенію къ Вильгельму. Всѣ предпринимаемыя старымъ правительствомъ мѣры, направленныя къ провоцированію рабочаго класса, парализовались усиліями думскихъ и партійныхъ дѣятелей. Немногочисленная партія «пораженцевъ» была совершенно не вліятельна.

Рухнувшее правительство по отношенію къ Россіи было форменными «громилами», они громили страну со всѣхъ сторонъ, они доводили ее до истощенія, разрухи, хаоса и всѣми силами вызывали на бунтъ, дабы осуществить желанный сепаратный миръ.

ГРИГОРІЙ РАСПУТИНЪ СРЕДИ СВОИХЪ ПОКЛОННИЦЪ.

Но неискусный волшебникъ, вызвавшій злыхъ духовъ, не могъ съ ними справиться и погибъ жертвой своей провокаціи. Выпущенныя на страну злые духи въ видѣ Распутина, Протопопова, Штюрмера, Манусевича, Сухомлинова, Мясоѣдова и десятковъ другихъ, сдѣлали дѣло, о которомъ и не помыслили творцы русской бюрократической анархіи. Всѣ они расшатали до основанія престижъ самодержавія и съ силой абсолютной внѣдрили во всѣ слои русскаго общества категорическое убѣжденіе, что «такъ дольше жить нельзя». Это понялъ солдатъ, это давно понималъ рабочій, это понялъ мѣщанинъ и купецъ, это понялъ самый заскорузлый русскій обыватель, взглянувшій поверхностно на картину русской жизни.

Они подкладывали огниво въ пороховой погребъ, какимъ была вся русская земля, изъ всѣхъ силъ сдерживавшая свое негодованіе во имя лозунга—«война до побѣднаго конца» и все для побѣды. Нечему удивляться, что стихія необъятнаго взрывчатаго матеріала въ концѣ концовъ дрогнула, раздался колоссальный взрывъ, взметнулся столбъ огня и пламени и разметалъ ветошь Романовскаго двора во всѣ стороны, какъ щепы.

II.

Гришка Распутинъ.

Смерть Григорія Распутина была, по существу, безразлична для русскаго общества; но существенное и большое значеніе имѣла для всего происшедшаго жизнь этого знаменитаго авантюриста, святоши и развратника.

Распутинъ сослужилъ роль подтачивающаго романовскій тронъ, червя именно постольку, поскольку онъ былъ дѣятельнымъ и энергичнымъ шарлатаномъ, дискредитирующимъ съ неслыханнымъ цинизмомъ самодержавіе. Все, что послужило на пользу широкому русскому, я бы сказалъ обывательскому, еще не пробужденному самосознанію, сдѣлано Гришкой Распутинымъ, конечно, при его широкой безпутной, разгильдяйской жизни. Это онъ сумѣлъ «распропагандировать» гнилость монархизма такъ, какъ не могъ бы ни одинъ партійный ораторъ и пропагандистъ. Это онъ довелъ до сознанія послѣдняго заскорузлаго обывателя, что тикое гниль и ничтожество двора.

Смерть Распутина нужна была для искорененія именно того, что служило этой невольной пропагандѣ: великіе князья, задумавшіе убійство Распутина, хотѣли спасти фамилію бывшаго царя

отъ послѣдней дискредитаціи, не зная, что это по существу уже поздно, что дѣло Распутинымъ уже сдѣлано.

Въ цѣломъ всѣ обстоятельства, создавшія сложную и исключительную обстановку, въ которой протекало все происшедшее въ «тайникахъ» дома Романовыхъ, походятъ на сложный и изобилующій приключеніями романъ писателя такого типа, какъ Достоевскій; романъ, въ которомъ много исключительныхъ и своеобразныхъ характеровъ, много человѣческой мути и «подданнаго матеріала», приведшаго къ общему катастрофическому узлу для абсолютизма въ Россіи.

Кто такой былъ этотъ знаменитый Распутинъ, какъ онъ возникъ въ мутной и отравленной атмосферѣ россійской самодержавной обывательщины и что въ общемъ собой представлялъ?

Насколько можно суммировать въ общемъ довольно многочисленныя данныя о немъ печати, слухи о Распутинѣ стали проникать въ широкіе слои общества еще въ 1910—1911 годахъ. Къ сожалѣнію, почвой для пышнаго расцвѣта Распутина послужила одна характерная и цѣнная особенность русской психологіи:— склонность къ ирреальному, мистическому, къ нездѣшней правдѣ и вѣстникамъ ея, отличающимся отъ всѣхъ талантомъ «касанія мірамъ инымъ».

Именно послѣдніе годы показали, какъ сложно и широко распространились въ Россіи теченія мистическаго характера въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ населенія. Внизу — въ крестьянствѣ, а также въ темныхъ массахъ городского населенія громкимъ успѣхомъ и многочисленнымъ признаніемъ пользовались весьма многіе люди, отличающіеся силой и настойчивостью производимыхъ ими религіозныхъ и моральныхъ внушеній. Иные изъ нихъ оставались на почвѣ чистой морали и религіознаго долженствованія. Другіе пускались въ опасную область религіозно-политической демократіи и увлекали за собой тысячные толпы народа. Третьи использовали популярность такого толка для цѣлей авантюристскаго и животно-корыстнаго характера.

Такъ, къ первымъ, остававшимся на почвѣ чистой морали и религіознаго долга принадлежалъ шумѣвшій одно время монахъ Иннокентій, увлекавшій силой искренняго и горячаго проповѣдническаго слова тысячи преданныхъ ему крестьянскихъ мужскихъ и женскихъ душъ, тронувшихся за нимъ даже въ ссылку, на Сѣверъ. Нѣсколько иначе понялъ свое признаніе извѣстный трезвенникъ братецъ Иванушка Колосковъ, отколовшійся отъ оффиціальнаго православія, но крѣпко упирающій на Евангельскую мораль добра и чистой жизни; вокругъ него образовалась цѣлая стройная и многолюдная организація, осуществляющая практически планъ его жизненнаго устроенія.

Отходя отъ чисто религіознаго внушенія и сливая его съ политическимъ проповѣдничествомъ, поднялся среди черной братіи монаховъ извѣстный отецъ Илліодоръ изъ Царицына, гдѣ многіе, испытавшіе на себѣ мощное воздѣйствіе напряженнаго слова этого монаха, отдаютъ должное его несомнѣнной внутренней силѣ. Вѣроятнѣе всего, что первоначальнымъ источникомъ побужденій такихъ людей, какъ Илліодоръ и имъ подобные, служили мотивы чисто религіознаго характера и ясно выраженное призваніе выразить съ особенной силой свою религіозную настроенность и зажечь имъ сердца людей. Но впослѣдствіи, соблазнъ создавшихся политическихъ условій въ странѣ, гдѣ «ловцами душъ» интеллигентскихъ, рабочихъ и религіозныхъ оказывались дѣятели изъ департамента полиціи, охраннаго отдѣленія и сливавшагося часто съ ними министерства внутреннихъ дѣлъ,—подготовлялъ удобную почву для перехода отъ чисто религіозной дѣятельности къ демагогіи, служащей извѣстнымъ цѣлямъ и пролагающей дорогу къ почестямъ и карьерѣ.

Не удержался на свой высотѣ и Илліодоръ; впрочемъ въ самомъ существѣ этого мрачнаго и зажженнаго вначалѣ какой то горячей и напряженной энергіей монаха таился темный духъ фанатика и религіознаго искоренителя, жаждавшаго какихъ то насилій и подавленій. Илліодоръ метался въ разныя стороны, но въ проповѣдяхъ его звучали ноты и яраго ненавистничества по отношенію къ радикальнымъ элементамъ общества. Выступленіе Распутина, Восторгова и другихъ совсѣмъ сбили съ толку неумѣлаго и часто наивно-нелѣпаго Илліодора. Онъ бросился въ карьеризмъ, столкнулся съ правительственными загородками и запретами, запутался, попытался бороться съ Распутинымъ и долженъ былъ исчезнуть изъ Россіи.

Распутинъ же «одолѣлъ» всѣхъ своихъ враговъ и поднялся надъ ними съ бюрократической и сановной точки зрѣнія на «неизмѣримую» высоту.

Началю Распутинской карьеры также, согласно даннымъ о немъ, вытекло изъ его органическихъ религіозныхъ наклонностей, которыя въ борьбѣ съ неукратимыми побужденіями мощной животной натуры, въ концѣ концовъ, совершенно уступили имъ.

Свидѣтельствомъ о такихъ наклонностяхъ является многое: и то, что въ своемъ селѣ Покровскомъ Тобольской губерніи онъ прослылъ молитвенникомъ, человѣкомъ, который сосредоточился на мысляхъ религіознаго характера, «ушелъ» внутрь себя и спасается въ вырытой имъ ямѣ, гдѣ по его словамъ, велъ жестокую борьбу съ дьяволомъ животныхъ побужденій. И то, что съ теченіемъ времени насмѣшки окрестныхъ и своихъ крестьянъ смѣни-

лись утвержденіемъ за нимъ репутаціи «старца», который хотя и имѣетъ слабость къ женскому полу, но проявляетъ черты усердія религіознаго. И распространявшаяся о немъ все дальше и дальше по городамъ и весямъ слава, приписывавшая ему власть тайновидца, отгадывателя тайнъ души и направителя духовной энергіи. Слава эта отъ села Покровскаго шла все дальше и достигла центральныхъ городовъ, именитаго купечества, а тамъ и дворянства. «Самъ» всесильный тогда Столыпинъ присылалъ ему письма и выписывалъ его въ Петроградъ.

Изъ рукъ ближайшихъ бабенокъ, «сестеръ», ревниво окружавшихъ старца горячей и настойчивой привязанностью, Распутинъ мало по малу переходитъ сперва въ руки купчихъ, а тамъ и родовитыхъ дворянокъ, чтобы наконецъ закончить свою карьеру, поднявшись по ступенькамъ романовскаго трона къ общенію съ бывшими царями, общенію очень интимному и странному.

Образъ его жизни въ Покровскомъ рисуется такъ:

Въ началѣ 1907 года въ селѣ Покровскомъ Тобольской губерніи расположенномъ въ 80-ти верстахъ отъ Тюмени, распространились слухи о появленіи святого. Кличка эта произносилась мѣстными жителями сначала презрительно, но мало по малу къ отзывамъ сталъ звучать извѣстный оттѣнокъ почтенія. Крестьянъ особенно поражалъ образъ жизни старца. Лѣтомъ, послѣ зимней жизни въ Питерѣ, когда Распутинъ пріѣзжалъ въ село Покровское, къ нему вереницей тянулись высокопоставленныя дамы, княгини, генеральши и пр. Покойный одѣвалъ тогда свою холщевую рубашку, старыя портки, валенки и въ такомъ видѣ щеголялъ по селу съ надушенными, въ модныхъ шляпкахъ, барыньками, которыя подъ руки вели его въ церковь, не стѣсняясь мѣстныхъ крестьянъ. Дамы заглядывали ему въ глаза и величали святымъ отцомъ». На старыхъ крестьянъ это шествіе производило угнетающее впечатлѣніе. Они порой открыто возмущались:— «что за праведникъ, ежели онъ съ бабами спутался».

У Распутина до настоящаго времени въ селѣ Покровскомъ живетъ отецъ. Есть у него законная жена, женщина лѣтъ сорока восьми и трое взрослыхъ дѣтей: сынъ и двѣ дочери.

Обитая сначала въ старомъ деревянномъ домикѣ, Распутинъ жилъ на «доходишки» съ мельницы, близъ которой потомъ построилъ нѣчто вродѣ часовни съ большимъ крестомъ. Природная «ширь» натуры вынуждала его нерѣдко къ очень шумнымъ проявленіемъ своего распутинскаго естества: дракамъ, дебошамъ въ пьяномъ видѣ и вообще циничному разгулу. Поѣздки въ Тюмень за хлѣбомъ или сѣномъ кончались почти всегда возвращеніемъ въ пьяномъ видѣ и безъ денегъ, со слѣдами дракъ. Внезапно съ нимъ произошла перемѣна.

Нѣтъ данныхъ, освѣщающихъ этотъ переломъ въ душѣ Покровскаго мужика. Извѣстно только, что онъ рѣзко измѣнилъ свое поведеніе: сдѣлался набожнымъ, кроткимъ, бросилъ пить и курить, началъ ходить по монастырямъ и святымъ мѣстамъ. Однимъ изъ поводовъ къ этой перемѣнѣ послужило знакомство со студентомъ духовной академіи отцомъ Милетіемъ Заборовскимъ, котораго Распутинъ отвозилъ однажды въ Тюмень и имѣлъ по дорогѣ бесѣды морально-религіознаго характера. Рѣчь Заборовскаго, теперяшняго ректора томской духовной семинаріи, повидимому, не осталось безъ вліянія на Распутина. Что то изъ этой бесѣды запало въ его крѣпкую мысль.

И вотъ Распутинъ начинаетъ свои религіозныя странствія. Забрасываетъ несложныя деревенскія дѣла и отправляется на богомолье въ Абалакскій монастырь, Верхотурье, Саровскій монастырь, Кіевъ, Москву, Казань. Трудно сказать, какія представленія и планы входили тогда въ эти предпріятія, но во всякомъ случаѣ безпокойная жажда какихъ то жизненныхъ перемѣнъ привела его и въ Петроградъ.

По возвращеніи изъ богомолья, Распутинъ становится еще ревностнѣйшимъ молитвенникомъ, раньше священника является въ церковь, становится на клиросъ, истово крестится и бьетъ поклоны лбомъ до крови. Теперь онъ принялъ манеру говорить отрывочно, загадочно, претендуя на предсказаніе и вообще «вѣщее» иносказаніе. Спросятъ о чемъ нибудь, онъ долго молчитъ, не отвѣчаетъ, потомъ точно спросонья отвѣтитъ неразборчивымъ загадочнымъ наборомъ словъ. Понимай, какъ знаешь. Элементъ продуманнаго шарлатанства, конечно, имѣлъ мѣсто и тогда.

Возвращался онъ въ родное село лѣтомъ и то на короткое время. Въ 1914 году онъ уже отдыхаетъ лѣтомъ въ родномъ селѣ въ новомъ роскошно отстроенномъ домѣ. Чрезвычайно характернымъ и важнымъ обстоятельствомъ въ его «старческой» карьерѣ слѣдуетъ признать то, что этотъ ловецъ душъ по преимуществу улавливалъ въ свои силки женскія души. Въ противоположность многимъ другимъ проповѣдникамъ религіознаго толка, которые окружали себя мужчинами-послѣдователями, братьями, Распутинъ воздѣйствовалъ съ особенной неотразимой силой именно на женщинъ. У него были—«сестры».

Юродство Распутина въ селѣ все больше привлекало вниманіе. Упрямый старецъ упорно «гнетъ свою линію». Изъ окрестныхъ деревень стали водить къ нему кликушъ, порченныхъ, больныхъ. Распутинъ воздѣйствуетъ на воображеніе своихъ поклонницъ, удаляется въ лѣсъ, ставитъ тамъ на деревьяхъ кресты, водитъ туда и сестеръ, устраиваетъ тамъ моленія, среди которыхъ происходятъ обниманія, неистовыя пляски и свальный грѣхъ.

Среди сестеръ его отмѣчаютъ, какъ ревностнѣйшихъ поклонницъ— Александру Дубровину, дочь богатыхъ родителей, нѣкогда здоровую красивую дѣвушку, полную жизни. Она пошла за Распутинымъ на богомолье въ Кіевъ и вернулась оттуда совсѣмъ больной. Несмотря на старанія родителей оторвать ее отъ вліянія Распутина, она рвалась къ нему и все таки пошла за старцемъ, который обращался съ ней жестоко и нерѣдко истязалъ и мучилъ. Родителямъ она говорила, что все равно какъ бы ее не удерживали, она уйдетъ къ старцу. Александра Дубровина недолго прожила въ этихъ условіяхъ и вскорѣ умерла. Ея сестра Ирина также сдѣлалась жертвой воздѣйствія Распутина и также, какъ сестра, зачахла и умерла весной 1908 года.

Вліяніе старца на женщинъ ближайшихъ деревень стало таково, что крестьяне жаловались начальству, говоря, что старецъ губитъ всю деревню и что дѣвушки уходятъ отъ него «порчеными» и подбрасываютъ младенцевъ въ каждую хату. Въ это время мѣстный почтовый чиновникъ съ неописаннымъ удивленіемъ уже получаетъ на имя мужика Распутина корреспонденцію, помѣченную гербами княжескихъ и графскихъ домовъ и не можетъ удержаться отъ искушенія вскрыть и узнать, о чемъ могутъ писать аристократы мужику. Письма къ Распутину становятся достояніемъ молвы. Слава о немъ растетъ. Одной изъ первыхъ, пустившей его въ «широкій свѣтъ», была милліонерша изъ Казани Башмакова, которая послѣ смерти мужа нуждалась въ утѣшеніи и съ избыткомъ нашла его въ старцѣ, увезла его въ Казань и очень пропагандировала между именитымъ мѣстнымъ купечествомъ. Распутинъ идетъ въ гору. Онъ совершаетъ поѣздки въ Москву и Питеръ, гдѣ съ нимъ многіе извѣстные люди ищутъ знакомства. Между прочимъ говорятъ, что онъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на отца Іоанна Кронштадскаго.

Благоговѣніе поклонницъ очень упрочиваетъ благосостояніе Распутина. Онъ пріѣзжаетъ обратно къ себѣ домой съ большими деньгами, для пущей важности покупаетъ рояль, одариваетъ семью дорогими гостинцами. И начинаетъ безудержно пить. Теперь онъ пьетъ не сивуху, не водку, а коньякъ и шампанское. Исчезаютъ прежнія сестры въ скромныхъ платочкахъ. Распутинъ теперь общается съ «сестрами» изъ Петрограда, роскошно одѣтыми и родовитыми и обращается съ ними болѣе чѣмъ свободно.

Послѣ перваго покушенія на Столыпина, Распутинъ экстренно вызывается въ Петроградъ. Послѣ убійства главнаго военнаго прокурора его вызываютъ въ другой разъ. Но порядки Распутинскаго религіознаго уклада, слишкомъ много имѣющія съ хлыстовствомъ, вызвали подозрѣнія мѣстныхъ духовныхъ слѣдственныхъ властей. Они стали слѣдить за Распутинымъ, и однажды, когда

Распутинъ шумно веселился въ домѣ купца Свистунова, неожиданно явился миссiонеръ Глуховскiй съ настоятелемъ церкви Остроумовымъ. Они произвели допросъ всѣхъ гостей и тщательный обыскъ въ домѣ, ища доказательства хлыстовскихъ радѣнiй. Распутину былъ предложенъ вопросъ: правда ли что онъ посѣщаетъ съ сестрами баню, на что старецъ отвѣчалъ отрицательно. Послѣ обыска Распутинъ немедленно пожаловался въ Петроградъ и въ результатѣ духовный слѣдователь былъ переведенъ въ другое село и дѣло было потушено.

Въ Петроградѣ, гдѣ онъ послѣ этого прожилъ цѣлый годъ безвыѣздно, его карьерному движенiю дали не малый толчекъ Епископы: Гермогенъ и Феофанъ. По словамъ самого Гермогена, Распутинъ «его обольстилъ». Впечатлѣнiе, которое произвелъ на епископовъ старецъ, было благопрiятнымъ, по крайней мѣрѣ Гермогену показалось, что у Распутина есть не малая внутренняя чуткость, а преосвященному Феофану Распутинъ показался подлиннымъ добрымъ старцемъ и подвижникомъ, котораго онъ рекомендовалъ своимъ поклонникамъ и поклонницамъ.

Впослѣдствiи, какъ заявилъ Гермогенъ, Распутинъ раскрылся передъ нимъ въ новомъ свѣтѣ и онъ съ ужасомъ увидѣлъ въ немъ бѣшеную, неукротимую похотливость, которую епископъ находилъ болѣзненной. Воздѣйствiе въ этомъ смыслѣ старца на женщинъ, смѣсь религiи и эротизма онъ находилъ возмутительной и сдѣлался врагомъ Распутина. Взявши съ послѣдняго слово, что онъ уѣдетъ изъ Петрограда въ свое село Покровское, Гермогенъ потомъ съ негодованiемъ слѣдилъ, какъ Распутинъ все укрѣпляется въ своихъ планахъ и испыталъ личную месть Распутина, отстраненiе и ссылку.

Среди старинныхъ ревностныхъ поклонницъ Распутина одна изъ нихъ Хеонiя Гусева подняла въ концѣ концовъ бунтъ противъ своего поработителя. Увѣщанiя ея брата, сосланнаго на каторгу за убiйство городового во время политическихъ волненiй, вначалѣ не дѣйствовали на Хеонiю, но потомъ разнузданная картина его жизни и въ 1914 году на улицѣ вонзаетъ ему кинжалъ въ животъ. Распутинъ спасся, Хеонiю, отъ самосуда разъяренныхъ поклонницъ старца, спасла полицiя.

Это первое покушенiе на жизнь Распутина обошлось ему сравнительно не дорого. Второе, которое пытался организовать Ржевскiй, было предупреждено и Ржевскiй поплатился ссылкой на поселенiе. Третье—было роковымъ и послѣднимъ.

Что Распутинъ былъ безграмотенъ, отличался путанной мыслью и путанной рѣчью, грубостью, безтактностью внутренней,—знаютъ всѣ. Тѣмъ не менѣе, этотъ грубый и грязный мужикъ оказался способнымъ одурачить весь «цвѣтъ» аристократическихъ круговъ,

подняться по лѣстницѣ общенія и вліянія до самого трона бывшей царицы и оттуда давить и влiять на государственныя судьбы страны. Смѣна министровъ, направленіе внутренней и внѣшней политики, неистовая свистопляска власти, чехарда министровъ, развалъ продовольственнаго дѣла и хаосъ всего общественнаго, государственнаго и хозяйственнаго быта вмѣстилъ въ своемъ центрѣ эту фигуру мужика, взобравшагося на верхи государственнаго управленія со своими сапожищами.

Особенно за послѣдніе два года вліяніе Распутина возросло, когда онъ расширилъ сферу своей дѣятельности и помимо разныхъ «дѣлъ», которыя при его покровительствѣ производились разными темными дѣльцами, Распутинъ занялся также и высшей политикой. Онъ сыгралъ роль въ отставкѣ гр. Коковцева, имени котораго не могъ слышать съ тѣхъ поръ, какъ по настоянію бывшаго министра финансовъ былъ высланъ въ 913 году на родину. Вернувшись послѣ снятія опалы въ Питеръ, Распутинъ сталъ искать случая отмстить Коковцеву. Въ день отставки послѣдняго старецъ не скрывалъ своего торжества и первый оповѣщалъ о томъ своихъ друзей и знакомыхъ.

Тотъ же Распутинъ сыгралъ важную роль въ отставкѣ оберъ-прокурора святѣйшего синода Самарина, вступившись за своего ставленника, такого же безграмотнаго мужика, какъ онъ, Варнаву, котораго Распутинъ рѣшилъ сдѣлать епископомъ, чего и добился. Послѣ отставки Самарина, въ домъ, гдѣ обиталъ всесильный временщикъ, на Гороховую, хлынула цѣлая толпа прихлебателей и лакеевъ изъ знати, жаждущая жирнаго куска и ищущая его посредствомъ темныхъ происковъ и подкупа. Посредникомъ между Распутинымъ и этими дѣльцами, называютъ небезызвѣстнаго князя Андронникова, издававшаго черносотенную газету «Голосъ Руси».

Первымъ пошелъ на поклонъ къ Распутину гр. Хвостовъ, но дружба его съ Распутинымъ продолжалась недолго; увидѣвъ крушеніе своихъ замысловъ и настойчивое домогательство другихъ претендентовъ, Хвостовъ повелъ съ помощью Ржевскаго компанію противъ Распутина, которая окончилась отставкою Хвостова. Провести въ «премьеры» Хвостова Распутинъ отказался. Появившійся въ то время на горизонтѣ Штюрмеръ въ короткое время успѣлъ совершенно вытѣснить Хвостова.

Во время то премьерства Штюрмера Распутинъ и пріобрѣлъ совершенно неограничное вліяніе. Самая малѣйшая просьба его немедленно удовлетворялась. Если происходила почему либо задержка, то Распутинъ по телефону, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ, въ рѣзкой формѣ требовалъ отъ предсѣдателя совѣта министровъ исполненія его просьбы.

Для сношеній премьера съ Распутинымъ былъ приглашенъ

еще одинъ изъ героевъ недавняго политическаго безвременія Манусевичъ- Мануйловъ, вся дѣятельность котораго была направлена къ тому, чтобы славословить Штюрмера передъ Распутинымъ.

Назначеніе Питирима, отставка бывшаго оберъ-прокурора св. Синода Волжина и назначеніе на его мѣсто Раева и наконецъ карьера Протопопова—все это дѣло рукъ все того Распутина.

Такъ велико было вліяніе и власть мужика.

**
*

Основой этого вліянія было сложеное и интимное общеніе съ бывшей царицей Александрой Федоровной. О томъ, что это интимное общеніе могло ограничиваться сферой болѣзненно-религіозной, мы уже приводили мнѣніе Амфитеатрова. Нельзя не увидѣть довольно рѣзко противорѣчащаго этому мнѣнію обстоятельства, заключающагося въ томъ, что основой Распутинскаго мистицизма было своеобразное хлыстовское сочетаніе мистицизма и разнузданой эротики и что характеръ его воздѣйствія и внушенія былъ основанъ именно на этихъ понужденіяхъ и вліяніяхъ мистико-эротическаго характера.

Что тамъ, внутри дворца происходило нѣчто грязное и скандальное свидѣтельствуетъ не только туманъ слуховъ и легендъ, который пошелъ по Руси, но также и отказъ нѣскольких фрейлинъ отъ своихъ обязанностей, въ виду неслыханно циничнаго образа дѣйствій Распутина во дворѣ, письмо княгини Васильчиковой, сообщенія въ иностранной прессѣ, а также негодованіе, проявленное семьей Романовыхъ, посмотрѣвшихъ на этотъ инцидентъ съ Гришкой Распутинымъ какъ на грязный скандалъ, порочащій всю фамилію и дискредитирующій ее въ конецъ. Выступленія великихъ князей обнаружили, что бывшій царь и подчинившая его своему ненормальному вліянію бывшая царица находятся въ состояніи, въ которомъ сами они уже неспособны разобраться въ грязномъ и скандальномъ хаосѣ, возникшемъ вокругъ нихъ.

Какова хотя бы приблизительно сумма тѣхъ внушеній, тѣхъ бредовыхъ идей, вообще каково то направленіе, по которому Распутинъ сознательно или безсознательно, силой просто своего гипнотическаго воздѣйствія толкалъ бывшую царицу?

Ясныхъ данныхъ на счетъ этого нѣтъ, да врядъ ли онѣ и могутъ быть, если только сама Александра Федоровна не захочетъ подвергнуть психологическому анализу этотъ поворотный и рѣшающій фактъ своей жизни: общеніе съ Распутинымъ.

Мы можемъ только уяснить, что болѣзненная по природѣ и склонная къ воздѣйствіямъ гипнотическаго характера, бывшая царица подпала подъ какой то абсолютный по силѣ гипнозъ, кото-

рый лишилъ ее совершенно сознательнаго личнаго отношенія къ событіямъ и личной воли. Не берясь судить о характерѣ этого спецефическаго распутинскаго воздѣйствія, въ которомъ всеобразный, хотя и въ достаточной степени грубоватый привкусъ мистицизма все же былъ, мы видимъ, что этотъ мужикъ внушилъ Александрѣ Федоровнѣ сознаніе наличія въ немъ какого то христова начала, божества, благодаря которому все, чего онъ касается, получаетъ благодать и освященіе. Не даромъ Протопоповъ строилъ свою политическую фатальную карьеру на благоглупостяхъ, убѣжденно имъ повторяемыхъ, что онъ чувствуетъ даже въ группѣ Распутина божественное начало.

Среди всѣхъ теченій мистическаго характера, которыя въ достаточной степени опошлили и принизили сущность этого высокаго жизненнаго направленія, связаннаго со всѣмъ творческимъ и возрождающимъ, что только есть въ жизни и въ природѣ человѣка,—самымъ мелкимъ и пошленькимъ характеромъ отличался мистицизмъ аристократическихъ круговъ, которые связали свое поверхностное и модное увлеченіе оккультными знаніями и спиритизмъ въ одну нелѣпую смѣсь съ распутинствомъ и спиритическими сеансами. Возникли салоны, въ которыхъ и аристократы предавались съ увлеченіемъ модному развлеченію и туда же привозились модные оракулы, типа Распутина. Таковы называютъ, между прочимъ, салонъ графини Игнатьевой, гдѣ собирались покровители и друзья Распутина—Питиримъ, Вырубова и другіе.

Въ дальнѣйшемъ мы отразимъ картину этихъ мистическихъ поклоненій пророкамъ, списанную съ натуры одной изъ очевидецъ всего происходившаго вокругъ Распутина.

Но мелкое увлеченіе оккультизмомъ и спиритизмомъ вскорѣ превратились въ открытое шарлатанство и торговлю этими настроеніями, когда стало извѣстно то могущественное вліяніе, на которое опирается старецъ. Самъ онъ скандально распространялъ слухи о рубашкахъ, которыя вышиваетъ ему бывшая царица, о письмахъ, которыя она ему пишетъ, объ интимностяхъ общенія съ ней. Въ газетахъ былъ опубликованъ документъ изъ наблюденій охранки надъ Распутинымъ, гдѣ было описано, какъ Распутинъ кутилъ въ Москвѣ у Яра, какъ хвастался своими связями съ членами бывшей царской фамиліи и показывалъ письма Александры Федоровны къ нему интимнаго характера, подписанныя уменьшительнымъ именемъ «Сана». Тогда началась просто свистопляска подкуповъ лести и шарлатанское прикрываніе личныхъ корыстныхъ цѣлей масками мистическихъ увлеченій.

Вотъ любопытный монологъ Распутина, обнаруживающій характеръ его отношеній съ обитателями дворца. Монологъ этотъ за-

писанъ со словъ старца.—«У царя я человѣкъ свой... вхожу безъ доклада. Стукотну вотъ и все. А ежели два дня меня нѣту, такъ и устрѣляютъ по телефону... Григорія Ефимовича дожидаются. Вродѣ я у нихъ какъ примѣта. Всѣ меня уважаютъ. Хороша царица, баба ничего. И паренекъ хорошъ. И всѣ ко мнѣ... Вотъ разъ, значитъ, я пріѣхалъ и прямо къ царю. Дверь раскрываю, Николай Николаевичъ тамъ былъ, великій князь. Не любитъ меня, звѣремъ смотритъ. А мнѣ ничего. Я къ нему злобы не питаю. Сидитъ онъ, а меня увидѣлъ—уходить собирается. А я ему: посиди, говорю, чего уходить,—время раннее. А онъ то значитъ, царя соблазняетъ, все на Германію его наговариваетъ. Ну а я и говорю: кораблики понастроемъ, тоды и воевать, а теперь, выходитъ, не надо. Разсерчалъ Николай Николаевичъ, кулакомъ по столу и кричитъ. Ну а я ему: кричать то зачѣмъ?... Онъ царю докладываетъ:—ты бы, говоритъ, его выгналъ. Мнѣ съ нимъ объ государствѣ не разговаривать. А я царю объясняю, что я правду знаю, и все напередъ скажу и что ежели не гоже Николаю Николаевичу со мною въ одной комнатѣ, то пускай самъ уходитъ. Христосъ съ нимъ. Вскочилъ Николай Николаевичъ, ногою топнулъ и прочь. Дверью потрясъ крѣпко».

Много существуетъ разсказовъ о чудесахъ и таинственныхъ проявленіяхъ «благодатной» силы Гришки Распутина во дворѣ Романовыхъ. Между прочимъ есть версія легендъ, основанныхъ на мотивѣ материнскомъ. Какъ извѣстно бывшій наслѣдникъ Алексѣй страдалъ съ дѣтства гемофиліей, кровоточивостью. Распутинъ съ помощью Вырубовой совершалъ шарлатанскія исцѣленія. Въ отсутствіе Распутина Вырубова подмѣшивала въ пищу и питье наслѣдника толченный корень Жень-Шеня, китайскаго лѣчебнаго сильнодѣйствующаго снадобья, доставаемаго, по сообщеніямъ, у пріятеля Распутина и Протопопова, тибетскаго врача Бадмаева. Средство это увеличивало кровоточивость, появленіе же Распутина во дворѣ и его гипнотическіе пассы, производившіяся надъ Алексѣемъ, совпадали съ отсутствіемъ «притравливанія» Алексѣя женьшенемъ.

Сообщаютъ также въ связи съ именемъ бывшаго наслѣдника случай съ люстрой въ царскосельскомъ дворцѣ, которая сорвалась и упала въ залѣ, куда часто уходилъ играть Алексѣй, именно въ тотъ день, когда Распутинъ велѣлъ не пускать мальчика въ эту залу. Между тѣмъ стволъ люстры былъ заранѣе подпиленъ.

Относительно тибетскаго врача Бадмаева, сыгравшаго нѣкоторую роль въ Распутинской исторіи, разсказываютъ слѣдующее.—Онъ живетъ у Поклонной горы, на Выборгскомъ шоссе, въ барскомъ особнякѣ, пріобрѣтенномъ врачеваніемъ по тибетскому способу. Одѣвался Бадмаевъ въ длинный чесучовый кафтанъ и мягкіе высокіе кожаные сапоги. Бадмаевъ лично показалъ, что Распутинъ у

него познакомился съ Протопоповымъ еще до поѣздки послѣдняго въ Англію, при чемъ оба дипломата быстро поняли другъ друга и поладили. На глазахъ Бадмаева совершилось прежде обѣщанное Распутинымъ назначеніе Протопопова въ министры какъ своего человѣка. Бадмаевъ приводитъ мнѣніе Протопопова о Распутинѣ:— «Григорій Ефимовичъ умный толковый мужикъ и дай Богъ побольше такихъ». Бадмаевъ сознался, что рекомендовалъ Протопопову Курлова, какъ администратора, который обладаетъ техникой и освѣдомленностью по полицейскимъ дѣламъ.

Перейдемъ теперь къ показаніямъ очевидицы, интеллигентной и даровитой молодой женщины, которая чрезвычайно заинтересовалась секретомъ такого сильнаго воздѣйствія Распутина на верхніе слои и полюбопытствовала собрать матеріалъ личныхъ наблюденій надъ старцемъ для предполагавшейся повѣсти. Для этой цѣли означенная писательница, которую Пругавинъ въ своей книгѣ о Распутинѣ называетъ Ксеніей Владиміровной, позвонила по телефону Распутину. Услыхавъ по телефону молодой женскій голосъ, старецъ назначилъ ей свиданіе.

Чрезвычайна любопытна обстановка распутинскаго дома, въ которой протекалъ пріемъ поклонницъ.

Самъ Распутинъ въ туфляхъ, въ рубашкѣ лиловаго цвѣта, опоясанной поясомъ съ кистями, производилъ не очень благопріятное впечатлѣніе. Лицо у него было сѣдое, съ морщинами вокругъ глазъ. Темные волосы подстрижены въ скобку, борода мочалкой.

Въ пріемной у него посѣтительница отмѣтила: — мужчину чиновничьяго вида изъ породы видныхъ бюрократовъ, инженера-путейца со значками и орденами и потертаго боязливаго господина, съ трепетомъ ожидавшаго выхода «прозорливца».

На вопросъ, обращенный къ послѣднему и услышанное отъ него замѣчаніе:—«служилъ по министерству народнаго просвѣщенія», Распутинъ пробормоталъ съ гримасой:

—«Просвѣщеніе... Просвѣщеніе... Не люблю я этихъ просвѣщеніевъ» Посѣтительницу проводили въ особую комнату, которая служила спальней и кабинетомъ Распутину. Тутъ же стояли кровать и умывальный столикъ самаго примитивнаго вида. Въ пропростѣнкѣ между окнами стоялъ столъ, заваленный письмами и телеграммами. Среди нихъ любопытной посѣтительницѣ бросилась въ глаза не одна подпись, громко кричавшая о титулованномъ ея обладателѣ. Громкая историческая, извѣстная всей грамотной Россіи фамиліи княгиня подъ одной телеграммой, представительница рода Рюриковичей подъ другой. Посѣтительницѣ не долго пришлось ждать. Вошелъ по прежнему въ рубашкѣ и туфляхъ Распутинъ, взялъ стулъ и сѣлъ противъ ожидавшей его молодой дамы.

— Все народъ,—сказалъ онъ,—не даютъ поговорить.

—«Онъ пристально посмотрѣлъ на меня,—передаетъ очевидица,—и придвинулъ свой стулъ еще ближе ко мнѣ. При этомъ онъ вдругъ коснулся моихъ ногъ и даже слегка стиснулъ ихъ своими ногами.

Возмущенная этимъ я быстро отодвинулась на своемъ стулѣ и съ негодованіемъ посмотрѣла не него. Но онъ, повидимому, нисколько не смутился этимъ и снова придвинулся со своимъ стуломъ, хотя уже и не пытался болѣе прикасаться ко мнѣ.

—«Ты чего серчаешь?—сказалъ онъ спокойнымъ тономъ,—вишь какая бѣдовая».

И онъ сидѣлъ и детально разсматривалъ посѣтительницу своими зелеными глазами, окруженными сѣтью морщинъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ онъ вдругъ наклоняется и неожиданно проводитъ своей рукой по лицу, шеѣ и груди сидящей противъ него дамы. Та рѣзко отодвигается и бросаетъ ему уже раздраженно:

—«Какъ вы смѣете такъ держать себя»...

Элемента какого либо гипнотическаго воздѣйствія со стороны Распутина посѣтительница не замѣтила, а руки его нашла просто «корявыми».

При ея уходѣ, старецъ, провожая ее корридоромъ, снова попытался «помассировать» ее, проведя руками по рукамъ, плечамъ и спинѣ молодой женщины. «Въ его движеніяхъ, по словамъ посѣтительницы,—на этотъ разъ мнѣ почуялось что то опредѣленно гадкое, грязное, циничное»...

Но на окрикъ ея—«меня возмущаетъ ваше обращеніе»,—Распутинъ молча стоялъ передъ ней, неподвижный и непроницаемый.

Среди различныхъ чертъ его, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, разсказчица отмѣчаетъ: — «глухой голосъ», вульгарное обращеніе—«душка», а также отсутствіе, по наблюденіямъ писательницы, ума, чуткости, начитанности въ священномъ писаніи, малѣйшаго слѣда энтузіазма и пафоса, съ какимъ обыкновенно говорятъ вѣрующіе люди. Иногда, пытаясь сослаться на какой нибудь Евангельскій текстъ, старецъ путалъ и перевиралъ все, передавая слова писанія съ явнымъ искаженіемъ смысла. На распросы о немъ, онъ отвѣчалъ, что тридцать лѣтъ ходитъ по землѣ и ищетъ Бога.

— Что же вы нашли?—спросила собесѣдница.

— Нашелъ. Богъ—въ духѣ.

— Въ какомъ духѣ? Что это значитъ?

— Это—тайна.

И на всѣ вопросы, что такое Богъ, что такое истина, у «про-

рока» былъ одинъ отвѣтъ — «это тайна». Но за то онъ распространялся о значенiи своихъ «ласкъ».

—«Въ моихъ ласкахъ — большая тайна. Мужчины всегда думаютъ только о себѣ и о своемъ тѣлѣ. А я только вполовину и для духа... А даю людямъ такое большое счастье, но ты сама не хочешь этого... Пока ты не захочешь,—я ничего не смогу сдѣлать для себя».

Это послѣднее многозначительное выраженiе,—«пока ты сама не захочешь, я ничего не смогу сдѣлать тебѣ», произнесенное «пророкомъ» съ ударенiемъ, не было отмѣчено писательницей. Между тѣмъ здѣсь содержалась весьма важная по отношенiю ко всему, что происходило у Распутина, мысль. Дѣло въ томъ, что для самого Распутина не совсѣмъ ясна была та сила его воздѣйствiя на поклонницъ, которую онъ могъ такъ часто наблюдать, а между тѣмъ онъ видѣлъ, что подъ влiянiемъ этого какого то необъяснимаго воздѣйствiя, сами же поклонницы, по собственному почину, тянулись къ нему и испытывали отъ него какую то «благодать», какое то потрясенiе. Вотъ почему, онъ сказалъ и Ксенiи Владимировнѣ:—пока ты не захочешь сама, я ничего не смогу для тебя сдѣлать».

Сама она, очевидица влiянiй Распутина, не отдаетъ себѣ отчета и не задумывается о возможныхъ причинахъ этого влiянiя, отмѣчая только неблагопрiятное впечатлѣнiе, оставляемое Распутинымъ. Но тѣмъ любопытнѣе, что въ дальнѣйшемъ авторъ, Пругавинъ, отмѣчаетъ и въ ней, хладнокровно и критически смотрящей на все вокругъ Распутина и на него самого, слѣды очевиднаго загадочнаго воздѣйствiя.

На вопросъ,—не замѣчаетъ ли она въ Распутинѣ способность къ гипнозу,—писательница отвѣтила категорическимъ отрицанiемъ. Но за то подробно и чисто по женски остановилась на подробность мебели и вообще обстановки Распутина, домъ котораго—«полная чаша, полы устланы прекрасными коврами, много цѣнныхъ вещей».

Между прочимъ Распутинъ, всегда обращавшiй вниманiе на то, кто изъ титулованныхъ и «высочайшихъ особъ» шьетъ ему рубашки, обратился къ Ксенiи Владимiровнѣ съ просьбой:

—«Вышей мнѣ рубашку. Мнѣ хочется имѣть рубашку, вышитую твоими руками». Однажды онъ тотчасъ же послѣ перваго привѣтствiя вошедшей посѣтительницы, сказалъ ей:

—«Поцѣлуй меня»...—И на восклицанiе—«вы съ ума сошли!—примирительно отвѣтилъ:

—«Ну ладно, коли ты не хочешь меня поцѣловать,—я тебя поцѣлую.» И наклонился къ ея губамъ. Собесѣдница отстранилась, но старецъ успѣлъ прикоснуться губами къ ея лицу. Пока-

чавъ головой, Распутинъ ей признался:—«Полюбилась ты мнѣ»...

На выраженія негодованіе и порицанія онъ отвѣтилъ:

—«Ты все поймешь, Ксенія, все тебѣ я объясню... Только приди ко мнѣ ночью».

Въ отвѣтъ на это предложеніе, собирательница матеріаловъ о новѣйшихъ мистическихъ теченіяхъ, рѣшила пріѣхать не одна, а со знакомымъ. Боязни у нея по отношенію къ Распутину не было никакой.—«Даже въ физическомъ смыслѣ,—сообщила она Пругавину,—онъ представляется мнѣ ничтожнымъ человѣкомъ: небольшого роста, развинченный какой то».

Черезъ нѣсколько дней состоялось это ночное свиданіе. На Распутинѣ была поддевка тонкаго сукна и лакированные сапоги. Присутствія посторонняго мужчины, уничтожавшаго возможность побыть наединѣ съ пріѣхавшей дамой, разсердило Распутина. Онъ убралъ со стола приготовленное вино и принялъ угрюмый видъ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе Ксеніи Владимировны объ изобиліи цвѣтовъ, которые онъ, повидимому, любитъ, Распутинъ съ пренебреженіемъ отвѣтилъ:

—«Хто?.. Я?.. Нѣ. Ни къ чему».

Оказалось, что онъ эти цвѣты не покупалъ и что ихъ всѣ прислала одна высокопоставленная особа.

По желанію посѣтительницы она прочла Распутину присланныя къ нему корреспонденціи со всѣхъ концовъ Россіи отъ людей различнаго служебнаго и общественнаго положенія. Здѣсь и писарь западной губерніи Россіи, и начальникъ станціи одной изъ юго-западныхъ дорогъ, и торговецъ лѣсомъ съ Волги, и «трезвенница», хлопочущая объ участи братца Ивана Чуркина, которой Распутинъ вызвался помочь.

На прошеніи этой женщины Распутинъ, не безъ усилія, неловко держа въ пальцахъ перо и выводя каракули, написалъ:

—«Петруся зделай етим людям што можна» «Григорій».

Петрусей оказался помощникъ тогдашняго оберъ-прокурора синода.

Спутникъ посѣтительницы Распутина замѣтилъ, что послѣдній не сводитъ съ нее тяжелаго, пристальнаго взгляда и подумалъ:—«ужъ не гипнотизируетъ ли онъ ее». Подъ этимъ взглядомъ молодая писательница, пріѣхавшая для наблюденій, по замѣчанію Пругавина, «сидя на маленькой кушеткѣ, лукаво и въ то же время иронически посмотрѣла на «пророка».

И вдругъ—«я вижу,—пишетъ Пругавинъ, — какъ она быстрымъ привычнымъ жестомъ вынимаетъ изъ волосъ гребенки и шпильки, дѣлаетъ легкое движеніе головою и въ тотъ же моментъ волна темно-русыхъ волосъ разсыпалась по ея плечамъ и спинѣ.

Изъ рамки густыхъ пышныхъ волосъ выглянуло оживленное раскраснѣвшееся лицо съ тонкими красивыми чертами.

Въ глазахъ Распутина забѣгали зеленые хищные огоньки сладострастника. Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, оставилъ тамъ поддевку и вернулся въ синей рубахѣ, подпоясанной краснымъ шнуромъ съ кистями. Помѣстившись на маленькомъ диванѣ рядомъ съ Ксеніей Владиміровной, онъ сдѣлалъ попытку погладить ея плечи. Послѣдняя быстро уклонилась и отодвинулась отъ него.

— «Ишь ты, колючая...—сказалъ Распутинъ недовольнымъ тономъ. А Ксенія Владиміровна стала быстро приводить свои волосы въ порядокъ».

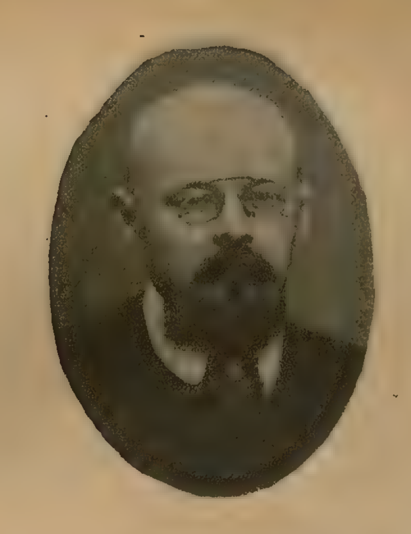
Этотъ отрывокъ, въ какомъ бы «минимумѣ» не понятъ характерный жестъ молодой женщины (распустившей для Распутина свои волосы) все же чрезвычайно любопытенъ. Явившаяся для литературныхъ и общественно-психологическихъ наблюденій молодая интеллигентная женщина, отмѣтившая въ Распутинѣ и его жизненной обстановкѣ цѣлый рядъ отталкивающихъ и возбуждающихъ ея отвращеніе, брезгливость и даже негодованіе чертъ, вдругъ начинаетъ себя вести съ явнымъ характеромъ кокетливаго вызова. И совершенно въ разрѣзъ, совершенно наперекоръ своимъ же наблюденіямъ и отношеніямъ.

Не ясно, ли, что безсознательно для нея самой она стала объектомъ очевиднаго гипнотическаго воздѣйствія, исходящаго отъ этого «чарователя женщинъ», неуклюжаго и грубаго селадона въ подрясникѣ, при чемъ воздѣйствіе это протекло на глазахъ такого безпристрастнаго наблюдателя, какъ Пругавинъ.

Эта черточка въ отношеніяхъ Распутина къ женщинамъ, говоритъ о томъ, что если по отношенію къ такой «колючей», по его же выраженію, женщинѣ, выражавшей по его адресу непріязнь и антипатію, онъ все же съумѣлъ добиться съ ея стороны чего то вродѣ «игры», кокетства, то становится очевиднымъ, какъ долженъ былъ вліять этотъ человѣкъ на тѣхъ женщинъ, которыя являлись къ нему, какъ къ святому, подвижнику, тайновидцу, предрасположенныя предшествовавшей ихъ свиданію со старцемъ— молвой и легендами.

Среди другихъ чертъ «старца», Пругавинъ между прочимъ отмѣчаетъ, что онъ, пододвинувъ впослѣдствіе, за чаемъ, къ гостямъ торты, сталъ самъ вынимать изъ бумажнаго картуза баранки и ѣсть ихъ, показывая и даже демонстрируя тѣмъ свой подвижническій режимъ.

Когда гости уходили отъ Распутина и въ передней Распутинъ сказалъ Ксеніи Владиміровнѣ съ значительнымъ видомъ, что она должна пріѣхать къ нему въ «проценое воскресенье», то по-

В. М. ПУРИШКЕВИЧЪ И ВЕЛ. КН. ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ—УСТРАНИТЕЛИ ГРИГОРІЯ РАСПУТИНА.

слѣдняя—отвѣтила покорно:—«хорошо пріѣду». И сидя на пролеткѣ вмѣстѣ со спутникомъ, она была «крайне возбужденной, смѣялась и болтала, волнуясь и спѣша и все говорила о томъ, что Распутинъ считаетъ ее «единственной» изъ тысячъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ.

Собственное заключеніе Пругавина о Распутинѣ таково:— «Первое впечатлѣніе мрачнаго злого лица — типъ преступный. Преобладающими чертами его должны быть—грубая чувственность, животное сладострастіе. Въ общеніи съ людьми—онъ сдержанъ, скрытъ, долженъ отличаться постоянными недомолвками. Ни малѣйшихъ слѣдовъ непосредственности, которой обыкновенно отличаются люди, вышедшіе изъ народа. Онъ, видимо, привыкъ вращаться въ разнообразныхъ слояхъ общества и имѣть дѣло съ самыми различными людьми. Искренности нѣтъ и слѣда, но играть въ искренность онъ привыкъ, какъ профессіоналъ-обманщикъ.

Всѣ эти весьма характерныя черты Распутина, схваченныя «съ натуры» хорошимъ наблюдателемъ, дополняются еще интересными подробностями, рисующими беззастѣнчивую и циничную грубость, съ какой Распутинъ относился ко всѣмъ дамамъ питерскаго «бо-монда».

Одна изъ присутствовавшихъ тамъ молоденькихъ дѣвицъ, беззавѣтно и слѣпо преданныхъ «святому старцу» сообщила свои мысли о немъ: по ея мнѣнію Распутинъ «такъ далекъ отъ всего мірского, земного, такъ далекъ отъ всякой мысли о развлеченіи или наслажденіи... Ему женское тѣло не нужно, такъ какъ онъ тѣлу не придаетъ никакого значенія... А главное, онъ считаетъ, что если женщинѣ становится неловко отъ его ласкъ, то значитъ она не свободна отъ грѣховныхъ помысловъ, отъ тайныхъ желаній».

Эта «распутинская теорія» и служила удочкой и какъ бы удобной ширмой, скрывавшей за «испытаніемъ сладострастіемъ» святого старца широкую возможность любимыхъ его ощущеній.

Среди его поклонницъ были многія, которымъ, какъ и старцу хотѣлось «грѣшнаго» подъ сладкимъ соусомъ мистицизма; были и такія, которыя просто ломались и извлекали пользу изъ его шарлатанства; къ третьей, весьма немногочисленной категоріи принадлежала дѣвица, восторженно высказавшая о старцѣ вышеприведенную теорію и закончившая ее заявленіемъ:

—«Благодаря старцу я получила полную ясность души».

Нуженъ былъ исключительный самогипнозъ и полнота этого поглощенія «святымъ старцемъ» чтобы безъ отвращенія и возмущенія присутствовать при его нагломъ и циничномъ командованіи и издѣвательствѣ надъ своими поклонницами.

Между прочимъ не отсутствовала здѣсь и пресловутая г-жа Вы-

рубова. Ея наружность, по наблюденіямъ разсказчицы, совершенно противорѣчила тѣмъ слухамъ, какіе носились о ея увлеченіяхъ и ея дѣятельности. Никакихъ слѣдовъ, никакихъ признаковъ духовныхъ устремленій и переживаній въ ней не было замѣтно. Наоборотъ, вся ея внѣшность слишкомъ явно говорила о земномъ, реальномъ, чисто плотскомъ и тѣлесномъ. Она, по очерку разсказчицы, красива, но «слишкомъ въ русскомъ стилѣ»: высокая, полная, породистая, съ развитыми формами, съ большими голубыми глазами, съ пышной щевелюрой пепельнаго цвѣта. Среди представителей и представительницъ современной вырождающейся аристократіи, она выглядѣла настоящей московской боярыней семнадцатаго столѣтія. Бросалось въ глаза, что она была безъ корсета. Это очень портило ея крупную импозантную фигуру. Въ первый разъ, замѣчаетъ разсказчица, мнѣ пришлось видѣть свѣтскую даму въ обществѣ безъ корсета. Когда она разспросила относительнаго этого интимнаго обстоятельства, то оказалось, что это дѣлается по желанію Распутина, который «не любитъ корсета». Поэтому дамы, которыя особенно дорожатъ его расположеніемъ, отправляются къ нему, обыкновенно эмансипируясь отъ этой принадлежности дамскаго туалета.

Эти свѣтскія дамы, во главѣ съ Вырубовой, не мало продѣлали всевозможныхъ фокусовъ, символизировавшихъ ихъ благоговѣйное отношеніе къ «святому старцу», они принимали отъ него, какъ нѣкое причастіе, раздаваемыя имъ яйцы, причемъ прятали скорлупу въ сумочку. Вырубова подавала Распутину на кускѣ хлѣба часть огурца, отъ котораго старецъ откусывалъ и передавалъ остальное Вырубовой, съѣдавшей оставшійся огурецъ съ выраженіемъ благоговѣнія и наслажденія.

Одна изъ прибывшихъ на этотъ «завтракъ у Распутина» старуха, вся украшенная ленточками и позументами, войдя, упала съ воплемъ передъ Распутинымъ на колѣни и закричала:

— Отецъ... Богъ... Саваоѳъ»...

Оказалось, что эта, странная дама взяла на себя «личину юродства», она все время бросалась къ Распутину съ неистовыми криками: «Отецъ Григорій, Богъ Саваоѳъ»,—и видимо смертельно надоѣла старцу. Онъ отбивался отъ нея и кричалъ: «Отстань отъ меня, тварь поганая»... Когда же дама все же не отставала отъ него съ выраженіемъ своихъ благоговѣйныхъ чувствъ, то онъ вырывая у нея свои руки, которыя старуха цѣловала, заоралъ уже во все горло:—«Отойди отъ меня, дьяволъ, а то вотъ какъ передъ Истиннымъ, расшибу тебѣ башку»...

Такое странное и весьма невѣжливое обращеніе съ дамой, изъявлявшей мистическія чувства, никого изъ присутствовавшихъ аристократокъ не удивляло и не шокировало. Очевидно, въ этомъ

кругу было разъ навсегда принято, что святой старецъ въ своихъ проявленіяхъ можетъ допускать все, что угодно: все равно, что бы онъ ни дѣлалъ все будетъ приписано какимъ либо святымъ и глубокимъ сторонамъ его натуры.

Такъ въ купеческой и дворянской Москвѣ старыхъ годовъ юродивые и сумасшедшіе старцы и старухи болтали всякій вздоръ, благоговѣйно истолковывавшійся на всяческіе лады. По разница была лишь та, что тамъ было искреннее умиленіе, а здѣсь большинство играло спеціально распредѣленную роль.

Своеобразный діалогъ Распутина съ принявшей на себя личину юродства дамой кончился тѣмъ, что Распутинъ, который не хотѣлъ уже затруднять себя какимъ либо притворствомъ среди «своихъ», бросился на надоѣвшую ему старуху съ кулаками. Въ этотъ моментъ кое кто изъ столовой, гдѣ все это происходило, потихоньку, подъ шумокъ исчезъ, между прочимъ и разсказчица.

Вотъ подлинная картина того юродства, мелкаго шарлатанства и циничеcкой пошлости, которыя царствовали въ аристократическихъ кругахъ Питера недавняго прошлаго.

III.

Близость къ грязному проходимцу бывшей русской царицы и позорное соучастіе его въ дѣлахъ государственнаго управленія страной, въ концѣ концовъ вызвали среди членовъ фамиліи Романовыхъ крупный переполохъ. Сознавались невознаградимыя потери, наносимыя этимъ проходимцемъ, престижу и достоинству романовскаго дома. Кромѣ того, въ связи съ этимъ возникли и всевозможнаго рода проекты и планы «спасенія» династіи и трона, вплоть до предположеній о дворцовомъ переворотѣ.

Послѣдовало нѣсколько предупредительныхъ писемъ Николаю и Александрѣ Федоровнѣ, вродѣ приведеннаго выше письма Николая Михайловича или письма княгини Васильчиковой бывшей царицѣ. Письмо Николая Михайловича не имѣло никакихъ внѣшнихъ результатовъ, а письмо Васильчиковой вызвало ея вынужденный отъѣздъ изъ Петрограда.

Физіономія княгини Васильчиковой въ дальнѣйшемъ выяснилась въ очень неблагопріятномъ свѣтѣ. Ея роль опредѣляютъ, какъ роль шпіонки отъ Австро-Венгріи и Николая, работавшей въ пользу сепаратнаго мира. По сообщеніямъ ея супруга, бывшаго члена государственнаго совѣта кн. Васильчикова, княгиня, «какъ русская женщина» искренно страдала изъ за существующихъ порядковъ при дворѣ. Мысль объ обращеніи къ Александрѣ Федоровнѣ преслѣдовала ее давно, и она въ концѣ концовъ рѣшила

излить свои сомнѣнія и мысли въ письмѣ къ бывшей царицѣ, какъ женщина къ женщинѣ. Письмо было адресовано на имя Александры Федоровны и дошло къ ней на слѣдующій день. Черновика письма не сохранилось, дословно текстъ возстановить невозможно. Въ основѣ письма было горькое сожалѣніе о томъ, что бывшая царица, отклоняясь отъ прямого своего назначенія, — служить дѣлу благотворительности и раненому воину,—непрестанно вмѣшивается въ политическія дѣла Россіи и постепенно старается захватить въ свои руки все вліяніе въ правящихъ кругахъ.

Васильчикова предостерегала бывшую царицу отъ излишней довѣрчивости къ окружающимъ ее людямъ и умоляла ее «прозрѣть», не смотрѣть на Россію глазами приближенныхъ къ ней раболѣпныхъ царедворцевъ и не довѣрять ихъ льстивымъ увѣреніямъ, что будто она, Александра Федоровна, знаетъ и понимаетъ русскій народъ. Наоборотъ, она Россіи не знаетъ, какъ не знаетъ и о томъ настроеніи, которое охватило весь русскій народъ при видѣ придворныхъ интригъ.

Письмо заключалось совѣтомъ отречься отъ плановъ и честолюбивыхъ стремленій и удалить отъ себя лжецовъ и льстецовъ. Черезъ три дня послѣ посылки письма послѣдовали и результаты: прочтя письмо, бывшая царица разсердилась и сказала:

—«Это уже не первое письмо. Надо положить предѣлъ подобнымъ выступленіямъ и отнестись со строгостью къ нимъ».

Въ это время въ Царскомъ Селѣ былъ и Николай. Произошелъ семейный совѣтъ при участіи Фридерикса. Супругу Васильчиковой, какъ лицу отвѣтственному за дѣянія своей жены, былъ объявленъ приговоръ, а ей предложено было въ ближайшее время покинуть Петроградъ.

При арестѣ княгини Васильчиковой, произведеннымъ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Хвостовымъ, обнаружились во время обыска письма: къ ней нѣмецкихъ принцессъ, адресованныя, кромѣ княгинѣ Васильчиковой, и другимъ дамамъ изъ семьи Романовыхъ: (Елисаветѣ Федоровнѣ, Маріи Павловнѣ и др.). Въ этихъ письмахъ—одна изъ нитей тѣхъ общеній дворца Николая съ Германіей, которая опредѣленно говорятъ о тенденціяхъ бывшей царицы и ея въ послѣднее время совершенно безвольнаго мужа.

Безрезультатность всѣхъ предупрежденій, всѣхъ мѣръ, принятыхъ для предотвращенія грязнаго скандала съ Распутинымъ и возникшая сумятица и хаосъ вокругъ двора, вызвали ссору бывшей императорской четы съ великими князьями и возникновеніе двухъ враждебныхъ лагерей. Великіе князья бойкотировали Александру Федоровну, платившую имъ открытымъ пренебреженіемъ и вызывающей холодностью, а послѣдняя вычеркивала кня-

зей изъ своего обихода. Атмосфера отношеній стала очень тяжелой: старуха Марія Федоровна переѣхала на жительство въ Кіевъ. Она не безъ основаній ждала какого либо взрыва, вродѣ дворцоваго переворота, убійства и пр. Недаромъ Николай Михайловичъ предупреждалъ Николая о возможности покушеній. Возможные планы честолюбивой и упорной «нѣмки», какъ называли бывшую царицу, въ связи съ пьяными стремленіями Распутина, вызывали опасенія и будили тревогу.

Послѣ того, какъ изъ за того же Распутина окончательно разорвались всякія отношенія между дворцомъ и великими князьями, созрѣлъ планъ «избавиться» отъ Распутина, который и былъ приведенъ въ исполненіе.

Иниціаторомъ, главою и устроителемъ заговора былъ кн. Ф. Ф. Юсуповъ. Мысль принадлежитъ ему.

Съ мыслью объ избавленіи Россіи отъ Распутина Юсуповъ вначалѣ обратился къ нѣсколькимъ общественнымъ дѣятелямъ, такъ какъ находилъ, что Распутинъ—главное зло внутреннихъ непорядковъ и неустройства и что стоитъ только убрать Распутина и избавить бывшую царицу отъ напряженнаго и болѣзненнаго воздѣйствія на ея волю и умъ этого проходимца, какъ послѣдуетъ полное упорядоченіе всѣхъ дѣлъ внутренней политики. Само собою разумѣется, что эта мысль была довольно наивной и достойной молодого экзальтированнаго пажа. Но болѣе вѣроятно, что основой заговора была не мысль о «спасеніи» Россіи путемъ избавленія ея отъ одного изъ паразитовъ, а просто спасеніе чести и достоинства династіи.

Между прочимъ Юсуповъ обращался къ Милюкову. Впослѣдствіи Юсуповъ говорилъ:

— Милюковъ во всемъ винитъ Штюрмера, а Маклаковъ—режимъ, между тѣмъ вся бѣда—въ Распутинѣ. Не будетъ его—все будетъ хорошо.

Основой вліянія Распутина Юсуповъ признаетъ его необычайную гипнотическую силу, съ помощью которой онъ совершенно поработилъ Александру Федоровну и черезъ нее дѣйствовалъ на волю бывшаго царя.

«Лицо съ такой магнетической силой, какъ Распутинъ, появляется разъ въ тысячу лѣтъ. Его вліяніе на бывшаго царя и на государство было неограниченное. Когда Александра Федоровна, взвинченная Распутинымъ, входила въ кабинетъ Николая, то послѣдній буквально прятался отъ нея подъ столъ. Если бы вся Дума, всѣ сословія говорили противъ Распутина, если бы даже вся армія была противъ него, то Николай предпочелъ бы остаться безъ Россіи и безъ арміи, но съ Распутинымъ».

Размышляя, что сдѣлать съ Распутинымъ, подкупить или

убить, Юсуповъ рѣшилъ, что если сдѣлать попытку подкупа, то это значитъ отдать себя навсегда въ руки проходимца, который начнетъ безъ конца шантажировать. Поэтому лучшимъ средствомъ было найдено убійство.

Никто изъ общественныхъ дѣятелей, къ которымъ обращался Ф. Ф. Юсуповъ, не согласились принять участіе въ заговорѣ. Объединились нѣсколько великихъ князей и Пуришкевичъ. Послѣдній въ разговорѣ съ однимъ изъ депутатовъ предсказалъ, что 17 декабря произойдутъ чрезвычайныя обстоятельства.

И событія произошли. Разсказъ объ убійствѣ слѣдующій:

Компанія молодыхъ людей изъ аристократическихъ фамилій, въ числѣ 9-ти человѣкъ, собралась въ домѣ гр. Сумарокова Эльстона. Около часа ночи изъ компаніи отдѣлилось одно лицо и въ автомобилѣ поѣхало за Распутинымъ на Гороховую ул., д. 64. Черезъ нѣкоторое время Распутинъ былъ привезенъ.

Кутежъ продолжался еще около получаса.

Распутинъ совершенно опьянѣлъ и бормоталъ какія-то несвязныя слова. Онъ сидѣлъ, развалясь на диванѣ, и велъ бесѣду съ нѣсколькими молодыми людьми.

Во время бесѣды Распутинъ сталъ отзываться очень непочтительно, даже оскорбительно, о лицахъ, царской фамиліи.

На это одинъ изъ собесѣдниковъ рѣзко ему замѣтилъ: «Ты, мужичокъ, будь поосторожнѣй».

Распутинъ покровительственно похлопалъ своего собесѣдника по плечу и отвѣтилъ: «Ничего, миляга, мнѣ можно».

Тогда собесѣдникъ рѣзко оттолкнулъ Распутина отъ себя и снова напомнилъ ему, чтобы онъ велъ себя прилично и не забывалъ, съ кѣмъ онъ разговариваетъ.

Распутинъ вспылилъ и громко вскрикнулъ, что онъ пожалуется, и лицо, его толкнувшее, понесетъ наказаніе.

Возмущенный словами Распутина, собесѣдникъ его выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ Распутина почти въ упоръ.

Распутинъ упалъ, но черезъ мгновеніе вскочилъ и побѣжалъ.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты на звукъ выстрѣла прибѣжали другіе участники пирушки и, увидавъ убѣгающаго Распутина, бросились его догонять, производя на-ходу выстрѣлы изъ револьверовъ.

Всего было произведено около 6-ти выстрѣловъ. Одна изъ пуль попала, между прочимъ, въ собаку, а двѣ—въ Распутина. Пули настигли его на лѣстницѣ вестибюля, гдѣ онъ упалъ мертвымъ, пораженный первыми выстрѣлами. Распутинъ палъ, и казалось, что онъ уже умеръ. Прошло минутъ 20, какъ вдругъ Распутинъ проявилъ признаки жизни. Тогда одинъ изъ участвовавшихъ въ

заговорѣ наклонился и выстрѣлилъ ему въ лобъ. Это и было послѣднимъ ударомъ.

Затѣмъ рѣшено было увезти трупъ изъ дома. Сдѣлать это было поручено тремъ лицамъ изъ числа 9-ти, находившихся въ домѣ.

Какъ выяснилось въ дальнѣйшемъ—убійство было совершено вел. кн. Дмитріемъ Павловичемъ.

Въ концѣ декабря онъ, по распоряженію бывшаго императора, былъ высланъ въ Персію, въ дѣйствующій отрядъ генерала Баратова. Сопровождать князя долженъ былъ флигель-адъютантъ Кутайсовъ.

Дмитрій Павловичъ отправился, напутствуемый просьбами родственниковъ объ охранѣ обращенными къ Кутайсову, въ виду того, что опасались организованнаго покушенія на Дмитрія Павловича со стороны сторонниковъ распутинской партіи. Когда князь прибылъ уже въ Персію и вступилъ въ отрядъ Баратова, то въ виду распространившихся слуховъ о томъ, что Дмитрій Павловичъ отправленъ на смерть, Николай телеграфировалъ Баратову, что онъ своей головой отвѣчаетъ за жизнь Дмитрія Павловича.

Виновникъ всѣхъ этихъ происшествій былъ уже мертвъ. На слѣдующій день послѣ убійства Распутина, въ центральный гаражъ Краснаго Креста явился приставъ 2-го литейнаго участка и заявилъ требованіе предоставить въ его распоряженіе по приказу градоначальника закрытый санитарный автомобиль. Отправившись затѣмъ на Петровскій островъ приставъ съ городовыми и шоферомъ взяли въ опредѣленномъ мѣстѣ трупъ, завернутый въ брезентъ и положили его въ автомобиль. Отсюда трупъ доставили въ Чесменскую богадѣльню. Но, какъ мы увидимъ, посмертныя странствованія Распутина на этомъ далеко не закончились.

Въ сумерки прибыли въ Чесменскую богадѣльню, велѣли сбросить со стола трупъ старика инвалида, а на мѣсто стараго воина уложили трупъ Распутина. Всѣмъ церемоніаломъ обмыванія и одѣванія покойника завѣдывала прибывшая изъ Царскаго Села, дама въ костюмѣ сестры милосердія, высокая, полная шатенка лѣтъ 40, по одной версіи Вырубова, по другой—Головина, которую старецъ, какъ это зарегистрировано и въ цитированныхъ нами запискахъ Пругавина о Распутинѣ; называлъ «Мунькой».

На обмываніе трупа удалось склонить стражника, который переворачивалъ трупъ, а сестра его обмывала. Затѣмъ она облачила трупъ въ привезенныя съ собой части туалета: парчевую рубаху изъ тканаго серебра, черные брюки и носки. Кто то изъ чиновъ заботливой полиціи предложилъ сестрѣ поѣхать съ ней въ автомобилѣ, сопровождая трупъ въ Царское Село. Но она истерически закричала:

—«Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня, я одна поѣду, только съ нимъ»...

Обнаруженъ былъ трупъ Распутина на льду рѣки Малой Невки, на салазкахъ. Онъ лежалъ на спинѣ, съ признаками насильственныхъ поврежденій на головѣ и груди. Ноги были полусогнуты въ колѣняхъ, руки сжаты въ локтяхъ. Одѣтъ онъ былъ въ двѣ рубахи—верхнюю, бирюзоваго цвѣта съ вышивкой, васильки и синіе колосья,—и нижнюю бѣлую. Ноги были перевязаны бичевой, волосы были всклокоченные, ротъ полуоткрытъ, лицо покрыто кровью ниже лба. Родные Григорія Распутина, двѣ его дочери и племяница—признали въ убитомъ своего отца и дядю.

Секретарь Распутина Симоновичъ на слѣдствіи показалъ, что за пять—шесть дней до убійства Распутинъ очень нервничалъ, такъ какъ получилъ нѣсколько писемъ съ угрозой убійства. Въ ночь послѣдняго его жизненнаго пути, къ нему на квартиру пришелъ «маленькій», какъ называлъ Распутинъ Юсупова. Иначе, какъ съ чернаго хода Юсуповъ къ Распутину не ходилъ. При чемъ одѣвалъ въ этихъ случаяхъ штатское пальто.

Убійству Распутина власти придали значеніе чрезвычайное. На ноги былъ поставленъ весь охранный аппаратъ, приказано было во что бы то ни стало найти истинныхъ виновниковъ убійства и выяснить всѣ обстоятельства дѣла. Особенную активность въ этомъ отношеніи проявилъ усердствовавшій Протопоповъ. Онъ находился въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Царскимъ Селомъ, куда докладывалъ по прямому проводу о всѣхъ подробностяхъ слѣдствія

На Александру Федоровну убійство Распутина произвело впечатлѣніе потрясающее, какъ если-бы были убиты ея сынъ или дочь. Она требовала полнаго разслѣдованія дѣла и суровыхъ каръ для виновниковъ этого убійства. Министерство юстиціи, опасаясь скандала, имѣющаго крупный государственный характеръ, въ связи съ дѣломъ Распутина, скандала, который могъ-бы разразиться не только въ Россіи, но и за границей, полагало ограничиться поверхностными розысками и затѣмъ дѣло прекратить, объявивъ, что Распутинъ исчезъ неизвѣстно куда. Но Александра Федоровна на это не согласилась и потребовала, чтобы тѣло ея любимца было найдено во что бы то ни стало.

Въ сопровожденіи фрейлины Вырубовой бывшая царица пріѣзжала въ Чесменскую богадѣльню, дабы поклониться праху Распутина и въ виду этого проф. Косоротову было дано самое кратчайшее время для производства вскрытія. На вскрытіе бывшая царица согласилась только вслѣдствіе убѣжденія, что только такимъ путемъ можетъ совершаться слѣдствіе. Вслѣдъ затѣмъ тѣло было набальзамировано, заключено въ метталическій гробъ
тѣло было набальзамировано, залключено въ металлическій гробъ

Здѣсь гробъ съ тѣломъ Распутина помѣстили въ Федоровскомъ государевомъ соборѣ, находящемся въ большомъ Александровскомъ дворцѣ. Въ соборъ никто не допускался. Въ теченіе дня бывшая царица, Вырубова, Головина и другія поклонницы Распутина поклонились его праху. Изъ ставки былъ вызванъ, какъ по чрезвычайному происшествію, Николай, извѣщенный о «страшномъ несчастіи, постигшемъ царскую семью». Мысль о погребеніи Распутина въ оградѣ собора, Александрѣ Федоровнѣ пришлось оставить, такъ какъ дворъ указалъ на возможность скандала, который вызоветъ погребеніе Распутина на территоріи царской резиденціи.

Гдѣ былъ похороненъ Распутинъ, вначалѣ было неизвѣстно. Мѣсто погребенія сохранялось въ-тайнѣ. Капитанъ воздушной царскосельской батареи Климовъ сдѣлалъ развѣдки и ему удалось отыскать мѣсто погребенія Распутина. Начавъ поиски въ глубинѣ царскосельскаго парка и дальше, по дорогѣ, ведущей отъ парка къ лѣсу, онъ былъ остановленъ чинами охраны, преградившими ему дальнѣйшій путь. Когда же онъ возвращался обратно, мимо него промчались двѣ женщины, въ которыхъ онъ узналъ бывшую царицу и Вырубову. Возобновивъ свои поиски, онъ нашелъ въ лѣсу начатую постройку часовни при Серафимовскомъ убѣжищѣ, которую строила Вырубова на свои средства. Здѣсь то, подъ часовней, въ склепѣ, находился металлическій гробъ, въ которомъ и былъ трупъ Распутина. На это мѣсто успокоенія послѣдняго знаменитаго авантюриста пріѣзжала Александра Федоровна молиться и плакать. На крышкѣ гроба было отверстіе, въ которомъ виднѣлась голова покойнаго. Безъ труда изъ подъ крышки гроба извлекли икону, на которой химическимъ карандашомъ были сдѣланы надписи:

Александра,
Ольга,
Татьяна,
Марія,
Анастасія
— и въ правомъ углу болѣе мелко—Анна.
Дата—11 декабря 1916 года.

Анна Вырубова, строя часовню и склепъ, для помѣщенія тамъ гроба Распутина, имѣла въ виду впослѣдствіи торжественныя народныя паломничества къ новому «святому». Дабы предупредить такого рода эксперименты съ народной психологіей, даны были соотвѣтствующія инструкціи комиссару.

Необычайная жизнь Распутина соотвѣтствовала и его необычайному концу. Даже его трупъ ожидала совершенно исключительная ликвидація. Въ Лѣсномъ милиціонеры оцѣпили мѣст-

ность, натащили массу дровъ, разложили костеръ и извлекли трупъ Распутина изъ гроба, набальзамированный и даже съ нарумяненнымъ лицомъ. Трупъ и костеръ были политы бензиномъ и подожжены.

Это совершалось въ пять часовъ утра. Сожженіе было вскорѣ кончено. Уцѣлѣвшія кости рѣшено было уничтожить, не погребая, металлическій гробъ расплавили, дабы отъ Распутина не осталось ровно ничего. Пепелъ разсѣяли по полю и засыпали снѣгомъ.

Такъ закончилъ свое бренное существованіе знаменитый авантюристъ Гришка Распутинъ, имя котораго въ исторіи будетъ неизмѣнно скандально сопутствовать послѣднимъ русскимъ царямъ династіи Романовыхъ, послѣднимъ судорогамъ стараго рухнувшаго режима.

Это наше сказаніе о Распутинѣ заключимъ написаннымъ въ честь его Акафистомъ и кондакомъ, распространявшимся еще при старомъ порядкѣ по Руси по рукамъ:

Акафистъ Гришкѣ Распутину:

— «О, Григоріе, новый угодниче сатаны, вѣры Христовой хулителю, русской земли раззорителю, женъ и дѣвъ осквернителю, того ради поносную смерть пріявшій. Како и воспоемъ и восхвалимъ тя, развѣ, глаголюще сице:

— Радуйся церкви христовой поруганіе, радуйся синода оплеваніе, радуйся Владимира изгнаніе, радуйся Макара прозябаніе, радуйся Питирима взыграніе, радуйся Варнавы превознесеніе, радуйся Иліодора удаленіе, радуйся Гермогена заточеніе, Радуйся, Григоріе, великій сквернотворче.

Радуйся разсудка царева помраченіе, радуйся царицы услажденіе, радуйся царевича развращеніе, радуйся, Григоріе, распутниче великій.

Радуйся, Штюрмера обрѣтеніе, радуйся Протопопова возвеличеніе, радуйся Саблера удаленіе, радуйся Самарина низверженіе, радуйся Джунковскаго отстраненіе, радуйся Андроникова окрыленіе, радуйся Григоріе, распутниче великій.

Радуйся таинственнаго питанія взалканія, радуйся блудныхъ страстей взыграніе, радуйся блудныхъ бѣсовъ служителю, радуйся ложа брачнаго осквернителю, радуйся дѣвъ совратителю, радуйся женъ соблазнителю, Радуйся Григоріе, распутниче великій.

Радуйся вѣры православной хулителю, радуйся хлыстовъ насадителю, радуйся пляски бѣсовской устроителю, радуйся казно-

крадовъ начальниче, радуйся лихоимцевъ прибѣжище, радуйся Григоріе, великій сквернотворче.

Радуйся темныхъ силъ игемонъ, радуйся русской земли злой демонъ, радуйся нѣмцевъ оплотъ и прибѣжище вѣрное, радуйся сатаны вмѣстилище скверное: Радуйся, Григоріе, великій скверно-творче.

Радуйся любострастія причина, радуйся лжесвидѣтельства ревнителю, радуйся хулигановъ покровителю, радуйся Григоріе великій сквернотворче».

———

Глава V.

Муть самодержавія.

I.

Измѣнники и предатели. Мясоѣдовъ.

Если для практическихъ уроковъ соціальной и государственной мудрости необходимо было бы продемонстрировать предоставленный самъ себѣ и потому гніющій и разлагающійся режимъ самодержавія, какъ демонстрируютъ выразительный образецъ болѣзни на тѣлѣ больного, то лучше русскаго самодержавія эпохи Николая II-го не нужно было бы ничего иного искать.

Послѣднія крѣпи его расшатались неудержимо, самодовлѣющая ржа въѣлась въ этотъ безнадежно пораженный смертельной болѣзнью организмъ. Оставались только наружные признаки чего то цѣльнаго, спаяннаго и вкупѣ держащагося. Но стоило только вѣтру народной воли, народнаго возмущенія охватить со всѣхъ сторонъ эту гниль, какъ она сразу дала трещины, разсохлась, распалась и вдругъ обрушилась на мѣстѣ, какъ сухая куча пыли.

Можетъ быть и возможны были бы такія случайныя и благопріятныя стеченія обстоятельствъ, при которыхъ это гнилое мѣсто еще продержалось бы нѣкоторое время въ такомъ же положеніи. Но гнилость все равно разъѣдала все тѣло оффиціальной Россіи и то положеніе, до котораго довели ее въ послѣдніе годы, — былъ уже подлинный параличъ власти и параличъ всего самодержавнаго государственнаго организма. Дальше идти уже было некуда. Начиная сверху, отъ царя и царицы, шедшихъ вопреки и въ разрѣзъ съ цѣлокупной волей и нуждами русскаго народа и продолжая ближайшими и верховными руководителями государственныхъ судебъ, опозорившихъ себя продажностью, взяточничествомъ, измѣной и предательствомъ, вплоть до послѣдняго винтика въ этомъ самодержавномъ механизмѣ, все было разъѣдено проказой, все распадалось отъ гнили, все оказывалось трухлявой и издающей невыносимый смрадъ мерзостью запустѣнія.

Внѣшнія крѣпи, охватывающія внутреннее направленіе русской жизни и ея содержаніе, были отвратительны и невыносимы. Вотъ почему въ самую атмосферу русской интеллигентской и обще-народной жизни врывались все время струи невыносимаго смрада, затхлости, отъ которыхъ мы задыхались. Отъ этого въ значительной степени зависѣла наша такъ называемая обывательщина, наше вѣчно—плохое, раздраженное состояніе духа, наша брезгливость, недовольство, несогласія, взаимно-раздраженія, свары, ссоры, это же вносило духъ мелочности и ничтожества въ общую атмосферу, которой мы дышали. О, нельзя, невозможно въ теченіе десятковъ и десятковъ лѣтъ терпѣть безнаказанно такую торжествующую, такую насилующую такую плотнымъ кольцомъ охватывающую насъ пошлость!

Нужно еще имѣть въ виду тотъ однородный и устойчивый, крѣпкій въ отношеніи нервовъ и воли элементъ, изъ котораго формировались кадры бюрократической, полицейской и охранной Россіи. Это все какъ на подборъ были люди такъ сказать умственной и душевной плотности и непроницаемости, т.-е. скотининскаго и держимордйаго состава и строя. У нихъ, въ противовѣсъ нашей интеллигентской и обывательской дряблости, нашей нервозности и гибкости,—все было такъ монументально, я бы оказалъ такъ жандармски-монументально, такъ монолитно, такъ увѣсисто и плотно. По истинѣ, всѣ мы были кающимися и вѣчно недовольными, вѣчно мучающимися, вѣчно ищущими интеллигентами. Но за то у «нихъ», у этихъ въ мундирахъ, у этихъ власть имѣющихъ—у нихъ было изумительное чувство особаго бюрократическаго достоинства, несмотря на то, что они насъ обирали, у насъ воровали, насъ насиловали и паразитствовали на нашъ счетъ. Туда подбирались кадры толстокожихъ, хорошо, прочно обросшихъ шерстью, мохнатыхъ въ смыслѣ совѣсти и умственной чуткости. Вотъ почему «они» въ теченіе сотенъ лѣтъ, пока полновластно и безконтрольно управляли страной, они насъ презирали такимъ глубокимъ, такимъ всецѣлымъ, такимъ уничтожающимъ презрѣніемъ. Опекаемое стадо, мы были тѣми, которые служатъ лишь внѣшнимъ поводомъ, для того чтобы всѣ они получали жалованіе, чины, ордена, наградныя и всѣ эти сверхсрочныя ссуды, отчисленія секретныя суммы и пр.

Совершенно ясно, что эти тучныя коровы ѣли и ѣли тощихъ, выжимали у нихъ послѣднія соки, оставляли только кожу да кости, до тѣхъ поръ, пока тощія, согласно неисповѣдимой и неуклонной воли судебъ и согласно также библейскихъ предуказаніямъ, пожрали тучныхъ и показали имъ условность и преходящесть всего, основаннаго на насиліи и косной силѣ. Но легко понять, какъ должны были и какъ могли себя чувствовать эти тощія въ періодъ,

пока они были жертвами, пока надъ ними была эта особая правящая каста держимордъ.

Для того, чтобы ослабить и привести къ полному уничтоженію эту всесильную и торжествующую касту, необходимо было сдѣлать именно то, что сдѣлалъ съ русской правящей бюрократіей Николай:

— Онъ снялъ съ нея окончательно всякую отвѣтственность не только передъ совѣстью и духомъ народа, но и передъ законностью, предоставивъ «усмотрѣнію» и «личнымъ дѣйствіямъ» неограниченный просторъ.

— Онъ зачеркнулъ требованіе по отношенію къ ней какихъ либо знаній и способностей, талантовъ и средствъ, почему въ министры проходили люди благодаря хорошо разсказанному анекдоту или инсценированной сценкѣ съ лютымъ тигромъ, какъ Маклаковъ, благодаря веселому и пріятному обхожденію, какъ Сухомлиновъ, благодаря распутинскому вліянію, какъ Штюрмеръ, Протопоповъ и другіе; въ епископы посвящались безграмотные мужики, какъ Варнава и пр. и пр.

Онъ снялъ послѣднюю узду, регулировавшую ненормальность самодержавно-бюрократическаго режима. И пауки были отданы на съѣденіе самихъ себя. И кончилось дѣло тѣмъ, что они сгнили и задохлись въ этой атмосферѣ полнаго благополучія. Они не выдержали такого всевластія, для нихъ это было вредно, даже смертельно. Они понеслись вихремъ по наклонной кривой, по плоскости хищенія, грабежа, насилія, предательства и всѣхъ возможныхъ для держиморды низостей. А возможности ихъ въ этомъ отношеніи почти безпредѣльны. И вотъ можно сказать, что Россія въ данномъ случаѣ почти ихъ исчерпала. Большего не изобрѣтетъ ничья фантазія; Россія дала все, что только могла бы вызвать изъ небытія фантазія самого бѣшенаго визіонера.

И намъ пришлось перелистать большую фантастическую книгу съ рѣзкими штриховыми рисунками, которая называется эпохой конца самодержавія въ Россіи, и тамъ увидѣть фигуры Распутина, Азефа, Иліодора, Варнавы, Гермогена, Питирима, Восторгова, Дубровина, Протопопова, Штюрмера, Мясоѣдова, Мануссевича, Воейкова и наконецъ охваченный религіозно-эротической маніей царицы и порабощеннаго ея вліянію Николая.

Теперь, когда наступила пора ликвидаціи стараго режима и мы копаемся въ грудахъ недавняго, но ставшаго уже историческимъ, матеріала, мы не удивляемся никакимъ проявленіямъ человѣческой низости, ибо знаемъ, какъ раздвинули предѣлы человѣческихъ возможностей эти представители старой самодержавной Россіи.

Къ одному изъ такихъ великолѣпныхъ героевъ старой Россіи

мы и переходимъ: страницы его приключеній и подвиговъ—уже достояніе всѣхъ.

Кто такой Мясоѣдовъ, прославившійся черным дѣломъ измѣны во время текущей войны, заподозрѣнный давно уже, задолго до войны и тѣмъ не менѣе оставленной на службѣ Столыпинымъ, какъ вѣрный стражъ самодержавія, ибо для кормчихъ стараго режима государственнаго корабля важнѣе было, чтобы такой то былъ оплотомъ монархизма, чѣмъ вѣрнымъ слугой отечества и народа. Мусоѣдовъ могъ быть, и по весьма фактическимъ даннымъ былъ заподозрѣнъ въ несеніи службы въ качествѣ германскаго шпіона и все же продолжалъ нести обязанности въ качествѣ слуги монархіи.

Мясоѣдовъ поступилъ на службу офицеромъ 14 августа 1885 года. Черезъ восемь лѣтъ онъ былъ зачисленъ въ корпусъ жандармовъ и, пройдя послѣдовательно рядъ должностей, былъ назначенъ въ 1894 году помощникомъ начальника вержболовскаго отдѣленія желѣзнодорожнаго полицейскаго управленія, а въ 1910 году—начальникомъ этого отдѣленія. Проживая въ Вержболовѣ, онъ женился на дочери выходца изъ Германіи, принявшаго русское подданство, которая, также, какъ и мужъ, впослѣдствіи была признана виновной въ государственной измѣнѣ и приговорена къ смертной казни.

Въ 1906 году департаментъ полиціи получилъ первыя свѣдѣнія о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ полковника Мясоѣдова, который, по агентурнымъ даннымъ, покровительствовалъ пропагандистамъ, освобождалъ за плату эмигрантовъ и пр. Въ 1907 году варшавскій генералъ-губернаторъ сообщилъ объ этомъ Столыпину, прося его замѣнить Мясоѣдова другимъ лицомъ, «болѣе добросовѣстно и умѣло относящимся къ своимъ обязанностямъ». Столыпинъ приказалъ перевести Мясоѣдова въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи, «не ближе меридіана Самары», чтобы отдѣлить его отъ прусской границы. Мясоѣдовъ призналъ такое перемѣщеніе для себя «обиднымъ», а вѣрнѣе невыгоднымъ, оставилъ службу и перешелъ на другое поприще, гдѣ окладъ былъ не меньше его прежнихъ заработковъ. Онъ сталъ предсѣдателемъ правленія учрежденнаго имъ сѣверо-западнаго пароходнаго общества, однимъ изъ директоровъ котораго состоялъ между прочимъ баронъ Отто Тротгусъ, который впослѣдствіи также былъ обвиненъ въ шпіонствѣ и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ.

Въ домѣ сенатора Викторова, Мясоѣдовъ познакомился съ Сухомлиновымъ, отношенія съ которымъ вскорѣ, благодаря ловкости, проявленной имъ и его женой, перешли въ тѣсную дружбу. Въ 1910 году Сухомлиновъ съ женой и Мясоѣдовъ съ женой проживали въ Карлсбадѣ, гдѣ Мясоѣдовъ обратился къ Сухомлинову съ прось-

бой вновь принять его на службу. Сухомлиновъ далъ свое принципіальное согласіе. Одной изъ мѣръ, какими Мясоѣдовъ завоевывалъ симпатію военнаго министра и его жены, явилась между прочимъ такая: жена Мясоѣдова явилась къ г-жѣ Сухомлиновой съ муфтой, которая стоила 1200 рублей и сказала что по случаю эта муфта продается за сто рублей. Жена военнаго министра не пожелала упустить такого случая и пріобрѣла эту муфту.

Въ печати о причастности Мясоѣдова къ шпіонству появились слухи въ 1911 году, сперва въ газетѣ, потомъ въ Госуд. Думѣ, гдѣ приводились характерныя данныя изъ біографіи Мясоѣдова, характеризующія подозрительный характеръ его дѣятельности. Въ связи съ этими слухами въ 1912 году Мясоѣдовъ былъ снова уволенъ отъ службы.

Съ объявленіемъ войны Мясоѣдовъ былъ зачисленъ въ государственное ополченіе. Какъ установлено на слѣдствіи, онъ, приблизительно, въ августѣ письмомъ на имя военнаго министра Сухомлинова просилъ назначить его въ дѣйствующую армію. Сухомлиновъ отвѣтилъ ему письмомъ, что онъ «не имѣетъ препятствій къ принятію Мясоѣдова на службу въ армію».

Съ этимъ письмомъ Мясоѣдовъ обратился путемъ телеграммъ и прошеній къ генералу Курлову, Раннекампфу и другимъ, прося назначить его для военной развѣдки въ Восточной Пруссіи. Между прочимъ Мясоѣдовъ обращался лично и къ генералу Рузскому, отъ котораго, однако, на свою просьбу получилъ весьма уклончивый отвѣтъ.

Въ это время въ штабъ сѣверо-западнаго фронта находился на службѣ въ 10-ой арміи генерала Обашелидзе. Мясоѣдовъ обратился къ нему и былъ зачисленъ въ штабъ 10-ой арміи, гдѣ былъ назначенъ переводчикомъ, но на самомъ дѣлѣ на него была возложена тайная развѣдка германскихъ войскъ. Мясоѣдовъ попалъ въ свою сферу: ему были открыты карты, и онъ началъ свою дѣятельность германскаго шпіона.

Свѣдѣнія о Мясоѣдовѣ въ настоящую войну далъ поручикъ 23 пѣхотнаго Низовскаго полка К—скій, который въ самомъ началѣ войны попалъ въ плѣнъ къ германцамъ. Послѣ взятія въ плѣнъ К—скій вздумалъ освободиться изъ него при помощи хитрости: онъ притворился, что онъ мазепинецъ, что ненавидитъ Россію и готовъ послужить германцамъ, неся для германскаго правительства военную развѣдку въ Россіи. К—скій такъ съумѣлъ убѣдить окружающихъ въ искренности своихъ завѣреній, что ему безусловно повѣрили и черезъ нѣкоторый промежутокъ времени его отвезли въ Алленштейнъ, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ завѣдующимъ развѣдкой германскимъ капитаномъ Скопникомъ, на котораго также произвелъ впечатлѣніе человѣка, вполнѣ преданнаго Герма-

ОПЛОТЪ САМОДЕРЖАВІЯ: Портреты членовъ Государственнаго Совѣта къ его столѣтнему юбилею, писанные Рѣпинымъ.

ніи. Изъ Алленштейна К—скаго отвезли въ Инстербургъ, въ штабъ германской арміи. Здѣсь съ нимъ бесѣдовалъ германскій лейтенантъ Баэрмейстеръ, который очень хорошо говорилъ по русски. Этотъ Баэрмейстеръ сказалъ, что у него есть еще два брата, что всѣ они долго жили въ Россіи, а самъ лейтенантъ съ матерью даже въ Петроградѣ. Въ разговорѣ Баэрмейстеръ между прочимъ замѣтилъ, что его третій братъ былъ убитъ во время текущей войны. Это обстоятельство нашло себѣ подтвержденіе въ письмахъ, написанныхъ во время войны сестрой Баэрмейстера въ Петроградъ къ своей гувернанткѣ Сгунеръ, которой она сообщала, что ея братъ убитъ. Этимъ подтвердилось показаніе К—скаго, который не могъ знать, что въ Россіи въ квартирѣ Баэрмейстера будутъ найдены документы, удостовѣряющіе вѣрность его показаній. Кромѣ того, рядъ другихъ мелкихъ фактовъ, установленныхъ на предварительномъ слѣдствіи, далъ возможность удостовѣриться въ правильности показаній К—скаго.

Въ разговорѣ съ Баэрмейстеромъ К—скій настолько убѣдительно говорилъ о своемъ желаніи послужить германской арміи, что сумѣлъ вполнѣ убѣдить своего собесѣдника. Послѣдній, обсуждая условія предстоящей работы на пользу Германіи К—скаго, сказалъ ему:—«*Уже въ теченіе пяти лѣтъ мы работаемъ съ вашимъ полковникомъ, отъ этого и ему хорошо и намъ хорошо*». На слѣдующій день онъ сказалъ К—скому, что *упомянутый полковникъ—Мясоѣдовъ,* который еще раньше служилъ въ Вержболовѣ и тамъ, по словамъ Баэрмейстера, оказалъ большія услуги германскому правительству, пропуская черезъ границу шпіоновъ, съ которыми и работалъ въ пользу германскаго шпіонажа. Мать Баэрмейстера неоднократно провозила черезъ Вержболово документы военнаго характера въ Германію.

Черезъ нѣкоторое время К—скаго повезли въ Берлинъ, здѣсь его снабдили деньгами, паспортомъ, пропускомъ для возвращенія въ Германію, условнымъ шрифтомъ для телеграфированія, а затѣмъ отправили въ Швецію. К—скій уѣхалъ въ Стокгольмъ и сейчасъ же пошелъ къ нашему военному агенту, которому подробно сообщилъ все вышесказанное. Военный агентъ передалъ эти свѣдѣнія въ главный штабъ, въ которомъ К—скій по пріѣздѣ въ Петроградъ и былъ допрошенъ.

К—скому дано было выполнить нѣсколько порученій для Германскаго штаба, одно изъ нихъ заключалось въ томъ, чтобы убить Николая Николаевича. Правильность этого показанія нашла себѣ подтвержденіе въ томъ, что, какъ выяснилось по другому дѣлу о шпіонѣ Руцинскомъ, послѣднему также было поручено убить главнокомандующаго за одинъ милліонъ рублей. Изъ этихъ денегъ 500.000 давала Австрія, а 500.000 рублей—Германія. Ру-

цинскій былъ простой рабочій. К—скій не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній и объ этомъ дѣлѣ раньше ничего не зналъ. Далѣе К—скому было приказано произвести попытку взорвать мостъ у Варшавы. Но передъ самымъ его отъѣздомъ изъ Германіи это порученіе было отмѣнено, съ объясненіемъ, что оно возложено на другого. Между прочимъ дѣйствительно, 16 декабря вблизи Варшавы было совершено покушеніе на взрывъ мостовъ, о чемъ К—скій не могъ имѣть никакихъ показаній, такъ какъ онъ самъ прибылъ въ Петроградъ только на слѣдующій день послѣ этого покушенія. Главнымъ же образомъ К—скому было поручено узнать планы и настроенія въ высшихъ военныхъ кругахъ русскаго общества въ связи съ войною. Слѣдуетъ замѣтить, что, какъ выяснилось по другимъ дѣламъ, непріятель интересовался такими свѣдѣніями и давалъ и другимъ лицамъ выполнить порученія такого рода.

Для того, чтобы К—скій могъ успѣшнѣе выполнить порученіе по собиранію нужныхъ германцамъ свѣдѣній, Баэрмейстеръ рекомендовалъ ему по пріѣздѣ въ Петроградъ обратиться къ Мясоѣдову, котораго, по словамъ Баэрмейстера, К—скій могъ встрѣтить въ одномъ изъ ресторановъ, гдѣ Мясоѣдовъ всегда бывалъ. Слѣдствіемъ установлено, что Мясоѣдовъ большую часть времени проводилъ въ ресторанахъ, изъ за чего у него, между прочимъ произошла ссора съ близкой ему дамой, Столбиной. Обстоятельства эти свидѣтельствуютъ, что Баэрмейстеръ хорошо зналъ какъ самого Мясоѣдова, такъ и образъ его жизни и что К—скій, совершенно не знавшій Мясоѣдова, не имѣлъ возможности этого придумать.

Послѣ полученія отъ К—скаго всѣхъ вышеприведенныхъ свѣдѣній, состоявшій въ то время на службѣ въ штабѣ 10-ой арміи Мясоѣдовъ былъ сейчасъ же отозванъ изъ командировки въ Восточной Пруссіи и былъ посланъ въ районъ Ковны, гдѣ его дѣятельность не могла болѣе принести вреда, при чемъ за его дѣйствіями было поручено наблюдать нѣкоему Дистергофу, которому также все поведеніе Мясоѣдова показалось подозрительнымъ. Такъ напримѣръ, Мясоѣдовъ весьма интересовался расположеніемъ русскихъ войскъ, хотя эти свѣдѣнія совершенно не нужны были тому, кто старался изучить расположеніе непріятельской арміи. Говорили также, что онъ высказывалъ нерѣдко любовь и расположеніе къ нѣмцамъ и въ прозрачныхъ выраженіяхъ предлагалъ Дистергофу служить Германіи.

Письма, приходившія на имя Мясоѣдова, Дистергофомъ перехватывались и прочитывались. Два письма были присланы ему отъ жены, а одно исходило отъ «преданнаго Бориса». Содержаніе его было явно условно. Въ этомъ письмѣ Борисъ, какъ потомъ оказалось Фрейдбергъ (также казненный) приглашалъ Мясоѣдова

непремѣнно явиться въ Ригу, но не раньше двадцатыхъ чиселъ и просилъ телеграфировать согласіе въ Либаву. Мясоѣдовъ, котораго таинственный Борисъ приглашалъ въ Ригу, сказалъ Дистергофу, что ему нужно поѣхать въ Вильну. Говорилъ потомъ, что ему нужно поѣхать въ деревню, Дембову-Руду. Вскорѣ Мясоѣдовъ въ сопровожденіи Дистергофа поѣхалъ въ эту деревню и зашелъ тамъ въ штабъ какой то дивизіи. Такъ какъ оказалось, что нужный ему казачій полковникъ уже уѣхалъ впередъ, то Мясоѣдовъ съ однимъ капитаномъ генеральнаго штаба отправился на передовыя позиціи, гдѣ этотъ офицеръ, что то объяснялъ ему и показывалъ на картѣ. Дистергофъ понялъ всю эту поѣздку, совершенно безполезную въ смыслѣ развѣдки расположенія германскихъ войскъ, какъ попытку передъ отправкой въ Ригу, собрать нужныя для «Бориса» свѣдѣнія о расположеніи въ этомъ районѣ русскихъ войскъ.

Въ тотъ же день, по возвращеніи въ Ковну, Мясоѣдовъ былъ арестованъ.

Сблизившись съ своимъ начальникомъ Дистергофомъ, Мясоѣдовъ повѣрялъ ему маленькія тайны своей дѣятельности, и между прочимъ о похищеніи имъ въ Восточной Пруссіи различныхъ вещей, имѣвшихъ цѣнность. Въ числѣ похищеннаго показывалъ онъ какой то столикъ и двѣ картины.

Изъ похожденій Мясоѣдова, въ Вильнѣ многое памятно виленскимъ жителямъ. Женатый на сестрѣ крупнѣйшаго въ сѣверо-западномъ краѣ кожевеннаго заводчика Гольдштейна, Мясоѣдовъ въ силу родственныхъ связей своей жены очень часто наѣзжалъ изъ Вержболова въ Вильно, гдѣ обычно во время пріѣзда велъ весьма шумный и бурный образъ жизни. Единственный въ городѣ кафешантанъ Шумана во время пріѣзда Мясоѣдова оживалъ. Все шло верхъ дномъ, шампанское лилось рѣкой и золото сыпалось въ карманы заморскихъ дѣвъ, подвизавшихся на подмосткахъ театрика.

Зная весьма ограниченныя средства полковника Мясоѣдова, такое швыряніе деньгами казалось весьма подозрительнымъ. Съ пьяна, въ минуты откровенности, въ интимномъ кругу собутыльниковъ, Мясоѣдовъ неоднократно хвастался тѣмъ, какъ его любитъ Вильгельмъ и разсказывалъ всевозможные эпизоды изъ своихъ поѣздокъ въ Берлинъ, объ участіи въ охотахъ, которыя устраивалъ Вильгельмъ.

Между прочимъ на одной изъ башенъ дворца тестя Мясоѣдова, заводчика Гольдштейна нашли мачты безпроволочнаго телеграфа; сейчасъ же послѣ ареста Мясоѣдова Гольдштейнъ былъ арестованъ. Вспомнили также, что у Гольдштейна былъ родной братъ въ Кенигсбергѣ, который довольно часто наѣзжалъ въ Вильно и обычно во время своихъ пріѣздовъ вращался въ обществѣ казненнаго Мясоѣдова.

При производствѣ предварительнаго слѣдствія о полковникѣ Мясоѣдовѣ и другихъ обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ, обращено было вниманіе на выясненіе всѣхъ соучастниковъ Мясоѣдова. Въ самомъ началѣ дѣла поступили свѣдѣнія о нѣкоемъ Альтшиллерѣ, у котораго, какъ оказалось, была шпіонская контора, дѣятельно функціонировавшая по направленію, предуказанному дѣятельностью Мясоѣдова. Альтшиллеръ былъ чуть ли не другомъ дома Сухомлинова.

Сдѣланныя К—скимъ разоблаченія заставили уволить и арестовать Мясоѣдова и отчислить съ поста Сухомлинова. А въ то же время германцы, воспользововавшись донесеніями Мясоѣдова, прорвались къ Сувалкамъ и окружили нашъ корпусъ, погибшій въ Августовскихъ лѣсахъ.

Служившій въ 10-омъ корпусѣ Мясоѣдовъ и предалъ его.

Такъ раскрылось шпіонство Мясоѣдова. Слѣдствіе велось при чрезвычайно трудныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ симпатіи высшей власти были не на сторонѣ слѣдственныхъ властей. Мясоѣдову покровительствовалъ Сухомлиновъ, а Сухомлинову—Николай. И даже въ послѣдній моментъ Щегловитовъ пытался спасти Мясоѣдова, но попытка его кончилась ничѣмъ.

Мясоѣдовъ былъ повѣшенъ по приговору суда.

Близость же повѣшеннаго измѣнника Мясоѣдова къ министру военнаго снабженія въ Россіи Сухомлинову расширяетъ смыслъ и значеніе всего этого дѣла.

Не въ кучкѣ предателей и тайныхъ германскихъ шпіоновъ было тутъ дѣло, а въ широко организованномъ нѣмецкомъ шпіонажѣ, корни котораго проникли внизъ и исходили сверху, отъ высшихъ представителей власти въ Россіи.

II.

Сухомлиновъ. Его интимный кругъ.

Сидящій теперь въ Петропавловской крѣпости Сухомлиновъ обвиненъ еще старой властью въ Государственномъ предательствѣ. Его жена бросилась на колѣни передъ Александрой Федоровной, плакали, умоляла о заступничествѣ. Распутинъ оказался сочувствующимъ Сухомлинову, не потому ли, что и самъ былъ не внѣ того же воздѣйствія германскаго штаба. Во всякомъ случаѣ онъ согласился «замолвить словечко» за Сухомлинова передъ бывшей царицей. Но и кромѣ того, вся «стая славныхъ»—Щегловитовъ, Вырубова, Воейковъ стали усиленно доказывать Александрѣ Федоровнѣ, что Сухомлиновъ не предатель, что его обвинили изъ по-

литической мести, что онъ преданный престолу человѣкъ и его необходимо освободить. И Сухомлинова по личному предписанію Николая освободили изъ тюрьмы съ приказаніемъ донести въ ставку:— «исполнена ли воля монарха».

Преступленія Сухомлинова общеизвѣстны: главное изъ нихъ заключается въ томъ, что онъ завѣрилъ общество и правительство, будто дѣло военнаго снабженія поставлено у насъ блестяще, что снарядовъ и оружія достаточно, что мы совершенно готовы къ борьбѣ съ нѣмцами. Между тѣмъ, какъ на дѣлѣ оказалось, что онъ многомилліонную русскую армію подставилъ чуть ли не съ голыми руками подъ пушки германцевъ, что солдаты отступали буквально съ палками въ рукахъ, что неслыханный позоръ и бѣдствіе, которое символизировалъ собой Сухомлиновъ не могли выразить словами тѣ изъ членовъ военно-промышленнаго комитета, которые были на фронтѣ и видѣли положеніе вещей.

Всѣ помнятъ провокаторскія завѣренія, сдѣланныя Сухомлиновымъ печатно черезъ извѣстнаго Бориса Ржевскаго о полной боевой готовности Россіи, въ то время какъ запасъ патроновъ, оружія и орудій, былъ совершенно не достаточенъ. Сухомлиновъ сознательно и злонамѣрно далъ германцамъ страшный перевѣсъ, въ смыслѣ боеспособности и запасовъ боевыхъ снаряженій.

Кромѣ того, Сухомлиновъ весьма замѣшанъ въ той, получившей названіе «мясоѣдовщины», исторіи, которыя имѣетъ довольно широкое распространеніе; такъ какъ состоялъ въ близкой связи и дружбѣ съ самимъ Мясоѣдовымъ и съ кружкомъ окружавшихъ его предателей.

Нити шпіонства, какъ свидѣтельствуютъ данныя о немъ, вели неизмѣнно къ Сухомлинову. Онъ окружилъ себя продажными и грязными людьми, жаждавшими всѣми мѣрами только наживы, получавшими и продававшими подряды, наживался самъ и рядомъ съ нимъ дѣятельно работала на почвѣ той же наживы его жена.

«Слабовольный рамольный старикъ, подпавшій подъ женское вліяніе», стоялъ во главѣ военнаго министерства во время великой войны. Николай не только терпѣлъ его, но и любилъ. Сухомлиновъ умѣлъ быть пріятнымъ, всегда обходилъ то, что могло волновать Ниоклая, умѣлъ кстати разсказать анекдотъ, имѣлъ всѣ качества ловкаго царедворца. И Сухомлинова оставляли во главѣ военнаго вѣдомства до тѣхъ поръ, пока безоружной арміи не пришлось оставить Польшу и Галицію и выходить съ голыми руками въ атаку.

А когда Сухомлинова наконецъ обличили и заставили выйти въ отставку, подъ давленіемъ негодованія въ арміи, Николай прислалъ ему письмо съ изъявленіемъ своей привязанности и выра-

женіемъ надежды, что Сухомлиновъ еще послужитъ родинѣ. Это былъ подлинный вызовъ всеобщему общественному мнѣнію въ странѣ, на которое Николай, по выраженію его жены «наплевалъ».

Сблизившись съ Мясоѣдовымъ, Сухомлиновъ въ 1911 году встрѣчалъ новый годъ въ домѣ Мясоѣдова. Есть показаніе, что близкая родственница Сухомлинова убѣждала его не сближаться съ Мясоѣдовымъ, такъ какъ послѣдній могъ его скомпрометтировать. На это бывшій военный министръ отвѣчалъ, что всѣ слухи о Мясоѣдовѣ основаны на недоразумѣніи и не имѣютъ подъ собой никакихъ основаній. На новогодней встрѣчѣ у Мясоѣдовыхъ, кромѣ Сухомлиновыхъ, были — германскій подданный Кунье, двоюродный братъ Сухомлиновой — Гошкевичъ и германскій подданный Валентини, который былъ принятъ также и въ домѣ Сухомлинова. Между прочимъ Гошкевичъ обратилъ, по его словамъ, вниманіе на одного лакея Мясоѣдова, который явно прислушивался къ разговорамъ военнаго министра, въ то время, какъ Мясоѣдовъ старался вызвать перваго на бесѣды военнаго характера.

Когда слухъ о томъ, что Сухомлиновъ желаетъ вновь привлечь Мясоѣдова на службу дошелъ до адъютанта военнаго министра, послѣдній обратилъ вниманіе министра на имѣющійся въ департаментѣ полиціи матеріалъ о Мясоѣдовѣ, изобличающій его. Сухомлиновъ потребовалъ къ себѣ этотъ матеріалъ, просмотрѣлъ и заявилъ, что въ дѣлѣ ничего нѣтъ доказаннаго.

Въ силу дружескихъ отношеній, существующихъ между Сухомлиновымъ и Мясоѣдовымъ, можно предположить, что Сухомлиновъ сообщилъ Мясоѣдову о существующемъ по отношенію къ нему матеріалѣ департамента полиціи. Весьма возможно, что германскій шпіонъ зналъ о существующихъ противъ него подозрѣніяхъ, но увѣренно и даже беззаботно дѣйствовалъ, надѣясь крѣпко на то, что широкія спины высшей власти въ Россіи объединены съ нимъ въ общемъ направленіи дѣйствій и закроютъ его своими широкими спинами.

Въ 1911 году Мясоѣдовъ, по просьбѣ Сухомлинова, обращенной къ бывшему командиру корпуса жандармовъ Курлову, былъ прикомандированъ къ петроградскому жандармскому управленію съ откомандированіемъ въ распоряженіе министра. Узнавъ объ этомъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ счелъ необходимымъ сдѣлать представленіе Сухомлинову, обративъ его серьезное вниманіе на опасность такого назначенія. Но доводы Макарова не возымѣли никакого дѣйствія на военнаго министра, несмотря на то, что Макаровъ представлялъ ему документальныя данныя о подозрительномъ въ смыслѣ шпіонства поведеніи Мясоѣдова.

Сухомлиновъ пошелъ наперекоръ всему и упрямо дѣйствовалъ

по внушенію какихъ то личныхъ цѣлей. Онъ отвѣтилъ Макарову, что если свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ и являются основательными, то Мясоѣдовъ не можетъ быть ни въ какомъ отношеніи опаснымъ, такъ какъ по характеру своихъ служебныхъ обязанностей онъ весьма далекъ отъ всякихъ секретныхъ свѣдѣній. Макаровъ, не ограничившись устной бесѣдой съ Сухомлиновымъ, прислалъ ему оффиціальное письмо секретнаго характера, въ которомъ сообщалъ имѣвшіяся у него свѣдѣнія о Мясоѣдовѣ. Впослѣдствіи выяснилось, что это письмо Макарова, Сухомлиновъ *передалъ Мясоѣдову*.

При обыскѣ въ квартирѣ жены Мясоѣдова была найдена копія письма, посланнаго Мясоѣдовымъ Сухомлинову. Мясоѣдовъ писалъ:—«Я очень хотѣлъ бы знать, убѣждены ли вы въ полной моей корректности, какъ въ служебномъ отношеніи, такъ и относительно тѣхъ вопросовъ, о которыхъ вамъ писалъ Макаровъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, за меня копій ломать не будетъ, такъ какъ въ кругъ обязанностей департамента полиціи входитъ все, что угодно, кромѣ выдачи кому либо хорошей аттестаціи, а Макаровъ, котораго я считаю негодяемъ, изъ личной непріязни ко мнѣ дѣлаетъ видъ, что вѣритъ глупостямъ о моей дѣятельности».

Когда слухъ о шпіонской дѣятельности Мясоѣдова дошелъ до Государственной Думы, то здѣсь появились свѣдѣнія, что Сухомлиновъ допускаетъ Мясоѣдова къ наиболѣе секретнымъ дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ государственной оборонѣ.

Весной 1911 года въ печати уже опредѣленно указывалось, что въ распоряженіи военнаго министра находится тотъ самый полковникъ Мясоѣдовъ, о которомъ давно ходятъ слухи, какъ о германскомъ шпіонѣ, сообщающемъ въ Берлинѣ секретныя свѣденія, добываемыя имъ въ одномъ изъ учрежденій военнаго министерства.

А. И. Гучковъ, членъ Государственной Думы, на страницахъ газетъ заявилъ то же самое. Онъ указывалъ, что вскорѣ послѣ допущенія Мясоѣдова къ занятіямъ въ военномъ вѣдомствѣ одна изъ сосѣднихъ державъ стала значительно освѣдомленнѣе о нашихъ военныхъ дѣлахъ, чѣмъ раньше. Эти свѣденія произвели на членовъ Думы ошеломляющее впечатлѣніе. Вслѣдъ затѣмъ Гучковъ, какъ предсѣдатель комиссіи по оборонѣ, заявилъ Сухомлинову, что комиссія выражаетъ желаніе выслушать его объясненія по поводу циркулирующихъ въ обществѣ слуховъ.

Въ силу этого сообщенія Сухомлиновъ обратился къ генералу Жилинскому съ письмомъ, поручая ему произвести разслѣдованіе для выясненія вопроса, были ли дѣйствительно случаи добыванія Мясоѣдовымъ какихъ либо секретныхъ документовъ. Од-

новременно Сухомлиновъ обратился съ такими же письмами къ командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ, генералу Толмачеву, а также къ главному военному прокурору.

Было такое впечатлѣніе, что военный министръ хочетъ совершенно искреннѣ разслѣдовать указанныя въ газетныхъ статьяхъ обстоятельства, относящіяся къ шпіонской дѣятельности Мясоѣдова. Однако черезъ три дня тотъ же Сухомлиновъ обратился къ командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ генералу Толмачеву съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

— «Состоящій въ моемъ распоряженіи полковникъ Мясоѣдовъ возлагаемыя мною на него порученія исполнялъ всегда съ тактомъ, выдержкой и толково: Считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что работою и исполнительностью его, Мясоѣдова, я былъ всегда очень доволенъ и надѣюсь, что взведенное на него обвиненіе будетъ скоро выяснено, въ пользу Мясоѣдова».

Письмо это являлось какъ бы предрѣшеніемъ возбужденнаго разслѣдованія о Мясоѣдовѣ и отъ всѣхъ трехъ лицъ, которымъ Сухомлиновъ поручилъ навести справку о Мясоѣдовѣ, послѣ соотвѣтствующаго письма Сухомлинова, получился отвѣтъ, что ничего предосудительнаго о Мясоѣдовѣ не собрано. Эти свѣдѣнія Сухомлиновъ представилъ Государственной Думѣ. Былъ такимъ образомъ сдѣланъ ловкій ходъ опредѣленно въ защиту Мясоѣдова, котораго бывшій министръ защищалъ изо всѣхъ силъ, вопреки документальнымъ даннымъ о немъ, стараясь покрыть Мясоѣдова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его преступную дѣятельность. Кромѣ того, самъ министръ лично подтвердилъ въ Думѣ, что всѣ взведенныя на Мясоѣдова обвиненія неосновательны, что онъ знаетъ Мясоѣдова съ самой лучшей стороны и считаетъ его полезнымъ и способнымъ человѣкомъ и офицеромъ. Это происходило 19 апрѣля 1912 года.

Члены Государственной Думы, допрошенные впослѣдствіе по этому поводу, выяснили, что завѣренія Сухомлинова относительно дѣятельности Мясоѣдова казались настолько убѣдительными, что у нихъ сложилось впечатлѣніе, будто Гучковъ, сообщая въ газеты свѣдѣнія о шпіонской дѣятельности Мясоѣдова, былъ введенъ въ заблужденіе.

Сухомлиновъ, не ограничившись своимъ выступленіемъ въ Государственной Думѣ, приказалъ составить оффиціальное опроверженіе отъ имени военнаго министра, въ которомъ указывалъ, что всѣ слухи о предосудительныхъ дѣйствіяхъ Мясоѣдова, рѣшительно ни на чемъ не основаны. Въ опроверженіи между прочимъ говорилось, что если бы о Мясоѣдовѣ по предыдущей его дѣятельности имѣлись, дѣйствительно, неблагопріятныя свѣдѣнія, то зачисленіе его вновь на службу не могло бы состояться.

Если предположить такую очень мало вѣроятную вещь, что Сухомлиновъ дѣйствовалъ искренно не въ силу какихъ либо симпатій или общихъ дѣлъ съ Мясоѣдовымъ, а потому, что былъ убѣжденъ въ невинности послѣдняго и имѣлъ на то какія либо фактическія основанія, то становится совершенно непонятнымъ, какъ человѣкъ, проявившій въ свое время такую исключительную заботливость о Мясоѣдовѣ, такую живѣйшую симпатію къ нему, не далъ обществу тѣхъ матеріаловъ, которые сняли бы съ «невинно потерпѣвшаго» позорное обвиненіе и спасли бы его отъ петли.

Нѣтъ, Сухомлиновъ, когда К-скій далъ неопровержимыя доказательства предательства Мясоѣдова и продажи имъ за деньги Россіи германскому штабу, поспѣшилъ просто спрятаться самъ, лично, за спиною Распутина, Протопопова, Воейкова и наконецъ Николая. И такимъ образомъ выдалъ съ головою не только себя, но и всѣхъ ихъ. Тутъ неопровержимая цѣпь логическихъ заключеній. Сухомлиновъ нечаянно обнаружилъ своего рода круговую поруку, которая существовала между всѣми этими людьми, заподозрѣнными въ измѣнѣ Россіи и въ сношеніи съ германскимъ штабомъ.

О томъ, какія порученія исполнялъ у Сухомлинова Мясоѣдовъ, свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо Мясоѣдова къ Сухомлинову:

— «Мнѣ кажется, что всѣ порученія ваши я, дѣйствительно, исполнялъ безупречно, а нѣкоторыя изъ нихъ были весьма важны. Между тѣмъ вы какъ будто хотите ихъ забыть, перечисляя порученія, которыя мнѣ пришлось выполнить. Вы передали мнѣ надзоръ за революціоннымъ движеніемъ въ арміи. Вы поручили мнѣ составить записку объ упорядоченіи вопроса о цензурѣ въ генеральномъ штабѣ. Вы поручили мнѣ докладывать Вамъ наиболѣе секретную переписку. Вы вручили мнѣ для передачи начальнику генеральнаго штаба почти незаклеенный конвертъ съ весьма важнымъ протоколомъ соглашенія съ Франціей, который по вашимъ словамъ, вы не могли довѣрить даже фельдъегерю».

Впослѣдствіи выяснилась важнѣйшая деталь:—оффиціальное опроверженіе отъ имени министра по поводу шпіонской дѣятельности Мясоѣдова было вызвано требованіемъ самого Мясоѣдова. Онъ писалъ Сухомлинову по этому вопросу слѣдующее: — «На службѣ я состоялъ у васъ и потому офиціальная реабилитація моего имени должна исходить отъ васъ же. Я полагалъ бы, что опроверженіе должно состоять изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) Аттестація, данная мнѣ генераломъ Курдовымъ, опровергающая слухи о томъ, что я былъ уволенъ изъ корпуса жандармовъ за неблаговидные поступки. 2) Реабилитація моя въ самой категорической формѣ по обвиненію меня въ выдачѣ секретныхъ документовъ и воен-

ныхъ тайнъ иностраннымъ государствамъ. 3) Аттестація мнѣ за время службы при военномъ министерствѣ. Такъ какъ военное вѣдомство не выступило немедленно съ разъясненіями и опроверженіями, я долженъ былъ вызвать Гучкова на дуэль. Всякое дальнѣйшее замедленіе напечатанія опроверженія оттолкнетъ отъ васъ преданныхъ вамъ подчиненыхъ».

Это письмо заключаетъ въ себѣ такую ясную подоплеку преступныхъ сношеній Мясоѣдова съ Сухомлиновымъ, такую очевидную, звучащую въ послѣдней фразѣ УГРОЗУ и даетъ такія явныя приказанія и внушенія военному министру, что становится очевиднымъ, что Мясоѣдовъ съ дьявольской ловкостью съумѣлъ чѣмъ то связать и подчинить себѣ волю военнаго министра и заставить служить своимъ цѣлямъ.

Послѣ этого письма совершенно ясно, что Сухомлиновъ поспѣшилъ исполнить приказанія Мясоѣдова и въ точности исполнить по пунктамъ все, что только послѣдній потребовалъ отъ военнаго министра подъ угрозой, что въ противномъ случаѣ онъ наживетъ опасныхъ враговъ, «что то знающихъ» въ прежде преданныхъ подчиненныхъ.

Но скандалъ съ разоблаченіемъ Мясоѣдова получился уже настолько большой, что Сухомлиновъ увидѣлъ полную невозможность безъ личнаго риска продолжать отстаивать его съ такой энергіей, съ какою онъ отстаивалъ его раньше. И скрѣпя сердце Сухомлиновъ долженъ былъ уволить Мясоѣдова отъ службы въ 1912 году.

Въ отвѣтъ на увольненіе Сухомлиновъ получилъ отъ уволеннаго Мясоѣдова слѣдующее письмо:—«Вдругъ, сразу, послѣ письма Макарова и возмутительныхъ газетныхъ статей, я лишился вашего довѣрія. Видя ваше колебаніе, я понялъ, что на вашу поддержку мнѣ расчитывать нечего. Я просилъ васъ не торопиться съ вопросомъ о моей отставкѣ и дать мнѣ возможность сначала оправдаться, а потомъ уйти съ достоинствомъ. На это письмо я отъ васъ никакого отвѣта не получилъ». На это посланіе Мясоѣдовъ получилъ отъ Сухомлинова слѣдующій отвѣтъ: — «Многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, письмо меня удивило прежде всего своимъ тономъ, какимъ я, со своей стороны, не позволю себѣ отвѣчать вамъ, несмотря на то, что мои нервы издерганы, вѣроятно, не меньше вашихъ. Что касается содержанія его, то я совершенно опредѣленно долженъ сказать, что не могу представить себѣ, какъ бы мы вмѣстѣ могли служить, послѣ этого письма вашего».

Очевидная фальшъ этого письма не требуетъ поясненій. Сухомлиновъ ссылается на тонъ послѣдняго письма, какъ на причину, исключающую возможность совмѣстной службы его и Мясоѣдова, между тѣмъ какъ отставка послѣдняго была уже предрѣше-

на. Просто, Сухомлиновъ заговорилъ другимъ языкомъ со своимъ недавнимъ любимцемъ, когда убѣдился, что тотъ окончательно сломленъ и можетъ только навлечь бѣду на него самого.

Но хотя съ этого времени и наступило охлажденіе между бывшими друзьями, все же въ началѣ войны это не помѣшало бывшему министру рекомендовать Мясоѣдова въ армію.

Слухи же о шпіонской дѣятельности послѣдняго настолько распростронялись, что самъ Сухомлиновъ долженъ былъ поручить своимъ чиновникамъ имѣть наблюденіе за Мясоѣдовымъ. Наблюденіе выяснило, что въ домѣ Мясоѣдова собираются лица германофильскаго направленія, въ числѣ которыхъ находились — служащій въ интенданствѣ генералъ Грейфанъ и нѣкая А. Аурихъ. Грейфанъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ бывшимъ австрійскимъ агентомъ графомъ Спаноки, который былъ отозванъ изъ Петрограда послѣ того, какъ выяснилось, что онъ добывалъ за деньги разные секретные документы, касавшіеся обороны, отъ барона Унгернъ-Штернберга, сосланнаго въ каторжныя работы. Другой изъ бывшихъ въ домѣ Мясоѣдова—Валентини,—числился комиссаромъ по постановкѣ аптекарскаго товара. Въ 1911 году въ военномъ министерствѣ были получены свѣдѣнія, что Валентини занимается шпіонствомъ. Между тѣмъ съ этимъ самымъ Валентини Мясоѣдовъ велъ тѣсную дружбу и постоянно останавливался у него на квартирѣ.

Другая знакомая Мясоѣдова, А. Аурихъ, корреспондентка берлинскихъ газетъ, также находилась въ постоянномъ общеніи съ осужденнымъ шпіономъ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ. По даннымъ военнаго министерства, она являлась одной изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудницъ-руководительницъ нѣмецкаго шпіонажа въ Петроградѣ у совѣтника германскаго посольства фонъ Луціуса и офицера германскаго генеральнаго штаба Зигфрида Гея, проживавшаго въ Петроградѣ подъ видомъ представителя одного изъ нѣмецкихъ телеграфныхъ агентовъ.

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, Сухомлиновъ на нѣкоторое время, какъ бы забезпокоился. По его приказанію генералъ Грейфанъ, заподозрѣнный въ шпіонствѣ, былъ въ апрѣлѣ 1914 года уволенъ отъ должности. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ Мясоѣдовъ никакъ не могъ быть зачисленъ въ дѣйствующую армію на отвѣтственный постъ, дающій тѣмъ болѣе ему возможность заниматься полученіемъ секретныхъ свѣдѣній для передачи германскому штабу. И тѣмъ не менѣе благодаря содѣйствію того же Сухомлинова, Мясоѣдовъ попадаетъ снова въ армію.

Бывшій военный министръ въ отвѣтъ на ходатайство послѣдняго отвѣчаетъ ему, что не имѣетъ никакихъ препятствій для поступленія его на службу. И вотъ, какъ мы уже сообщали, Мясо-

ѣдовъ получаетъ назначеніе въ 10-ый корпусъ, на мѣсто переводчика при штабѣ.

И только послѣ того, какъ дѣятельность Мясоѣдова нанесла такой громадный ущербъ интересамъ русскаго воинства и стоила столько человѣческихъ жизней, показанія поручика К-скаго (Кулаковскаго) дали несомнѣнныя доказательства шпіонской дѣятельности Мясоѣдова и заставили замолкнуть его ретивыхъ до подозрительности защитниковъ, ратовавшихъ за него, какъ бывшій военный министръ. Выяснилось, что въ Германіи Мясоѣдовъ въ области шпіонажа считался самымъ ловкимъ и опытнымъ работникомъ.

При осмотрѣ квартиры Мясоѣдова, между прочимъ, было замѣчено, что въ его кабинетѣ, на видномъ мѣстѣ, виситъ большой портретъ Вильгельма съ собственноручной надписью. Стало извѣстнымъ, что въ 1905 году, Мясоѣдовъ былъ приглашенъ Вильгельмомъ въ его имѣніе Роминтенъ, расположенное въ 15 верстахъ отъ границы, гдѣ Мясоѣдовъ присутствовалъ при богослуженіи и обѣдѣ. Во время обѣда, на которомъ присутствовали: принцесса Луиза, министръ Подбѣльскій и другія близкія къ германскому двору лица, Вильгельмъ, поднявъ бокалъ, пилъ за здоровье Мясоѣдова.

III.

Съ дѣятельностью и бытомъ Сухомлинова довольно тѣсно связанъ былъ и нѣкто Альтшиллеръ, австрійскій подданный. Онъ запросто бывалъ у Сухомлинова въ Кіевѣ, къ великому недоумѣнію кіевлянъ, ломавшихъ головы надъ тѣмъ, какъ могъ генералъ-губернаторъ принимать у себя темнаго финансоваго дѣльца, о которомъ имѣлись агентурныя свѣдѣнія, что онъ занимался шпіонажемъ въ пользу Австріи. Сухомлиновъ самъ, какъ генералъ-губернаторъ, получилъ свѣдѣнія изъ департамента полиціи о томъ, что «Альтшиллеръ участвуетъ въ военномъ шпіонажѣ, но трудность доказательства его виновности состоитъ въ томъ, что онъ докладываетъ лично въ Вѣнѣ».

И вотъ, только лишь Сухомлиновъ былъ переведенъ въ Петроградъ, сначала на постъ начальника генеральнаго штаба, а затѣмъ въ военное министерство, какъ немедленно за нимъ въ Петроградъ переселяется и Альтшиллеръ.

Чему обязанъ Сухомлиновъ, посредственный генералъ, такой быстрой карьерѣ, точно неизвѣстно, но безъ особеннаго труда можно предположить версію берлинскаго вліянія въ отвѣтственномъ назначеніи такого удобнаго германскому штабу человѣка, близъ

котораго безпрепятственно ютились темные людишки, шпіоны и сыщики.

..Перебравшись въ Петроградъ, Альтшиллеръ ведетъ хлопоты по разводу нынѣшней жены Сухомлинова съ первымъ мужемъ, Бутовичемъ и добивается установленія измѣны Бутовича. На свадьбѣ Сухомлинова съ его нынѣшней супругой Альтшиллеръ присутствовалъ какъ шаферъ.

Передавали, что основной близости Сухомлинова къ такому темному дѣльцу, какъ Альтшиллеръ было то, что послѣдній владѣлъ какими то порочащими имя Сухомлинова свѣдѣніями и послѣдній боялся, какъ бы Альтшиллеръ его не выдалъ. Во всякомъ случаѣ, въ домѣ бывшаго военнаго министра Альтшиллеръ бывалъ чуть не ежедневно и Сухомлиновъ съ супругой оказывали ему исключительное вниманіе. Этимъ отношеніямъ не чужда была и матеріальная подкладка: Альтшиллеръ подарилъ, вѣроятно не безъ тайныхъ утилитарныхъ соображеній, женѣ Сухомлинова коллекцію своихъ мѣховъ на сто тысячъ рублей.

Устроившись въ Петроградѣ, Альтшиллеръ устроилъ на улицѣ Гоголя контору. Въ этой конторѣ, по свѣдѣніямъ многихъ лицъ, занимались пріемомъ заказовъ на зачисленія и переводы по военному вѣдомству. Въ конторѣ никакихъ книгъ не велось. Въ числѣ служащихъ значился только одинъ студентъ, получавшій восемнадцать рублей жалованья. Переговоры въ конторѣ съ различными лицами и переписка велась на условномъ языкѣ.

Въ концѣ марта 1914 года Альтшиллеръ неожиданно уѣхалъ навсегда изъ Петрограда въ Вѣну, гдѣ купилъ себѣ имѣніе. Послѣ отъѣзда Альтшиллера опредѣленно стали говорить о немъ, что онъ шпіонъ. Слухи эти нашли себѣ полное подтвержденіе послѣ ареста и казни Мясоѣдова, у котораго была найдена переписка, изобличавшая его преступную связь съ Альтшиллеромъ.

Но довольно подозрительная связь установлена также и между Альтшиллеромъ и Сухомлиновымъ; военный министръ посвящалъ австрійскаго шпіона въ дѣла не только личнаго свойства, но и во всѣ вопросы государственной обороны. Такъ въ 1914 году, когда былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги отъ станціи «Жлобинъ» до румынской границы и была собрана спеціальная комиссія, то подъ давленіемъ Сухомлинова направленіе дороги было неожиданно измѣнено и такимъ образомъ, что дорога должна была проходить почти на всемъ ея протяженіи по землямъ члена австрійскаго рейхстага Потоцкаго. Когда же протестовавшій противъ этой мѣры гласный волынскаго губернскаго земства пріѣхалъ для переговоровъ съ сухо. встрѣтившимъ его Сухомлиновымъ и зашелъ къ Альтшиллеру узнать отъ него истинное мнѣніе министра объ этомъ дѣлѣ, то убѣдился, что Альтшиллеръ былъ

освѣдомленъ о пріемѣ Добрынина у Сухомлинова во всѣхъ подробностяхъ.

О томъ, какъ интересовался Альтшиллеръ русскими военными дѣлами есть показанія и А. И. Гучкова. Онъ разсказываетъ, какъ въ отсутствіи Сухомлинова однажды Альтшиллеръ сталъ просматривать оставленныя имъ на нѣсколько минутъ секретныя бумаги военнаго вѣдомства и какъ одинъ изъ находившихся тамъ военныхъ, положилъ руку на бумаги и сказалъ:—«Извините, это бумаги военнаго министра», послѣ чего Альтшиллеръ спокойно оставилъ бумаги и сталъ ходить по комнатѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. А въ періодъ 1911—1912 года стали получаться опредѣленныя указанія на особую освѣдомленность австрійскаго генеральнаго штаба о нашихъ военныхъ дѣлахъ.

Изъ источника, не подлежащаго никакому сомнѣнію, Гучкову въ концѣ 1911 года удалось узнать, что австрійскому шпіонажу удалось достигнуть въ Петроградѣ близкихъ отношеній къ Сухомлинову и что не было тѣхъ военныхъ тайнъ, (вплоть до разговора Сухомлинова съ царемъ), какія не были бы извѣстны австрійскимъ агентамъ.

До министерства внутреннихъ дѣлъ дошли свѣдѣнія о шпіонствѣ Альтшиллера и сенаторъ Макаровъ, узнавъ, что Альтшиллеръ хорошо принятъ у военнаго министра, обратилъ вниманіе послѣдняго на слухи, на что получилъ извѣстный уже намъ отвѣтъ о ручательствѣ военнаго министра за австрійскаго шпіона. И тогда, когда Альтшиллеръ поселился подъ Вѣной, онъ продолжалъ оживленную переписку съ Сухомлиновыми и за нѣсколько дней до объявленія войны, послѣдній принялъ приглашеніе побывать и погостить въ имѣніи у Альтшиллера.

Что касается другихъ подозрительныхъ лицъ, имѣвшихъ касательство къ Сухомлинову, то среди таковыхъ называютъ и двоюроднаго брата Сухомлиновой-Гошкевича, который, будучи маленькимъ чиновникомъ министерства торговли, получающимъ жалованія 64 рубля въ мѣсяцъ, ухитрялся проживать по сто тысячъ въ годъ. Гошкевичъ былъ правой рукой Альтшиллера онъ завѣдывалъ «конторой» южно-русскаго завода Альтшиллера и всѣ нити шпіонажа сосредоточивались въ его рукахъ .Черезъ Гошкевича дѣйствовали, Мясоѣдовъ и Альтшиллеръ, самъ же Гошкевичъ работалъ подъ покровительствомъ мужа своей сестры, военнаго министра Сухомлинова.

Въ іюлѣ 1915 года у Гошкевича былъ произведенъ обыскъ, при чемъ было найдено нѣсколько любопытныхъ шифрованныхъ телеграммъ. Альтшиллеръ напримѣръ, телеграфируетъ Гошкевичу:—«Если получены фотографіи изъ Вѣны, вышлите служителемъ. Доставилъ картины. Телеграфируйте». Другая телеграмма: —

«Фотографіи высланы нарочнымъ. Картины доставилъ». Вмѣстѣ съ телеграммами было отобрано письмо Альтшиллера, помѣченное Карслабадомъ, въ которомъ прямо говорится:—«Вы совершенно умалчиваете о томъ, какое впечатлѣніе произвело на васъ посѣщеніе военнаго судна. Спросите Григоровича. Тысячный разсказалъ мнѣ все подробно и о томъ, какъ трудно было ему уйти передъ отъѣздомъ.» При расшифровкѣ письма оказалось, что Тысячный, означаетъ Сухомлинова, условная кличка. Подъ «Григоровичемъ» разумѣется капитанъ Ивановъ, командировавшійся для присутствованія въ секретныхъ испытаніяхъ стрѣльбой важныхъ установокъ и оказавшійся также шпіономъ. При обыскѣ у него были карты и планы приграничныхъ мѣстностей Россіи, документы, относящіеся къ вооруженію крѣпостей и пр. Многіе изъ этихъ документовъ относятся къ разряду самыхъ секретныхъ.

Временный командовавшій революціонными войсками въ Петроградѣ генералъ Маниковскій характеризовалъ Иванова, какъ наглаго карьериста и продажнаго человѣка, способнаго на всякія сдѣлки. У него-же при обыскѣ были найдены письма Альтшиллера, въ которыхъ выражалась ему «сердечная благодарность за прекрасныя фотографіи».

Въ письмахъ приняты были условныя разстановки знаковъ препинаній, а также обозначенія:—папаша, мамаша и «господинъ съ Мойки». Подъ папашей разумѣлся Альтшиллеръ, подъ мамашей его жена, а подъ господиномъ съ Мойки Сухомлиновъ. Что же касается шпіона Иванова, то онъ имѣлъ негласные доклады у бывшаго военнаго министра и пользовался особымъ его покровительствомъ.

Новымъ членомъ этого блестящаго «букета» предателей оказался и нѣкто Веллеръ, также осужденный въ 1915 году. При обыскѣ у Веллера было найдено сорокъ экземпляровъ различнаго рода копій, секретныхъ документовъ военнаго вѣдомства и министерства торговли. Веллеръ, какъ выяснилось, жилъ въ одномъ домѣ съ бывшимъ совѣтникомъ германскаго посольства фонъ Люціусомъ и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ корреспондентомъ берлинской газеты. Полли-Полагикомъ, который былъ извѣстенъ, какъ секретный агентъ германскаго и австрійскаго правительствъ по военному и дипломатическому шпіонажу. Между прочимъ весной 1914 года, когда циркулировали слухи о нѣмецкомъ шпіонажѣ въ Россіи и называли между другими именами имя Полли-Полагика, этотъ послѣдній имѣлъ наглость обратиться съ требованіемъ къ Сухомлинову реабилитировать его имя. Сухомлиновъ вызвалъ его, любезно съ нимъ разговаривалъ и увѣрилъ, что онъ самъ разслѣдовалъ дѣло и ничего компрометирующаго имя Полли не узналъ.

Между тѣмъ, въ числѣ бумагъ, найденныхъ у Полли и о которыхъ Сухомлиновъ не могъ не быть освѣдомленнымъ, находилось посланіе на имя принца Фюрстенберга, посланника Австро-Венгріи въ Бухарестѣ:—Свѣтлѣйшій принцъ, высокоуважаемый покровитель, осмѣливаюсь сегодня снова обратиться съ просьбой къ вашей свѣтлости. Вакансія петроградскаго представителя «Корреспондентскаго Бюро» освободившаяся вслѣдствіе катастрофы съ несчастнымъ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ (осужденнымъ за шпіонажъ), до сихъ поръ не занята. Настолько же мало я хотѣлъ бы воспользоваться несчастьемъ другого, насколько является невозможнымъ возстановленіе Унгернъ-Штенберга въ прежней должности, даже если ему удастся въ недалекомъ будущемъ получить помилованіе. Какъ вы, ваша свѣтлость, знаете,—я являюсь старшимъ въ моей здѣшней дѣятельности. Могу похвастаться довѣріемъ бѣднаго графа Эренталя. У меня есть то преимущество, что я извѣстенъ вашей свѣтлости и имѣлъ честь вѣрно служить нынѣшнему министру иностранныхъ дѣлъ, Берхтольду въ бытность его здѣшнимъ посломъ; онъ часто во мнѣ нуждался. Слава Богу, я не русскій подданный нѣмецко-венгерскаго происхожденія, а о моихъ способностяхъ для исполненія обязанностей, связанныхъ съ означенной должностью, вы имѣете свое компетентное мнѣніе. Осмѣливаюсь указать на мое хорошее знакомство съ условіями страны и языкомъ, а также на долголѣтнія самыя лучшія и многочисленныя связи... Я убѣжденъ, что могу оказать австро-венгерскому правительству истинно полезныя услуги».

Этотъ реабилитированный Сухомлиновымъ нѣмецкій журналистъ просился на службу по шпіонажу къ австро-венгерскому правительству.

Уже уволенный отъ должности Сухомлиновъ, продолжалъ свои отношенія къ шпіонамъ. Выбравшись, по сдачѣ обязанностей военнаго министра, изъ казеннаго дома, Сухомлиновъ поселился на Торговой улицѣ въ квартирѣ германскаго подданнаго лейтенанта Рюммеля, который состоялъ директоромъ распорядителемъ общества 1886 года и по объявленіи войны съ Германіей скрылся изъ Петрограда подъ видомъ лакея германскаго посла. Рюммель состоялъ тайнымъ агентомъ германскаго правительства. Слѣдуетъ только удивляться неосторожности бывшаго военнаго министра, не пожелавшаго даже замаскировать свое непреодолимое тяготѣніе къ шпіонамъ и предателямъ.

Этотъ «господинъ съ Мойки» и «Тысячный», какъ именовали его шпіоны на своемъ воровскомъ жаргонѣ, былъ «отцомъ роднымъ» каждаго изъ этихъ шпіоновъ. Въ случаѣ какого либо несчастія съ кѣмъ либо изъ нихъ, Сухомлиновъ неизмѣнно являлся представителемъ и ходатаемъ. Когда въ августѣ 1914 года Альт-

МАРТОВСКІЕ ДНИ ОКОЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

шиллеръ и Коннеръ были арестованы, Сухомлиновъ хлопоталъ объ ихъ освобожденiи и ручался за обоихъ. «Семью эту я отлично знаю и могу за нихъ поручиться»,—писалъ онъ о нихъ кiевскому губернатору Трепову. И вслѣдъ за этимъ ходатайствомъ оба арестованныхъ были освобождены. Впослѣдствiи они были снова арестованы.

Замѣчательно, что почти о всѣхъ, заподозрѣнныхъ именно въ шпiонажѣ въ пользу Германiи, Сухомлиновъ усердно и старательно ходатайствовалъ, какъ напримѣръ еще по поводу ссылки заподозрѣннаго въ томъ же нѣмца Шифлера, или венгерскаго подданнаго Кюрца, освобожденнаго изъ подъ стражи по просьбѣ Сухомлинова.

Однимъ изъ послѣднихъ подозрительныхъ «мѣропрiятiй» Сухомлинова было порученiе нѣкому Думбадзе составить въ 1914 году, для Николая подробный списокъ предпрiятiй военнаго вѣдомства, осуществленныхъ съ 1909 по 1914 годъ. Въ этотъ документъ вошли весьма секретныя свѣдѣнiя, вошедшiя также въ выпущенную въ свѣтъ тѣмъ же Думбадзе бiографiю генерала Сухомлинова, съ которой Думбадзе дважды ѣздилъ за границу. Вернувшись, онъ предложилъ черезъ Сухомлинова «втереть очки» германскому послу фонъ Люцiусу и предложить себя ему въ качествѣ врага Россiи, дабы вывѣдать отъ него тайны германскаго штаба. По этому поводу была составлена особая записка, которая Сухомлиновымъ была доложена царю. Думбадзе выѣхалъ за границу и вернулся оттуда со значительными средствами. Впослѣдствiи онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за шпiонажъ и осужденъ.

Такимъ образомъ, почти ни одинъ изъ самыхъ видныхъ шпiоновъ послѣдняго времени, работавшихъ въ пользу Германiи и Австрiи, не былъ обойденъ вниманiемъ и дружбой Сухомлинова, бывшаго военнаго министра Россiи.

И онъ же послѣ отчисленiя отъ должности и назначенiи верховной слѣдственной комиссiи для разслѣдованiя его дѣятельности получилъ отъ Николая слѣдующее письмо:

— «Дорогой Владимiръ Александровичъ, я признаю за благо назначить верховнаго слѣдственную комиссiю надъ дѣятельностью вашей, военнаго министра. Пусть генералъ Н. П. Петровъ, назначенный мною предсѣдателемъ этой комиссiи, а также народные избранники, входящiе въ составъ комиссiи, скажутъ вашимъ зоиламъ въ Государственной Думѣ, что вы служили вѣрно царю и отечеству. Пусть теперь въ этомъ убѣдятся всѣ тѣ, которые считаютъ васъ виновникомъ ниспосланныхъ намъ Господомъ Богомъ, боевыхъ неудачъ. Наша продолжительная совмѣстная работа убѣдила меня въ вашей преданности мнѣ и нашей родинѣ. Искренно васъ уважающiй Николай».

Такъ, словно нарочно, смыкая кругъ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ съ полнымъ основаніемъ, по даннымъ фактическаго неопровержимаго свойства заподозрѣли и обвинили въ шпіонажѣ и предательствѣ, самъ бывшій царь Николай выражаетъ свои дружескія чувства и «уваженіе» къ тому, кто покровительствовалъ шпіонамъ и подъ чьей ферулой только и могли эти господа безопасно и столь для нихъ успѣшно работать и наживаться на предательствѣ во тьмѣ и безпутьи нашей политической ночи.

IV.

Министръ А. Д. Протопоповъ.

Не малую роль въ политикѣ расшатыванія стараго режима и приведенія его въ полную негодность и хаотическое состояніе, сыгралъ и бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего избранія въ товарищи предсѣдателя Государственной Думы показавшій совершенно неожиданно иной и, можно сказать, неописуемый ликъ продажнаго карьериста, готоваго ради почестей и сана на всѣ униженія и моральныя паденія.

Въ жизни Протопопова, какъ и вообще въ хаосѣ дворцовой жизни послѣднихъ лѣтъ роковую и опредѣляющую роль сыгралъ все тотъ же Гришка Распутинъ. Онъ показалъ совершенно «новый» путь бюрократической карьеры, скорый, удобный и для многихъ весьма заманчивый. Надо было только обладать своеобразной психологической конструкціей, нѣкоторой гибкостью и покладливостью, чтобы сойтись съ «мужикомъ» и подыгривать подъ его шарлатанскую дудочку. Протопоповъ быстро смекнулъ, чѣмъ пахнетъ покровительство Распутина и союзъ съ нимъ быстрыми рѣшительными шагами двинулся по этому новому пути.

Вначалѣ для всѣхъ это было тайной и Протопоповъ оставался товарищемъ Родзянко, виднымъ членомъ Думскаго президіума, хотя и никогда не проявлявшимъ ни политическаго, ни ораторскаго таланта, ни государственнаго такта, ни даже темперамента и интереса къ живой идеѣ. Трудно сказать, почему, собственно, онъ выдвинулся все же и занялъ постъ товарища предсѣдателя Государственной Думы. Въ этомъ можно усмотрѣть нѣкоторую ошибку Родзянко, который вскорѣ такимъ презрѣніемъ и негодованіемъ встрѣтилъ политическую карьеру своего недавняго товарища.

Муть и хаосъ дворцовой жизни, министерская чехарда, смѣна вліяній и постовъ, быстрая и неожиданная возможность «высокаго» пути—все это понемножку кружило честолюбивую и не далекую голову Протопопова. Знакомство съ Распутинымъ и ока-

завшаяся у нихъ общая черта «грубой хитрецы», благодаря которой они поняли другъ друга, рѣшила дальнѣйшее направленіе дѣятельности будущаго министра.

Что Протопоповъ задолго до поѣздки съ депутатами въ Англію велъ сношенія съ Распутинымъ и былъ извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ уже настроенъ,—свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что въ Швеціи съ нимъ произошелъ общеизвѣстный инцидентъ, благодаря которому всплылъ наружу оттѣнокъ весьма подозрительнаго германофильства въ Протопоповѣ. Мотивчикъ сепаратнаго мира съ Германіей прозвучалъ въ обнаруженной бесѣдѣ Протопопова съ германскимъ государственнымъ дѣятелемъ.

Отсюда становится яснымъ, что задолго до поѣздки уже происходили «сепаратныя» бесѣды старца съ будущимъ министромъ, что вокругъ нихъ уже смыкался кругъ германофильствующей дворцовой партіи, что нити опредѣленной паутины уже плелись.

Теперь выплыли наружу тѣ довольно грязнаго характера факты, похожіе, какъ и все, что создаетъ въ совокупности исторію паденія романовской династіи, на какую то фантастическую «рокамбольную» исторію, благодаря которымъ Протопоповъ сыгралъ свою фатальную роль.

Въ исторіи знакомства Протопопова съ Распутинымъ замѣшаны—докторъ Бадмаевъ, о которомъ мы уже упоминали, а также одинъ изъ приспѣшниковъ Распутина—Николай Ивановичъ Рѣшетниковъ. Этотъ Рѣшетниковъ завѣдывалъ хозяйственной частью лазарета Вырубовой въ Царскомъ Селѣ. Когда то онъ былъ московскимъ купцомъ, потомъ попечителемъ въ одномъ изъ учрежденій имени Маріи Феодоровны, гдѣ была обнаружена недостача нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. Рѣшетникову грозилъ арестанскій халатъ. Но знакомство съ Распутинымъ выручило и вмѣсто халата арестанта Рѣшетниковъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и переѣхалъ въ Петроградъ завѣдовать царскосельскимъ лазаретомъ Вырубовой. Знакомъ Рѣшетниковъ съ Распутинымъ уже давно; еще когда Рѣшетниковъ былъ купцомъ въ Москвѣ, Распутинъ всегда останавливался у него. Не маловажнымъ для всей исторіи обстоятельствомъ явилось также то, что Рѣшетниковъ былъ женатъ на родной сестрѣ пріятеля и ставленника Распутина—тобольскаго епископа Варнавы.

Когда состоялось знакомство Распутина и Протопопова, послѣдній поспѣшилъ ярко обнаружить свой талантъ лукавого говоруна, умѣющаго приспособиться къ собесѣднику. Какъ ни трудно было войти «въ контактъ» съ Гришкой Распутинымъ, невѣждой, грубымъ и циничнымъ, но Протопоповъ съумѣлъ это сдѣлать и не постѣснялся даже до такой степени, что старался на каждомъ ша-

гу подчеркнуть совпаденіе его взглядовъ со взглядами «старца», чѣмъ привелъ Распутина въ умиленіе.

Когда Протопоповъ, послѣ бесѣды съ Распутинымъ у Бадмаева, уѣхалъ, старецъ сказалъ:

— «Вотъ башка»....

Бадмаевъ подтвердилъ:—«Да, онъ дѣльный»...

Распутинъ нашелъ, что онъ, Протопоповъ, всѣмъ министрамъ дастъ много очковъ впередъ. И Распутинъ зарубилъ себѣ на носу полезность Протопопова и его готовность служить интересамъ тѣсной «распутинско-гессенской партіи» во дворцѣ. Старецъ начинаетъ пропагандировать Протопопова. Вначалѣ это не выходитъ за стѣны дворца, и товарищи Протопопова и не представляютъ куда забѣжалъ этотъ карьеристъ и чьи грязныя руки онъ полизалъ, дабы удостоиться этой карьеры и сана. А между тѣмъ успѣхи Протопопова благодаря всесильному пропагандированію Распутина успѣшно подвигаются впередъ. Въ теченіе многихъ дней Распутинъ упоминаетъ имя Протопопова у себя, у Вырубовой. Вслѣдъ затѣмъ старецъ посылаетъ приглашеніе Протопопову зайти къ нему въ гости. Протопоповъ сталъ бывать у него, у Вырубовой, которой также понравился, ибо почуялъ, какого тона здѣсь надо держаться и быстро приспособился къ спецефической атмосферѣ.

У Вырубовой Протопоповъ познакомился съ Александрой Федоровной, Головиной и другими членами дворцовой партіи Александры. Вначалѣ бывшему царю Протопоповъ не понравился. Здѣсь онъ не смогъ, подобно Маклакову и Сухомлинову, поддѣлаться подъ вкусы Николая, быть можетъ вслѣдствіе того, что поставилъ и намѣтилъ себѣ главную цѣль:—воздѣйствовать на бывшую царицу и ея приспѣшника и любимца—Распутина. И этимъ путемъ онъ достигъ того, что хотѣлъ. По настойчивому желанію Распутина онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такъ захотѣла Александра Федоровна, потому что этого захотѣлъ Распутинъ, и вслѣдствіе этого захотѣлъ того же въ концѣ концовъ и Николай, которому не оставалось ничего иного.

Сомнѣнія Николая разсѣялись, когда онъ увидѣлъ полную и величайшую готовность Протопопова дѣйствовать въ предѣлахъ и по указаніямъ партіи. Протопоповъ не только являлся исполнителемъ, но и самъ забѣгалъ въ этомъ смыслѣ впередъ, тѣмъ болѣе, что рѣшительныя демонстраціи презрѣнія и оскорбленія, которыя продѣлывались бывшими товарищами Протопопова—членами Государственной Думы во главѣ съ Родзянко озлобляли его до послѣдней степени. Вначалѣ не нашедшійся и поставившій себя передъ лицомъ всей Россіи и Западной Европы въ смѣшное и позорное положеніе, Протопоповъ потомъ озлобился и обнаглѣлъ и въ сознаніи обличающихъ его полномочій и власти сталъ придумы-

вать всевозможныя репрессивныя мѣры по отношенію къ общественнымъ организаціямъ, печати, людямъ радикальнаго направленія и пр. Другими словами, Протопоповъ сталъ проводить «политику твердой власти».

О Распутинѣ Протопоповъ говорилъ:—«Григорій Ефимовичъ—умный толковый мужикъ, дай Богъ поболѣе такихъ»... Вскорѣ Протопоповъ во дворцѣ и среди членовъ партіи бывшей царицы сталъ окончательно своимъ. Ему уже не оставалось иного выхода; завязнувъ среди распутинцевъ и германофильствующихъ, въ кучкѣ продающихъ съ публичнаго торга родину, отвергнутый и освистанный, преданный позору прежними товарищами,—Протопоповъ сдѣлался усерднымъ слугой старой власти. И въ то время, какъ его предшественники на посту не удерживались болѣе трехъ-пяти недѣль и смѣняли одинъ другого въ быстрой «министерской чехардѣ», Протопоповъ съумѣлъ сдѣлаться своимъ и какъ бы уже безсмѣннымъ. Вотъ почему даже въ тревожные дни послѣ Распутинской смерти усерднѣе прежняго демонстрировавшій свое благоговѣніе передъ старцемъ, Протопоповъ съумѣлъ внушить довѣріе къ себѣ дворца и остаться на своемъ посту.

И хотя покровитель Протопопова уже умеръ, но придворная партія выжить его уже не могла, хотя въ лицѣ многихъ своихъ представителей и относилась къ Протопопову недовѣрчиво и открывала ему не всѣ свои двери. Въ свои пріѣзды въ Царское Село съ докладами, Протопоповъ долженъ былъ довольствоваться пріемами у Вырубовой въ ея особнячкѣ на Леонтьевской улицѣ или въ Серафимовскомъ убѣжищѣ. Но Протопоповъ нисколько этимъ не смущался и, не обращая вниманія на полупрезрительное отношеніе къ себѣ царедворцевъ, гнулъ свою линію. Распутинъ, знавшій объ этомъ нерасположеніи къ своему протеже, совѣтовалъ ему этимъ не огорчатся:—«Плюй на нихъ»,—говорилъ онъ.

Когда начались дни возстанія народнаго, былъ моментъ, когда Протопоповъ былъ очень недалекъ отъ отставки. Николай рѣшилъ призвать къ власти Трепова. Треповъ явился въ царскую ставку и изложилъ «свою программу». Въ ставкѣ находились—генералъ Алексѣевъ, герцогъ Лейхтенбергскій, генералъ Нарышкинъ, графъ Фридериксъ, генералъ Воейковъ и еще нѣсколько изъ лицъ свиты. Со всѣми положеніями Трепова Николай согласился. Треповъ въ заключеніе сказалъ, что онъ не считаетъ возможнымъ все же стать у власти, пока на посту министра внутреннихъ дѣлъ остается Протопоповъ. Треповъ потребовалъ удаленія Протопопова и Николай, подумавъ, согласился. Но... не согласилась Александра Федоровна. Узнавъ о грозящей отставкѣ, Протопоповъ поспѣшилъ къ другу Распутина—Рѣшетникову, у котораго засталъ поклонницу Распутина—Воскобойникову, сообщившую тотчасъ же обо всемъ

Вырубовой. Были нажаты всѣ педали и Протопоповъ остался на своемъ посту.

Сообщають, между прочимъ, что Протопоповъ былъ единственный министръ, котораго «старецъ провелъ въ министры» безъ обычной крупной мзды. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что назначеніе Протопопова было общимъ дѣломъ, соединявшимъ общія тайныя политическія цѣли.

По мнѣнію Бадмаева,—Протопоповъ былъ «слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Распутина, лелѣявшаго какой то планъ». Если это и вѣрно, то лишь въ томъ смыслѣ, что планъ то былъ не только распутинскій. Во дворцѣ, по мнѣнію много слышавшаго и много почуявшаго Бадмаева, что то замышлялось по отношенію къ отрекшемуся царю. При этомъ вспоминали разсказы одного изъ бывшихъ министровъ о томъ, что будто Протопоповъ увѣрялъ Александру Федоровну въ возможности для нея, при крайней непопулярности Николая, сыграть въ Россіи роль Екатерины II. Протопоповъ же, будто, долженъ былъ расчистить для этого путь, довести до обостренія конфликтъ съ Думой и общественными элементами и затѣмъ, при помощи сильнаго давленія изъ Берлина, произвести государственный переворотъ.

Въ дни революціи Протопоповъ проявилъ себя вполнѣ соотвѣтствующимъ образомъ. 24 февраля, когда революція только началась, Протопоповъ срочно вызвалъ къ себѣ бывшаго Петроградскаго градоначальника Балка. Балкъ явился къ нему во время обѣда. Протопоповъ, по разсказамъ, расцѣловался съ Балкомъ и спросилъ,—все ли у него готово.

Бывшій градоначальникъ отвѣтилъ, что готово все. Протопоповъ черезъ Балка пообѣщалъ городовымъ сверхъ жалованія семьдесятъ рублей суточныхъ, а въ случаѣ ихъ смерти семьямъ по три тысячи рублей. Вечеромъ Протопоповъ отправился къ бывшему премьеру кн. Голицыну. Тотъ сообщилъ ему, что на сегодня собрано экстренное собраніе представителей различныхъ вѣдомствъ по продовольственному вопросу. Въ спискѣ приглашенныхъ лицъ не было имени Протопопова. Послѣдній воскликнулъ:—«Какъ вы можете разсматривать продовольственный вопросъ безъ меня?...» На это былъ отвѣтъ, что совѣщаніе созвано по инициативѣ представителя Государственной Думы Родзянко, который и намѣчалъ участниковъ засѣданія. Протопоповъ, оскорбленный, заявилъ:—«Я этого не допущу».—Вашего Родзянко я посажу въ тюрьму, завтра же распустимъ Думу»...

Поздно ночью возвратился Протопоповъ въ свою квартиру и вызвалъ къ себѣ ставленника кн. Андронникова и своего друга и совѣтчика жандармскаго полковника Балашова. Протопоповъ далъ ему порученіе въ теченіе ночи объѣхать городъ и къ утру предста-

вить докладъ о ходѣ событій. Балашовъ переодѣлся въ солдатское платье, взялъ винтовку и отправился въ автомобилѣ осматривать городъ. Стоявшему на посту у дома Протопопова городовому Балашовъ приказалъ отправиться на чердакъ и тамъ приготовить засаду.

Докладъ Балашова на слѣдующій день утромъ Протопопову сводился къ рѣшенію:—«Надо бѣжать»... Рѣшено было, что въ случаѣ необходимости Протопоповъ скроется въ домѣ тибетскаго врача Бадмаева на Поклонной горѣ. Событія такъ взволновали Протопопова, что онъ упалъ въ обморокъ, по телефону была вызвана женщина-врачъ Дембо, оказавшая помощь. На слѣдующій день, повидимому рѣшивъ, что больше ничего не остается, Протопоповъ отправился въ домъ Бадмаева. А въ тотъ же день вооруженные солдаты явились въ домъ Протопопова, жена его успѣла скрыться по черной лѣстницѣ. Въ пріемной толпа принялась розыскивать Протопопова, по пути кто то проткнулъ штыкомъ портретъ Штюрмера. Вечеромъ 28 февраля къ брату министра С. Д. Протопопову явилась неизвѣстная женщина и отъ имени бывшаго министра просила совѣта для него: что предпринять. Въ категорическихъ выраженіяхъ С. Д. Протопоповъ отвѣтилъ, что единственнымъ выходомъ является пойти въ Государственную Думу и отдаться во власть временнаго правительства».

Уже по ликвидаціи стараго строя, стало извѣстно, что Протопоповъ предпринялъ не мало мѣръ для энергичной защиты стараго режима. По всей Россіи онъ разослалъ циркуляръ о доставленіи незамедлительно свѣдѣній, съ точнымъ количествомъ находящихся въ городахъ войскъ, о настроеніи въ этихъ войскахъ, о «надежныхъ людяхъ», съ приложеніемъ подробныхъ плановъ городовъ и расположеніемъ въ нихъ войскъ па случай безпорядковъ. Было, повидимому, намѣреніе основательно залить русскую революцію кровью.

Разсказываютъ, что за нѣсколько недѣль до переворота, когда сгустившаяся политическая атмосфера показала, что ждать болѣе нельзя и необходимо принимать мѣры, въ Царскомъ Селѣ, подъ предсѣдательствомъ Николая собралось совѣщаніе, въ которомъ участвовали кн. Голицынъ, Воейковъ, Ниловъ, Протопоповъ и приглашенный Штюрмеръ. Шла рѣчь о необходимостяхъ нѣкоторыхъ уступокъ Думѣ. Соглашались въ большинствѣ на осуществленіи для успокоенія народа минимума свободъ:—манифеста 17 октября. Предполагалось назначеніе въ составъ кабинета видныхъ общественныхъ дѣятелей. Противъ этого энергично возсталъ Протопоповъ.

— «Петроградъ мутятъ какихъ нибудь 200—300 человѣкъ,— сказалъ онъ,—и испрашивалъ кредита въ 400 тысячъ рублей для

подавленія революціи въ корнѣ. Мнѣніе Протопопова одержало вверхъ. Были сдѣланы попытки борьбы.

Подобно тому, какъ смерть Распутина была воспѣта въ Акафистѣ, ему посвященномъ, такъ и сверженіе стараго строя, въ которомъ позорно палъ его послѣдній гнилой оплотъ—Протопоповъ ставленникъ Распутина, также былъ удостоенъ соотвѣтствующаго акафиста, который здѣсь и приводимъ:

«Акафистъ Александру Протопопову, — иже во прохвостѣхъ славному симбирскому сукноторговцу»:

Радуйся, о лицедѣйное въ Думѣ предсѣданіе,
Радуйся Іудино Думы преданіе,
Радуйся о распущеніи Думы стараніе,
Радуйся силъ темныхъ собираніе,
О, симбирскій сукнотворче, радуйся.
Радуйся во странѣхъ иноземныхъ блужданіе,
Радуйся о мирѣ воровское совѣщаніе,
Радуйся всяческія лжи зерцало,
Всѣхъ прохвостовъ глава и начало, радуйся...
Радуйся Гришкиной милости исканіе,
Радуйся у него же въ передней стояніе,
Радуйся, грязной десницы лобызаніе,
Радуйся до высокаго сана доползаніе,
Радуйся, о родины преданіе,
Новый Іуда, Христопродавче, радуйся.
Радуйся племени ярыжнаго пріумноженіе,
Радуйся царицѣ непрестанное кажденіе,
Радуйся Штюрмерово угожденіе,
Радуйся всякія правды попраніе,
Радуйся Манасевича оправданіе,
Велій воровъ печальниче и защита, радуйся...
Радуйся о Гришкиной смерти рыданіе,
Радуйся о ней же лицедѣйное обмираніе,
Радуйся убіеннаго ложное видѣніе,
Радуйся Курлово возлюбленіе,
Новый Іуда, Христопродавче, радуйся...
Радуйся противо обороны радѣніе,
Радуйся пораженія ради боренія,
Радуйся всея Руси ко гладу приведеніе,
Радуйся Гришкиной падали хранителю,
Радуйся о, велій измѣны зиждителю,
Новый Іуда, Христопродавче, радуйся...

V.

Общая картина той круговой поруки отъ маленькаго предателя, продающаго германскому штабу секретныя данныя нашего военнаго дѣла, до верховныхъ его покровителей, даетъ необычайную картину сплошной измѣны, царившей, какъ какая то система, въ государственномъ правленіи стараго режима. Мы видимъ, что въ военномъ министерствѣ сидѣло цѣлое «гнѣздо» этихъ маленькихъ и большихъ измѣнниковъ, продававшихъ Россію въ розницу и оптомъ; мы видимъ, что шпіонамъ покровительствовали и что они обдѣлывали свои дѣлишки не только въ полной безопасности, но даже могли ходить, гордо выпятивъ груди, чувствуя за собою высокую силу правительственной охраны.

Становится совершенно понятыми — спокойствіе и наглость Мясоѣдова, который въ теченіе десятковъ лѣтъ спокойно занимался дѣломъ предательства въ самомъ сердцѣ военнаго дѣла Россіи, сорилъ деньгами, разсказывалъ о своемъ «другѣ» Вильгельмѣ и выражалъ чувства своего восхищенія передъ германскимъ императоромъ. Этотъ портретъ Вильгельма, который виситъ въ кабинетѣ русскаго офицера, занятаго секретной развѣдкой германскихъ войскъ—великолѣпенъ. Спокойствіе Мясоѣдова исходило изъ чувства полной безопасности. Гдѣ, гдѣ, а, въ старой Россіи шпіонъ и предатель могъ быть спокоенъ и веселъ. Кажется нигдѣ ихъ не было такого обилія, какъ у насъ, нигдѣ ихъ не насаждали и не культивировали съ такимъ усердіемъ, какъ опять таки, у насъ. За Мясоѣдовымъ стояла такая сила, какъ военный министръ Сухомлиновъ, который изъ кожи лѣзъ, а защищалъ шпіона и всюду выгораживалъ его чуть ли не своей грудью. Заходятъ слухи о шпіонствѣ Мясоѣдова, Альтшиллера, Думбадзе, Виллера — а ужъ Сухомлиновъ тутъ какъ тутъ. И за всѣхъ шпіоновъ ручается и о каждомъ проситъ, словно у него особенно болѣло сердце за каждаго шпіона.

Самъ же Сухомлиновъ былъ спокоенъ и твердъ въ своей позиціи, потому что за нимъ стоялъ авторитетъ самого россійскаго императора, выражавшаго ему свое благоволеніе и довѣріе. Одно звено сцѣплялось съ другимъ звеномъ почти неразрывно, такая существовала солидарность между членами единой россійской шпіонской организаціи.

Отсюда тѣ возмутительные и страшные слухи и факты, о которыхъ могутъ повѣдать очень и очень многіе изъ русскихъ офицеровъ. Какъ часто слышишь разсказы о томъ, что военную часть посылали въ огонь, брать укрѣпленіе, порой городъ, обѣщая резервъ, опредѣленный, назначенный, на который крѣпко надѣются, безъ

котораго нельзя было и начинать дѣло. И въ результатѣ оказывается, что мѣстность, которую могли навѣрняка взять (такъ было съ Ковелемъ, такъ было съ Митавой, такъ было съ Барановичами), не брали потому, что измѣнническія дѣйствія какого либо изъ предательствующихъ начальниковъ отмѣняли приказъ резерву идти на помощь и посланныхъ раньше отдавали подъ разстрѣлъ, посылали на смерть, подъ огонь... Такихъ преступленій было очень много. И русскій солдатъ и офицеръ долженъ крѣпко помнить объ этой очевидной иллюстраціи стараго режима.

Вначалѣ, когда сгущались проявленія недовольства и возмущенія государственными безпорядками и вопіющими неправдами, козлами возмущенія были тѣ, о которыхъ вскорѣ забыли. Временные исполнители предначертаній правящей кучки, всѣ эти холопствовавшіе Маклаковы, Штюрмеры и Хвостовы не имѣли даже собственной иниціативы, у нихъ было только усердіе не по разуму. Особенную пищу гражданскому негодованію далъ Штюрмеръ. Онъ какъ бы открылъ отдушину гражданскаго возмущенія, долго сдерживаемую подъ вліяніемъ соображеній патріотическаго долга въ годину войны, когда внутреннія распри ослабляютъ фронтъ.

Но слишкомъ очевидныя данныя, доказывающія измѣну русскихъ правящихъ верховъ и между прочимъ свидѣтельства, добытыя о дѣятельности Штюрмера, ясно показали, что самая война ведется въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ тыловой разрухи и предательства, которыя не могутъ обезпечить побѣды. Поэтому во имя лозунга самой побѣды пришлось подумать о возстановленіи нормальнаго порядка вещей.

Такимъ образомъ въ роли фермента разложенія стараго самодержавнаго строя и Штюрмеру должна быть отведена почтенная роль. Его личность достаточно освѣтилась, какъ фактами, касающимися его непосредственно въ роли тайнаго посредника между измѣннической бюрократіей Россіи и Германіей, по части обезсиленія нашего военнаго снабженія и разстройства продовольственнаго дѣла, такъ и косвенно, поскольку Штюрмера подчеркивала юркая и замѣчательная по своему фигура его ближайшаго помощника и секретаря Манусевича-Мануйлова. Этотъ послѣдній какъ бы поставилъ себѣ въ обязанность быть—что называется—послѣднимъ выводомъ, крайнимъ положеніемъ изъ существующаго порядка вещей, изъ котораго, какъ естественное слѣдствіе изъ причины онъ вывелъ полную возможность красть, шантажировать, вымогать и мошенничать. Разоблаченія дѣлъ этого «Ваньки Каина» нашихъ дней было какъ бы вопіющимъ крикомъ о беззаконіяхъ стараго режима, въ условіяхъ котораго каждый бюрократъ со связями являлся подлиннымъ разбойникомъ, тащившимъ что можно изъ раззоряемаго дома. Важность и значительность фигуры такого на пер-

вый взглядъ обыкновеннаго и незначительнаго мошенника, которымъ былъ Манусевичъ-Мануйловъ, разъясняется вслѣдствіе того, что и онъ, какъ долгое время Мясоѣдовъ былъ «внѣ черты досягаемости» закона и возмездія правосудія. Онъ слишкомъ ясно давалъ понять, что—«попробуйте только тронуть», такъ я поразскажу такое, что чубы у пановъ затрещатъ.

На вершинахъ покровительства, оказываемаго Манусевичу, былъ «самъ старецъ», волей котораго сперва процессъ о Манусевичѣ былъ прекращенъ. Недаромъ Манусевичъ устраивалъ дѣла и назначеніе Штюрмера у Распутина. Присутствіе Манусевича во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ чрезвычайно показательно, такъ какъ сразу даетъ почувствовать ту невыносимую моральную атмосферу, въ которой достойными сообщниками были—шантажистъ, предатель, старецъ-шарлатанъ и распутникъ, провокаторы и хищники, продающіе свою страну.

Къ числу этихъ темныхъ силъ слѣдуетъ причислить и всю рептильную черносотенную печать, питавшуюся казенными субсидіями и обязательно славословившую кормчихъ государственнаго корабля. Насаждая за опредѣленное возмездіе «патріотизмъ» и аккуратно испрашивая изъ секретнаго фонда министерства внутреннихъ дѣлъ суммы, представители этой прессы были плоть отъ плоти этой банды хищниковъ и грабителей. Здѣсь и знаменитое «Русское Знамя» во главѣ съ погромщикомъ, безграмотнымъ насадителемъ зоологическаго патріотизма Злотниковымъ, вдохновителемъ котораго былъ не менѣе знаменитый докторъ Дубровинъ. И «Земщина» съ выходцемъ изъ «Новаго Времени» Глинкой, который понялъ, что тонъ «русской» патріотической газеты долженъ быть подъ стать громилѣ и завсегдатаю членовъ союза русскаго народа. И популярный въ послѣднее время въ станѣ черныхъ хищниковъ кн. Андронниковъ, издатель «Голоса Россіи». Вмѣстѣ съ такими яркими представителями стараго строя, какъ Марковъ 2-ой, Замысловскій, Крупенскій, всѣ эти фигуры въ послѣдніе годы двигались одна за другой, черныя и зловѣщія, на нашемъ политическомъ горизонтѣ и творили эту пляску скандала, предательства и разрушительной подлой воли. Періодъ духовнаго обѣдненія и трясины не пропалъ даромъ. Онъ далъ гниль, распадъ, разложеніе. И вотъ стали возникать порожденія этой гнили и носиться въ воздухѣ.

Характерно отмѣтить кое что изъ этой психологіи недавняго политическаго прошлаго.

Многое забыто, многое отошло теперь на задній планъ и лишь изрѣдка дастъ о себѣ знать нѣкіими слѣдствіями своей дѣятельности, своего злого творчества. Такъ одно изъ типичнѣйшихъ явленій современности, исторія съ покушеніемъ на жизнь Милюкова со

стороны одного изъ «огарковъ» черносотенства, раздутая однимъ жаднымъ къ скандаламъ изданіемъ, напомнила намъ эту поразительно показательную для стараго режима и его психологіи фигуру «чернаго доктора». Дубровинъ положительно напоминаетъ зловѣщихъ персонажей театра маріонетокъ только не въ пьесѣ Андреева, а въ аналогичной по мотиву чудесной сказкѣ Гофмана, повліявшаго на беллетриста быть можетъ и безсознательно. Нашумѣвшее въ теченіе нѣсколькихъ дней и потомъ отодвинутое смертью Распутина появленіе молодца изъ бандъ черныхъ сотенъ Сергѣя Гуцуло, вызвало на заднемъ планѣ зловѣщую тѣнь доктора Дубровина, тихо жившаго и тихо скоплявшаго гнилыя и разрушительныя силы страны. Вотъ двѣ фигуры изъ черной галлереи современности. Не угодно-ли полюбоваться такимъ вотъ театромъ маріонетокъ?..

Докторъ Дубровинъ, человѣкъ бездарный и ничтожный въ своихъ писаніяхъ, лишенный малѣйшей тѣни умственной инициативы, оказался до геніальности послѣдовательнымъ и планомѣрнымъ въ созданіи той разрушенной нынѣ вдругъ и безслѣдно, какъ пыль, храмины фантастической, грязной и зловѣщей, которая носитъ названіе «чайной союза русскаго народа». Слава Богу, этотъ «русскій народъ», который символизировала пьяная банда погромщиковъ и значекъ котораго Николай II-ой не только самъ носитъ, но и маленькому сыну своему повѣсилъ,—теперь уже раскрыла свое подлинное отношеніе къ русскому народу безъ ковычекъ, Но во всякомъ случаѣ историку придется считаться съ этой «чайной», изъ которой вываливались вооруженныя банды людей и чинили дикій судъ и расправу на манеръ современныхъ ушкуйниковъ и опричниковъ.

Старый строй долженъ былъ въ своихъ интересахъ культивировать и поддерживать громилъ, хитрованцевъ, насильниковъ, пьяницъ и негодяевъ, среди которыхъ единственно находилъ поддержку. Вѣдь когда нужно было инсценировать «народъ», восторженно провожающій или встрѣчающій монарховъ или идущій въ патріотической манифестаціи, то приходилось переодѣвать въ штатскія платья полицейскихъ, охранниковъ и увеличивать количество этого «народа» бандами разбойниковъ, арестантовъ и проходимцевъ.

Дубровинъ какъ разъ явился режиссеромъ этого «вольнаго народнаго театра», въ которомъ на подмоски русской дѣйствительности выпускалъ подлинную банду убійцъ и погромщиковъ, искавшихъ грабежа, наживы и водки. Провокаторы и погромщики—вотъ изъ какихъ элементовъ инсценировался «народъ». Докторъ Дубровинъ здѣсь былъ незамѣнимъ и сыгралъ крупную роль. Среди всего того фантастическаго и зловѣще-темнаго, что окрещено было именемъ «безотвѣтственныхъ и темныхъ вліяній»,

Дубровинъ возвелъ свои нынѣ разрушенныя постройки, быть можетъ и очень театральныя, но отъ времени до времени являющіяся ареной довольно зловѣщихъ дѣйствій. Такъ убійство Іоллоса и Герценштейна, еврейскіе и интеллигентскіе погромы—все это удалось благодаря инсценировкамъ Дубровина.

Исторія этого замѣчательнаго человѣка еще не написана, не прослѣжено, какими путями возникъ у него планъ организаціи чернаго коллектива, какъ осуществлялъ его невѣдомый врачъ, на котораго, повидимому, какъ и не такъ давно на Пуришкевича, неотразимое вліяніе оказалъ памятный въ Бессарабіи погромщикъ, вдохновитель убійствъ—Крушеванъ. И мало по малу опереточный докторъ выросъ въ одну изъ центральныхъ фигуръ современнаго бѣсовскаго дѣйства. Не нужно забывать и такихъ людей, когда хочешь обнять хотя бы приблизительно содержаніе жизни эпохи, въ которой сталкивались и враждовали столько разнорѣчивыхъ вліяній и силъ. Быть можетъ появится и у насъ Карлейль, который сольетъ бурное и мутное движеніе политической и вообще идейной современности въ одну понятную и послѣдовательную картину движенія къ неизбѣжному и къ уже совершившемуся на радость свободнымъ душамъ и умамъ Россіи — къ перевороту отъ рабства къ свободѣ, къ великой русской революціи.

Историкъ отмѣтитъ, что Дубровинъ, во всякомъ случаѣ умѣлъ объединить однимъ духомъ своеобразной животной грубости и какой то зоологической слѣпоты все созданное имъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта зоологическая слѣпота черныхъ бандъ, съ ихъ «чайными», съ ихъ явными и тайными убійцами, погромщиками, такъ напоминаетъ слѣпое и дикое устремленіе разъяренныхъ и неспособныхъ къ мысли и сознанію животныхъ. Чувствовалась въ этомъ смыслѣ спасительная для «союза» однородность настроенія. Да, наши Деместры и Бональды едва-едва водили перомъ по бумагѣ и лучше владѣли отмычкой и воровскимъ ножомъ, чѣмъ мыслью и словомъ. Но правительству Николая II-го лучше «народа» и лучшихъ патріотовъ и монархистовъ и не нужно было. Оно по истинѣ довольствовалось малымъ.

И докторъ Дубровинъ и этотъ «ученикъ» доктора Дубровина—Сергѣй Прохожій—являются оба осколками мутной и живой современности, еще почти не ушедшей изъ жизни. Слава Богу, они—наше вчера...

Эта картина созданныхъ монархическимъ режимомъ теченій будетъ не полна, если мы упустимъ изъ виду такъ называемый «черносотенный нигилизмъ», который внѣдрялся у насъ департаментомъ полиціи, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и охраннымъ отдѣленіемъ, такъ же, какъ внѣдрялось и безчисленное ко-

личество вездѣсущихъ и всюду сѣющихъ и жнущихъ провокаторовъ.

Мы понятія не имѣли, что такое подлинный нигилизмъ, когда повторяли вслѣдъ за дѣдами и отцами устарѣвшее понятіе о русскомъ интеллигентскомъ политическомъ нигилизмѣ.

Люди, которые «душу свою за други своя» клали,—какими они могли быть нигилистами?..

Теперь мы знаемъ, что это было поколѣніе чистѣйшихъ идеалистовъ, людей, не лишенныхъ ни вѣры, ни религіи, ни Бога.

Подлинный нигилизмъ дала намъ русская современность послѣднихъ лѣтъ. Онъ выросъ на гнилой и жирной трясинѣ гнили, безвѣрія, безбожія и космополотическаго хамства современности. Онъ проявлялъ себя разнообразно во всѣхъ сферахъ дѣятельности и приложенія силъ.

Онъ пролѣзалъ провокаторомъ въ подполье, онъ читалъ лекціи о танго, онъ скандалилъ съ нарумяненнымъ футуристомъ, учитывая ставку на скандалъ и восхищая безпредѣльной и спокойной наглостью. Мѣняя личины и выныривая то здѣсь, то тамъ въ образѣ болѣе или менѣе Мелкаго Хама, онъ съ азартомъ спекулировалъ, набивалъ карманы и вездѣ проводилъ опредѣленную программу: гдѣ хорошо, тамъ и отечество...

Я бы затруднился рѣшить, кто подлѣй въ этихъ проявленіяхъ активнаго нигилизма, которому на все наплевать, кромѣ собственнаго желудка,—предпріимчивый спекулянтъ, наводнившій Россію, бюрократъ-шантажистъ, пророчествующій мужиченко, или же этотъ юноша, который, махнувъ рукой на все, пошелъ въ банду союза и зажилъ угарной, пьяной и кровавой жизнью этой банды.

Пожалуй, этотъ послѣдній формаціи нигилизмъ какъ-то опредѣленнѣе, строже. Онъ-то ужъ не прикрывается ничѣмъ, ни одной красивой тряпочкой изъ тѣхъ, которыми можетъ и хочетъ прикрываться стыдливый спекулянтъ или мошенникъ изъ пророчествующихъ мужиковъ и монаховъ.

Можно оспаривать все, что угодно въ этой несчастной автобіографіи, переполненной стилистическими несообразностями но нельзя оспаривать озлобленности, неудачества, психологической черты: «махнулъ рукой» и пошелъ—«очертя голову». Эти именно черты, какъ нѣкое бродильное начало, хотѣлъ положить въ основу своего буйственнаго типа Сашки Жегулева Леонидъ Андреевъ. Да только не вышелъ у него живой человѣкъ. Не съ кого было писать, а воображенія творческаго не хватило. Но въ беллетристикѣ эти четры должны были перебродить и вылиться въ разбойничій протестъ, въ живую вольницу, а въ жизни они привели къ чайной союза и представили намъ героя современности въ романтической позѣ (снимокъ въ одномъ журнальчикѣ) съ ружьемъ, на которое

онъ опирается, съ видомъ бродяги по міру, вольницы, вооруженнаго и смѣлаго.

И вотъ еще одинъ изъ промелькнувшихъ призраковъ современности, которымъ мы занимаемся, стараясь прочесть въ нихъ, какъ въ гигантскихъ іероглифахъ современности духъ и смыслъ переживаемыхъ событій. Но, увы... Что ни фигура, то смыслъ все болѣе искажается и теряется, а гигантскій шабашъ растетъ и растетъ.

Мы позабыли еще одну мрачную фигуру, посильнѣй, пожалуй, всѣхъ названныхъ, надѣленную въ большей степени способностью внушить обманчивыя представленія о маскѣ не Хама, а чающаго духа... Но безславный конецъ Иліодора, обнаружившій муть и мелочность, выявилъ и тутъ уродливую личину все того же господина современности. А сколько было блеску и внѣшней силы, а главное,—какъ сумѣлъ этотъ человѣкъ ударить молотомъ по напряженной волѣ другихъ и вызвать искры...

Провокація.

О томъ, какъ подрывали жизненные корни Россіи, заражая ихъ трупнымъ ядомъ, стремясь насытить гнилостью и заразой весь стволъ русскаго «древа жизни», можно судить теперь, когда обнажаются днища и подполья русскаго самодержавія.

Въ это всероссійское дѣло освобожденія политической борьбы съ абсолютизмомъ вмѣшался самъ дьяволъ и отравилъ воздухъ русской жизни удушливымъ газомъ предательства и продажности.

Между русской революціонной народной арміей и оплотами самодержавія стояло сперва такъ называемое третье отдѣленіе, потомъ знаменитое Охранное отдѣленіе. Черезъ это чистилище прошла почти вся русская интеллигенція, которую стремился охватить этотъ многоголовый спрутъ русскаго абсолютизма.

И въ центрахъ и по всей матушкѣ провинціи зданіе охраннаго отдѣленія являлось болѣе основнымъ и опредѣляющимъ, чѣмъ Божій храмъ. Тамъ «наблюдали», тамъ «регистрировали» малѣйшее проявленіе сознанія и воли русскаго интеллигента, рабочаго и учащейся молодежи. Невѣжественные и продажные служаки охраннаго отдѣленія, не умѣющіе разобраться ни въ идеяхъ, ни въ лозунгахъ, ни въ принципахъ соціальныхъ и политическихъ ученій, естественно, должны были быть безпомощны въ этомъ надзорѣ и «наблюденіи». Революціонное движеніе—сплошь интеллигентское, сплошь построенное на теоретическихъ принципахъ, требовало отъ агентовъ правительства не только ординарной—«слѣжки», исполняемой «шпиками», но и нѣкоторой освѣдомлен-

ности, подготовки, а главное—живѣйшей оріентаціи въ самой гущѣ партій, организацій и ихъ намѣчающихся работъ и движеній. «Работники» со стороны, какъ бы они ловки не были, могли уловлять только на периферіи; центры, заполняемые идеалистической и отважной частью населенія, были недоступны для наблюденія и регистраціи. И до тѣхъ поръ, пока хитрому змію охраннаго надзора не удалось заползти въ самое сердце революціонныхъ организацій, былъ понятенъ тотъ страхъ, который внушала неизвѣстная маленькая группа пропагандистовъ или террористовъ, державшая въ напряженіи всѣхъ агентовъ правительства.

Тогда столпы самодержавія въ лицѣ наиболѣе хитрыхъ и дальновидныхъ убѣдились, что собственными средствами съ врагомъ бороться невозможно. Одной злобы, однихъ репрессій, однихъ ссылокъ и смертныхъ казней было мало. Правительственная власть самодержавія созналась въ безсиліи грубой власти Держимордъ и прибѣгнула къ оружію изворотовъ, хитрости, къ ставкѣ на предательство.

Раскинувъ сѣти охраны и слѣжки надъ всей имперіей и пытаться оковать и регулировать полицейскими установленіями «отсюда» и «до сюда» предѣлы общественно-политическаго и вообще идейнаго сознанія,—оказалось совершенно невозможнымъ. Идея ускользала изъ корявыхъ рукъ Держимордъ. Заставы и тюрьмы были недостаточны. И естественнымъ слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ самого существа самодержавія, явилось—Предательство, помощь Іудъ, которые должны были прійти на выручку палачей.

Такъ возникъ могущественный союзъ въ русскомъ абсолютизмѣ—двухъ силъ—Іуды и Палача. Оба они символизировали собой крайнее выраженіе абсолютизма вообще и русскаго въ частности.

Россія въ борьбѣ съ самодержавіемъ, въ своемъ кровавомъ крестномъ пути должна была вынести всѣ неслыханныя и кошмарныя послѣдствія этого союза. Въ напряженной борьбѣ насилія и русскаго общественнаго сознанія совершались самыя фантастическія и злодѣйскія искривленія и уродованія жизни.—Революціонная, протестующая и борющаяся часть общества загнана была въ подполье тайныхъ кружковъ и организацій въ Россіи и эмигрантскихъ за границей. Наружно организаціи эти были охвачены тѣснымъ кольцомъ сыска и шпіонства, надзора и ограниченій. А изнутри туда же были подпущены мелкія змѣи предательства и провокаціи, которыя подкапывались подъ дѣло свободы и жизнь своихъ товарищей, получая мзду за головы, за жизни...

Всѣ струнки человѣчесткой психологіи, на которыя можно было воздѣйствовать, были затронуты. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ были, конечно, не деньги, а страхъ позора со стороны ловко

замѣшанныхъ и запутанныхъ, страхъ смерти и наконецъ, какъ послѣднее средство—пускался въ ходъ подкупъ.

О размѣрахъ этого подкупа мы настоящаго представленія не имѣемъ. Тѣ списки провокаторовъ, которые недавно, начиная съ первый дней побѣды превлюціи, начали появляться въ газетахъ къ ужасу и боли всѣхъ, содержали въ себѣ, повидимому, частичныя и неполныя данныя. Тайны охранки и ея средствъ привлеченія къ себѣ «сотрудниковъ», остались погребенными пока что вмѣстѣ съ ней. Надо полагать, во всякомъ случаѣ, что «мзда» за іудины подвиги превышала тѣ ничтожныя суммы, которыя обозначены въ этихъ спискахъ.

Чѣмъ бы ни объяснять ужасающее количество сотрудниковъ охранной провокаціонной работы,—фактъ на лицо, съ которымъ надо считаться. Общеніе, хотя бы враждебное, съ трупнымъ ядомъ абсолютизма, съ насквозь пропитаннымъ гнилью и тлѣніемъ врагомъ, не прошло даромъ для русскаго общества. Отъ этого невольнаго общенія во многихъ мѣстахъ русскаго интеллигентскаго и полу-интеллигентскаго общества проступили явственныя пятна гангрены. Частично мы чумою заразились и необходимо теперь хиругическимъ путемъ удалять съ организма русскаго общества эти заразныя мѣста.

Священники, литераторы, адвокаты, студенты, курсистки, депутаты, рабочіе, свѣтскія дамы, редакторы, земцы, соціалисты, балерины, повивальныя бабки, чиновники,—кого только нѣтъ въ этой толпѣ «растлѣнныхъ душъ».

Сколько «гиблаго» человѣческаго матеріала, сколько задушенныхъ человѣческихъ драмъ, сколько незамѣтныхъ, въ подполье, въ яму, въ темень скрытыхъ трагедій души и воли... Шантажъ, угрозы, вымогательства, подкупъ, клевета, подлогъ, лишеніе свободы, насиліе всякаго рода—пускались въ ходъ и въ результатѣ—«рыбка» оказалась въ неводѣ, души были пойманы и пущены въ ходъ для подлыхъ цѣлей тюремщиковъ и палачей.

Въ исторіи русскаго политическаго движенія бывало не мало случаевъ обнаруженія провокаторства въ товарищеской средѣ. Каждый разъ случаи эти разражались какъ громъ и повергали въ ужасъ и изумленіе товарищескую среду. Это было, во всякомъ случаѣ, рѣдкимъ исключеніемъ, влекшимъ за собой разгромы и провалы мѣстныхъ организацій. Это были катастрофическія событія, относительно которыхъ форменнымъ безуміемъ было бы дѣлать какія либо обобщенія.

Но техника охраннаго сыска и надзора растетъ и ловкость руководителей, пользовавшихся опаснымъ и обоюдострымъ средствомъ провокаціи, достигаетъ своего рода виртуозности. Колоссальная провокаторская фигура Азефа выростаетъ изъ нѣдръ это-

го охранно-революціоннаго хаоса, какъ кульминаціонная точка, какъ послѣдній предѣлъ человѣческой низости и предательства.

Исторія съ Азефомъ показала, что агенты правительственной власти сознательно пошли на опасность двойной игры съ очевиднымъ рискомъ жертвъ въ своей же средѣ, какъ то было въ исторіи съ Азефомъ, полагая, что въ послѣднемъ счетѣ выгоды все же на ихъ сторонѣ. Дезорганизація и ударъ, наносимый партіямъ дѣятельностью въ ихъ средѣ вліятельнаго провокатора, являлся для правительственной власти стараго режима выгоднѣе, чѣмъ сохраненіе нѣсколькихъ бюрократическихъ жизней, которыми они довольно легко жертвовали.

Психологическая подпочва азефовщины слишкомъ мало выяснена, для того, чтобы можно болѣе или менѣе правильно судить, былъ ли онъ чистой воды провокаторомъ, игравшимъ свою роль отъ начала до конца за тѣ суммы, которыя удовлетворяли его огромные жизненные аппетиты, или же онъ «немного» былъ и революціонеромъ, не безъ охоты вырывавшимъ тѣхъ или иныхъ слугъ самодержавія съ ихъ постовъ. Какъ бы то ни было, рѣдкій актеръ по искусству выдерживать опаснѣйшую и сложнѣйшую роль, Азефъ подымался по ступенямъ партійныхъ ранговъ все выше, пока не занялъ центральнаго положенія, состоя въ то же время на службѣ у русскаго правительства стараго режима и получая за работу предателя, «освѣдомителя»—деньги.

Раскрытіе «азефовщины» съ необычайной и страшной ясностью показало всѣмъ, до какой степени неблагополучно въ условіяхъ быта русской революціонной интеллигенціи, сколько тамъ за время подпольнаго житія скопилось ядовитыхъ наростовъ, сколько ядовъ и элементовъ разложенія тамъ.

Память «Зубатовщины» и «азефовщины» стала опредѣлять въ этой средѣ опасное наличіе большого, очень распространеннаго элемента іудъ.

Бывшій революціонеръ, а потомъ начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія Зубатовъ, сдѣлавшій карьеру въ 80-хъ годахъ предательствомъ, далеко двинулъ впередъ дѣло организаціи сыска, превзойдя знаменитаго Судейкина. Онъ до небывалыхъ размѣровъ развилъ систему провокаціи и наводнилъ своими агентами революціонную среду Москвы. Въ 1894—1896 годахъ провокаторы совершенно расшатали с.-д. организацію въ Москвѣ и вызвали въ ея средѣ хаосъ. Люди боялись сойтись для совмѣстной работы, потерявъ всякую устойчивость въ смыслѣ взаимнаго довѣрія, такъ обильны были провокаціонныя проявленія.

Но по размѣрамъ предательства, хищности и іудиной игры въ жизнь и смерть товарищей и дѣла народной свободы превзошелъ все существовавшее знаменитый Азефъ, имя котораго, зловѣще и

внушительно звучащее, стало синонимомъ самаго чернаго предательства. Онъ явился живымъ показателемъ того, до какихъ размѣровъ цинизма и беззастѣнчивой открытой подлости можетъ дойти царское правительство, опирая свой тронъ на деморализацію и развращеніе народной совѣсти. Держать въ безправіи и нищетѣ народъ, съуживать до послѣднихъ предѣловъ дѣло народнаго просвѣщенія, сдавливать страну тисками полицейскаго и чиновничьяго произвола и наконецъ—въ дѣлѣ того же закрѣпленія за собой трона—пуститься на послѣднее средство—гноить общество подкупами и склонять къ поголовному предательству, вотъ послѣднія мѣры, къ которымъ прибѣгли агенты старой власти.

Они раскидывали свою колоссальную паучью сѣть по всей странѣ въ которой билась и металась человѣческая искушаемая и насилуемая совѣсть. Если за жертвой числилось что либо вмѣнявшееся въ вину, то начинались угрозы, вплоть до висѣлицы. Если жертва оказывалась стойкой, то начинали ее запутывать и клеветать на товарищей и косвеннымъ образомъ допрашивать... Если удавалось выпытать что либо у жертвы, то ставилась диллема или разглашеніе, что онъ выдалъ товарища и публичный позоръ, или же служба въ охранномъ отдѣленіи и сохраненіе безусловной тайны этой службы. И вотъ притягивалась, какъ муха къ лапамъ паука, жертва въ сѣти охраннаго отдѣленія и начиналась служба, поощряемая большими или мельшими суммами изъ охраннаго отдѣленія и шло постепенное развращеніе жертвы, до тѣхъ поръ, пока не просыпалась въ ней личная иниціатива зла и предательства и не развивался инстинктъ охотничьей ищейки, поощряемой награжденіями. Такъ постепенно совершалось человѣческое паденіе. Само собою разумѣется, что случаи такіе совершались въ разнообразныхъ комбинаціяхъ обстоятельствъ и что не мало было такихъ, въ которыхъ иниціатива исходила отъ самой злой воли человѣка, привлеченнаго институтомъ, въ которомъ можно было при безусловномъ укрывательствѣ подлыхъ намѣреній зарабатывать деньги, сводить личные счеты и вообще примѣнять разнообразные темные мотивы и побужденія.

Никому изъ этихъ темныхъ растлѣнныхъ душъ и въ голову не могло придти, что то дѣло, ради котораго предаваемые ими товарищи шли на опасности и рискъ казавшейся непосильной борьбы, что оно внезапно, подъ мощнымъ натискомъ всего народа, возьметъ вверхъ и это старый режимъ, какъ подгнившее въ корнѣ вѣковое дерево вдругъ тяжело и мгновенно рухнетъ. И что все скрывавшееся въ темныхъ нѣдрахъ охраннаго отдѣленія, все, изобличавшее темныя души и растлѣнныя совѣсти, вдругъ—при неожиданномъ свѣтѣ революціоннаго яркаго дня и народовластія—вдругъ станетъ явнымъ.

Однако такъ случилось. Въ нѣкоторыхъ городахъ и между-прочимъ въ Петроградѣ, къ сожалѣнію, при ставшей явной побѣдѣ революціонеровъ, охранники, вѣроятно, не безъ содѣйствія тѣхъ же провокаторовъ изъ революціонной среды поспѣшили сжечь охранныя отдѣленія, въ которыхъ погибли изобличительные документы. Такимъ образомъ, не мало еще охранниковъ, занимавшихся продажей народнаго дѣла, не только гуляютъ на свободѣ, но даже исполняютъ быть можетъ высокія и отвѣтственныя обязанности. Тотъ списокъ, который былъ опубликованъ, къ сожалѣнію, даетъ почву для предположеній очень широкихъ.

И первые же дни революціи были омрачены черными списками изобличеній, освѣтившихъ глубину той заразы, которая постигла Россію отъ проклятой близости стараго правительства, распространявшаго чуму и растлѣніе вокругъ себя. Опиравшееся исключительно на продажныхъ и хищныхъ душъ, искавшее опоры только въ грабителяхъ и мародерахъ, правительство Николая II-го всюду заражало души и сознанія подкупами и соблазнами предательства. Женщины и мужчины, молодые и старые подпадали подъ эти нечистые соблазны и, укрывая свои дѣянія подъ покровами охранныхъ тайнъ, несло туда на продажу свои несчастныя души, паденіе которыхъ теперь обнаружено полностью и раскрыто передъ глазами всѣхъ.

— «Это былъ публичный домъ,—говоритъ по этому поводу современный публицистъ,—потавщики живого товара толкали сюда русскихъ юношей и дѣвушекъ и накладывали на ихъ лбы свои охранныя клеймы. Здѣсь продавалась русская совѣсть и отдавалась на поруганіе русская душа.

Самодержавіе не могло жить безъ этого публичнаго дома. Растлѣнное и до конца оподлѣвшее, оно всей тяжестью своей опиралось на эту добровольную и вынужденную проституцію.

И въ то время какъ поставщики живого товара «работали на царя» и заманивали въ злую яму дѣтей русскаго народа, во всѣхъ нашихъ церквахъ обманутый народъ молитвенно шепталъ:

— «Благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго государя нашего»...—И самодержавіе такъ платило за эти молитвы.

Много было въ нашей исторіи и убіенныхъ и удаленныхъ и растоптанныхъ копытами лошадей. Но вотъ эти растлѣнныя, эти отданныя на поруганіе охранныя проститутки будутъ, пожалуй, даже ужаснѣе удавленниковъ.

И хочется думать, что свободный русскій народъ найдетъ въ себѣ рѣшимость не добивать, не растаптывать этихъ пресмыкающихся, а просто, какъ кучу червей, убрать, вымести вонъ... Ибо червей развелъ не народъ, а самодержавіе»...

Быть можетъ не такъ страшна сама провокація въ отдѣльныхъ

ея проявленіяхъ, какъ то обстоятельство, что, по словамъ популярной кадетской газеты, это опубликованіе списка, содержащаго фамиліи рабочихъ, студентокъ и студентовъ «никого не поразитъ неожиданностью». Такъ широко и давно уже, еще до обнаруженія азефовщины, распространилась провокація въ русскомъ революціонномъ подпольѣ и свила себѣ такое прочное гнѣздо въ освободительномъ движеніи. Это зіяющая язва, которая не поддавалась никакому лѣченію.

Списки провокаторовъ еще и потому показались однимъ изъ страшныхъ «бытовыхъ явленій» нашего существованія, что всѣмъ было извѣстно, какая разруха царитъ во всѣхъ областяхъ правительственнаго механизма, за исключеніемъ только одного: — розыскной части. Эта послѣдняя была поставлена съ большой тщательностью и секретное сотрудничество цвѣло тамъ пышнымъ цвѣтомъ.

Среди опубликованныхъ въ спискахъ именъ встрѣтились нѣсколько такихъ, которыя внушили глухую тревогу обществу: слишкомъ значительную роль въ освободительномъ движеніи играли нѣкоторые изъ носителей этихъ опозоренныхъ именъ. Въ опубликованномъ первомъ спискѣ на первомъ планѣ стоитъ имя Черномазова, игравшаго руководящую и отвѣтственную роль въ большевисткой газетѣ «Правда», которая теперь возобновилась. И въ обществѣ раздавались справедливыя недоумѣнія относительно того, какъ, какими путями этотъ самый Черномазовъ, за которымъ никакихъ литературныхъ заслугъ, никакого прочнаго прошлаго, очутился во главѣ руководительства партійной газеты.

Именно провокатору удалось стать во главѣ газеты большевиковъ, гдѣ былъ такой просторъ для самой рискованной демогогіи и для опаснѣйшихъ подстрекательствъ. И окружающая среда оказалась до такой степени не чуткой и мало сознательной, что довѣрилась громкимъ крикамъ и крайнимъ лозунгамъ провокатора, которому было на руки совершать такого рода эксперименты и потомъ спѣшить за «фиксаціей» ихъ въ охранномъ отдѣленіи.

Какъ сообщаетъ по поводу опубликованія Черномазова провокаторомъ нынѣшняя редакція «Правды» въ лицѣ ея редактора, члена Гос. Думы М. Муранова, Миронъ Черномазовъ началъ работать въ этой газетѣ черезъ годъ послѣ ея возникновенія, въ маѣ 1913 года, а въ февралѣ 1914 года былъ удаленъ изъ «Правды» по подозрѣнію въ провокаціи. Въ ноябрѣ 1916 года. Бюро центр. комитета р. с. р. п., принимая во вниманіе подозрительное поведеніе Мирона Черномазова, вынесло постановленіе о воспрещеніи всѣмъ партійнымъ организаціямъ и лицамъ вступать съ нимъ въ какія либо отношенія.

Газета отрицаетъ, что Черномазовъ былъ когда либо во главѣ «Правды», такъ какъ существовалъ тамъ редакціонный коллективъ, но не отрицаетъ того, что означенный Черномазовъ игралъ одну изъ первыхъ ролей въ газетѣ. Теперь, арестованный, онъ ждетъ безпристрастнаго суда.

Другой изъ означеннаго списка Владиміръ Моисеевичъ Абросимовъ, токарь по металлу, былъ членомъ организаціонной комиссіи центральной группы. О немъ помѣтка охраннаго отдѣленія—«развитой, очень остороженъ». По поводу этого Абросимова, бывшаго члена центральнаго военно-промышленнаго комитета, Гучковъ высказался, что неоднократно останавливало его вниманіе рѣзкость выступленій и особая позиція, занятая Абросимовымъ. Въ то время, какъ общій характеръ работы въ комитетѣ представителей рабочихъ не носилъ активнаго политическаго характера и не былъ направленъ въ сторону рѣзкихъ выступленій, Абросимовъ упорно толкалъ группу на путь активнаго выступленія. Послѣ ареста членовъ группы онъ одинъ остался на свободѣ, что сразу же внушило всѣмъ подозрѣніе. Абросимовъ пробовалъ давать этому какія то объясненія, но они никого не убѣждали и не могли убѣдить по своей крайней легковѣсности и запутанности.

Въ засѣданіи комитета и представителей законодательныхъ палатъ, лидеровъ партій и представителей общественныхъ организацій, Абросимовъ выступилъ съ рѣчью, освѣщающей предшествовавшую дѣятельность рабочей группы и само направленіе этой дѣятельности. Рѣчь эта поразила всѣхъ тѣмъ истолкованіемъ дѣятельности рабочихъ, которое онъ ему придалъ. Можно было думать, что говоритъ не рабочій, а либо членъ партіи русскаго народа, либо запасной охранникъ. Выходило, что рабочая группа комитета была зачинщицей и главной организаторшей забастовки въ память 9-го января, что она же дѣятельно подготовляла выступленіе рабочихъ, связанное съ открытіемъ Государственной Думы и предполагавшееся 14 февраля. Послѣ этой рѣчи Абросимова А. И. Гучковъ взялъ слово и подчеркнулъ въ своемъ отвѣтѣ недопустимость подобнаго выступленія, указавъ, что освѣщеніе Абросимова не раздѣлили бы его арестованные тогда товарищи, при чемъ выразилъ удивленіе по поводу того, что Абросимовъ остался на свободѣ. По словамъ Гучкова, для него и тогда уже было ясно, что рѣчь Абросимова была рѣчью провокатора. Въ особенности же это стало ему ясно, когда онъ узналъ, что все происходившее на этомъ совѣщаніи стало извѣстно тотчасъ же департаменту полиціи. И тогда стало ясно, откуда департаментъ полиціи черпалъ свѣдѣнія для разработки всего плана гоненія на рабочихъ представителей военно-промышленнаго комитета и въ частности на рабочую группу центральнаго комитета.

За эту дѣятельность Абросимовъ получилъ, согласно списку, 75 рублей въ мѣсяцъ. Въ виду же того, что дѣятельность группы рабочихъ была мирной и безобидной, Абросимовъ своими же рѣзкими выкриками старался придать иной характеръ дѣятельности группы, къ которой онъ принадлежалъ, что и послужило матеріаломъ для организованной Протопоповымъ борьбы съ общественными организаціями.

Среди другихъ сообщеній, оповѣщающихъ о новыхъ кадрахъ провокаторовъ изъ интеллигентскихъ и рабочихъ группъ обращаютъ на себя вниманіе два представителя отъ рабочихъ въ совѣтѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ — Акулининъ и Макаровъ, получили они въ желѣзнодорожномъ управленіи, куда доставляли свѣдѣнія, по 10 рублей въ мѣсяцъ.

Угнетающая картина представится глазамъ, когда суммируешь всѣ эти свѣдѣнія о томъ, что въ Царицынѣ среди провокаторовъ оказались телеграфистъ и помощникъ начальника станціи, въ Тулѣ рабочій казеннаго оружейнаго завода, организовавшій въ началѣ февраля забастовку, которя закончилась для рабочихъ лишеніемъ службы: нѣсколько тысячъ бастовавшихъ рабочихъ отправлены были на фронтъ. Въ Красноярскѣ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и одинъ, занимавшійся въ кооперативѣ. Въ Баку, мисульманскій журналистъ Карагедовъ. Въ Астрахани, студентъ технологъ Чападзе, служившій въ продовольственномъ отдѣлѣ мѣстной охранки. Въ Харьковѣ секретарь профессіональнаго о-ва конторщиковъ и бухгалтеровъ соціалъ-демократъ Козловскій, принимавшій также дѣятельное участіе въ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. А также членъ Совѣта рабочихъ и солдатсткихъ депутатовъ Мухинъ и членъ рабочаго бюро Мяконькій и другіе. Въ Одессѣ учитель Биманъ, членъ совѣта рабочихъ депутатовъ Марусъ, наборщикъ изъ Одесскаго Листка Желѣзнякъ, сотрудникъ Одесскихъ Новостей Котлерманъ, сотрудникъ Одесской Почты Франкъ и другіе.

Въ Ростовѣ на Дону видный дѣятель профессіональныхъ организацій перводумецъ священникъ Афанасьевъ, избранный въ члены совѣта рабочихъ депутатовъ, членъ исполнительнаго бюро совѣта депутатовъ Свищовъ и др. Въ Вяткѣ предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ Мерзляковъ, приглашавшій протянуть руку нѣмецкому пролетаріату въ цѣляхъ скорѣйшаго прекращенія войны. Въ Ревелѣ поручикъ. Среди другихъ изъ опубликованныхъ списковъ провокаторовъ и членъ с. р. партіи Вягка, и членъ выборгскаго районнаго комитета Миланинъ, и конторщики и студенты, и курсистки...

Какъ пишетъ Вл. Бурцевъ, отдавшій свою жизнь разоблаченію провокаторской дѣятельности,—«революція въ этой области

дала въ руки громадный матеріалъ. И онъ долженъ быть разработанъ при активномъ участіи всего общества. Все, это было раньше тайнымъ, станетъ теперь явнымъ. Провокаци нанесенъ смертельный ударъ».

Язва вскрыта, и гнойная, дымящаяся—предстала теперь передъ всѣми взглядами. Глядя на это зловонное болото предательства и растлѣнія, въ которое попали столько силъ и столько душъ, уловенныхъ въ сѣти охранниковъ, можно съ полной наглядностью судить, каковъ былъ по духу и тону старый режимъ и какъ растлѣвалъ, гноилъ и загрязнялъ онъ живое тѣло народа. Тысячи людей подпадали подъ эти тлетворныя вліянія и вычеркали себя, по существу, изъ списка живыхъ. Ибо что оставалось дѣлать этимъ жертвамъ охранныхъ происковъ, ставившихъ себя какъ бы за чертой всего живого въ странѣ, какъ не предаваться голому, чуть ли не физіологическому процессу общихъ переживаній. Не трудно представить себѣ психологію этихъ «растлѣнныхъ» изъ интеллигентнаго класса, которые пошли въ охранку и превратили себя въ проститутовъ духа, конечно, или въ итогахъ послѣдняго отчаянія («больше дѣваться некуда») или въ результатѣ выработанной жизнью цинической и мертвой философіи, внушенной мерзостями и непроглядной тьмой стараго режима.

Думается, если заинтересоваться подоплекой этихъ продажъ души и совѣсти, что далеко не у всѣхъ былъ очевидный азефовскій мотивъ, который заключался въ широкихъ и мощно-грубыхъ позывахъ животныхъ аппетитовъ къ жизни. Для оправданія этихъ мотивовъ слишкомъ мизерны тѣ цыфры, которыя возмѣщаютъ «труды» провокаторовъ. Здѣсь налицо—именно документы послѣдняго душевнаго паденія, моральной прострацiи, къ которой приводилъ слабыхъ и не умѣющихъ бороться, не обладающихъ моральнымъ упорствомъ людей режимъ палачей и предателей.

Съ другой стороны эти колоссальные результаты моральнаго гніенія, которому подвержена была страна, ясно говорятъ о томъ, что достигнутъ былъ послѣдній предѣлъ злодѣйствъ и убіенія духа, котораго могло достигнуть тупое, бездарное и пассивное въ самомъ злодѣйствѣ старое правительство. Окруженное ворами, негодяями и мошенниками, оно сдѣлало самымъ твердымъ изъ государственныхъ учрежденій—то, въ которомъ работали зарегестрированные предатели и негодяи. Оно оперлось на нихъ, на этихъ предателей. Такая опора не могла быть прочной. Трещины пошли со всѣхъ сторонъ: снизу и сверху. И все, отъ верха до основанія рухнуло и осыпало въ своемъ паденіи страну гнилью и трухой.

Эти черные списки провокаторовъ—именно такія брызги гнили и трухи, послѣднее, что осталось отъ самодержавія и что такъ

согласовано, такъ гармонируетъ съ абсолютизмомъ, съ организованнымъ насиліемъ и режимомъ рабства.

Надо надѣяться, что именно люди новыхъ поколѣній, тѣ, которые вырастутъ въ чистомъ и свѣжемъ воздухѣ свободы и народоправства, окончательно оздоровятъ атмосферу и организмъ народа, въ которомъ не мало еще тяжелаго наслѣдія нашего чернаго прошлаго.

По существу, по человѣчеству, этихъ растлѣнныхъ душъ жалѣть не стоитъ. Не потому, что, согласно пословицѣ,—«по дѣломъ вору и мука», а потому что для каждой человѣческой души и для каждаго человѣческаго сознанія—обнаруженіе правды ничего, кромѣ пользы въ величайшемъ значеніи этого слова—принести не можетъ. Ударъ и притомъ страшный ударъ по самолюбію и по чувству человѣческаго достоинства; *низверженіе внизъ и пригвожденіе къ столбу общественнаго позора за свершенное, содѣянное,—всегда были и есть тѣмъ могучимъ пришпориваніемъ духа, тѣмъ трамплиномъ для самосознанія, толчкомъ, который и выносилъ кающуюся и облитую кровавыми слезами душу человѣческую на подлинную высоту и глубину очищенія.*

Авторъ этихъ строкъ абсолютнымъ образомъ убѣжденъ въ истинности Евангельскаго завѣта о спасительной силѣ тѣхъ внутреннихъ переворотовъ и необычайныхъ подъемовъ, которые совершаются подъ вліяніемъ самыхъ кровавыхъ, унижающихъ и мучительныхъ ударовъ. На этомъ же построена вся правда и убѣдительность творчества Достоевскаго. И неужели же при настоящихъ обстоятельствахъ мы отнесемся къ этимъ жертвамъ режима только съ точки зрѣнія публицистики и политики?..

Я бы хотѣлъ, чтобы меня хорошенько поняли. *Я не призываю ни къ жалости*, ни къ тепленькому, глупому состраданію по отношенію къ нимъ. И то и другое было бы только вредно. Наоборотъ, репрессіи, несомнѣнно, облегчать ударъ. Вѣдь страшнѣе казни самого позора, самого отверженія отъ наступившаго для всей многомилліонной Россіи праздника—нельзя придумать никакой другой. И конечно, многіе предпочтутъ подлинную смерть, а не смерть заживо.

Здѣсь есть три градаціи: или полное оподлѣніе и равнодушіе при торжествѣ лозунга—«мнѣ сытно и хорошо». Или средняя мѣра силъ, при которой тяжесть обрушившагося позора заставитъ окончательно сломиться. Или же—то безумное напряженіе поруганной, вздернутой на дыбы этой мукой позора души, стремящейся извергнуть изъ себя все нечистое, которое путемъ безбоязненности къ правдѣ можетъ вознести къ подлинному новому моральному утвержденію человѣка въ жизни.

Могутъ быть двѣ точки зрѣнія здѣсь.—У насъ сейчасъ отмѣ-

нили смертную казнь. Но не можетъ быть никѣмъ отмѣнена другая не менѣе страшная казнь,—подписаніе моральнаго приговора, вычеркивающаго человѣка въ самой возможности какихъ либо его проявленій изъ жизни... Такъ вотъ въ этомъ смыслѣ я лично стою за отмѣну и этой смертной казни.

И прежде всего потому, что здѣсь приговоръ явился бы невольнымъ лицемѣріемъ. Ибо фактъ того самоочищенія въ корчахъ и мукахъ души, о которомъ я говорю,—является фактомъ внутреннимъ и въ своемъ значеніи—безусловнымъ, не зависящимъ ни отъ какого мнѣнія или признанія. Если человѣкъ пережилъ это и съумѣлъ все же утвердиться духовно и найти точку моральнаго утвержденія,—то это уже фактъ, противъ котораго спорить можетъ только саддукей, стоящій на мертвой буквѣ.

Мнѣ могутъ возразить что угодно, но такая точка зрѣнія—*ЕСТЬ*, такая точка зрѣнія можетъ и должна существовать... Неужели же только въ литературѣ мы можемъ признавать ее, а въ непосредственной, въ дѣйствительной жизни—нѣтъ. Неужели же, читая Достоевскаго или Толстого, мы будемъ признавать ее, а при переходѣ къ кошмарамъ жизни немедленно отрицать...

Тѣ новыя формы, которыя строитъ теперь свободная Россія, должны вести къ подлинной свободѣ духа. Человѣкъ и его стихія духа—вотъ послѣдняя цѣль, лежащая въ основѣ и сегодняшняго дня. И если мы вѣримъ подлиннымъ образомъ человѣку, если вотумомъ довѣрія облечь его можемъ,—то и должны за самой оскверненной душой признать потенцію самоочищенія въ огнѣ внутренняго стыда, покаянія и жажды вернуться къ единымъ путямъ правды. Самой собой разумѣется, что рѣчь идетъ только о тѣхъ, кто не погибъ до конца, кто сохранилъ хоть малую искру.

Быть можетъ, среди всѣхъ изобличенныхъ найдется только одинъ, а можетъ быть и никого, способныхъ къ этому спасительному и напряженному подъему, подобному тому, который совершилъ Оскаръ Уайльдъ, когда въ Рэдингской тюрьмѣ набрасывалъ страницы книги «De profundis». Но во всякомъ случаѣ, при чтеніи письма одного изъ заподозрѣнныхъ, письма, въ которомъ чувствуются подлинныя корчи извивающагося въ позорѣ человѣка, я почувствовалъ естественную необходимость *выставить на видъ эту точку зрѣнія* о тѣхъ высшихъ и въ конечномъ счетѣ торжествующихъ потенціяхъ человѣка, которыя говорятъ о прекрасной силѣ его духа, равнаго въ высшіе моменты его источнику—Богу.

Не для того, чтобы копаться въ зловонной грязи темнаго прошлаго русской политической исторіи вчерашняго дня, привели мы всѣ эти многочисленныя данныя позорнаго дѣла русскихъ

провокаторовъ. Но всѣ эти сообщенія и факты чрезвычайно важны для той великой очистки, которая сейчасъ пойдетъ по великой Россіи. Стоя передъ свѣтлыми путями свободнаго будущаго, мы должны сознать какъ можно болѣе отчетливо ошибки и уродства прошлаго, вызванныя, конечно, прежде всего насильственнымъ сосѣдствомъ и невольнымъ, хотя бы и враждебнымъ, общеніемъ съ проказой самодержавія.

Это общеніе загнало въ тупикъ политической исключительности большую часть русской интеллигенціи, заставило ее враждовать со многими теченіями обще-культурными, какъ съ чѣмъ то задерживающимъ будто бы великую борьбу и вообще обусловило многія отрицательныя стороны нашего быта. То обстоятельство, что страна должна была отдавать всѣ силы выходящихъ въ жизнь поколѣній политической борьбѣ, вгонять ихъ умственную и волевую энергію въ прокрустово ложе общественно-политической исключительности, часто отрываясь отъ прямого призванія въ иныя области высшей культуры, конечно, нанесло не малый вредъ нашему общему дѣлу подъема народнаго самосознанія и моральнаго богатства страны. Заселяя окраины лучшими представителями учащейся молодежи и интеллигенціи, забивая ими же тюрьмы и всевозможныя мѣста заключеній, самодержавное правительство какъ бы питало надежды кастрировать страну, изничтожить въ ней все активное и жизнеспособное, привести ее къ умственной и моральной прострація, къ нулю.

Оно, конечно, въ концѣ концовъ взлетѣло съ необычайной силой вверхъ, когда зашевелился и проснулся весь народъ и расправилъ свои плечи. Но вреда все же принесло оно не мало и не мало гнойныхъ пятенъ, вродѣ вышеприведенныхъ, оставило на тѣлѣ народа. Съ этимъ обстоятельствомъ надо считаться и не учитывать этого нельзя. Искривленный, согнутый, понурый, весь обращенный въ сторону исключительныхъ интересовъ узкой политики русскій интеллигентъ долженъ, наконецъ, выйти изъ своего душнаго подполья, вдохнуть свѣжій воздухъ свободы и выпрямиться морально и умственно. Долженъ отдаться общей, широкой культурной работѣ въ странѣ, ибо «Карфагенъ взятъ» и влачить дальше такое же исключительное, мрачное и фанатическое существованіе въ томъ же подпольѣ внѣшней общественной и соціальной борьбы—было бы грѣхомъ противъ святого духа.

Глава VI.

Революціонный взрывъ.

Весь охваченный нами матеріалъ, характеризующій еще небывалую на Руси разруху, развалъ самой власти, вставшей въ непримиримыя враждебныя отношенія съ народомъ въ его самыхъ глубокихъ національныхъ инстинктахъ,—естественно и неизбѣжно привелъ къ великому и побѣдоносному революціонному взрыву.

Тяготѣя къ сепаратному миру, старая власть во все время продолженія войны стремилась вызвать и инсценировать своими же охранными средствами обычнаго размѣра народные безпорядки, которые легко могли бы подавить вооруженной силой и тѣмъ самымъ получить въ силу одного изъ пунктовъ договора съ союзными державами право сепаратнаго мира. Общественное мнѣніе Россіи изо всѣхъ силъ предостерегало всѣ сословія противъ этихъ провокаторскихъ тенденцій стараго правительства. Этими мѣрами, истощающими силу терпѣнія народнаго,—было и—разстройство транспорта, и запрещеніе перевозки продуктовъ изъ одной мѣстности въ другую, и послабленія хищникамъ и спекулянтамъ и—что было важнѣе всего—открытый шпіонажъ въ Россіи въ пользу Германіи, доходившій до того, что въ самомъ Питерѣ встрѣчали переодѣтыхъ шпіоновъ, офицеровъ германскаго штаба, которыхъ нельзя было тронуть, потому что они спокойно проживали въ одномъ изъ дворцовъ.

Стоявшая на стражѣ всенародныхъ интересовъ Государственная Дума выразила правительству Николая II-го въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова открытое презрѣніе. Предстоялъ непримиримый конфликтъ между старой властью и Думой. Протопоповъ устоялъ въ силу вліянія на Николая и его жены; замыселъ Протопопова изничтожить общественныя организаціи и разогнать Думу—былъ для всѣхъ ясенъ. Съ обѣихъ сторонъ положеніе вещей въ смыслѣ остроты и напряженія подходило къ зениту. Въ такой сгущенной атмосферѣ разразился и быстро принялъ громадные и побѣдоносные размѣры революціонный взрывъ въ Петроградѣ, который вслѣдъ затѣмъ уже безкровно и съ по-

разительной долей спокойствія и порядка охватилъ Москву и всю провинціальную Русь.

21-го и 22-го февраля въ Петроградѣ и окрестностяхъ были закрыты крупные заводы изъ за неподвоза топлива и сырья. Заводоуправленія разсчитали до 36 тысячъ рабочихъ. Было ли тутъ нѣчто отъ расчетовъ и провокаціонныхъ намѣреній Протопопова или же обстоятельства знаменовали просто разруху, растерянность и безпомощность бездарнаго стараго правительства, но только десятки тысячъ людей были какъ бы выпущены съ спеціальными цѣлями на улицу.

Въ тѣ же дни въ съѣстныхъ лавкахъ стало не хватать хлѣба для всего населенія. Съ 23-го февраля забастовали всѣ заводы и фабрики Петрограда, трамваи и мелкія мастерскія и заведенія. Петроградъ былъ уже весь охваченъ броженіемъ и шла горячая и возбужденная организаціонная работа, детали которой еще нѣтъ возможности привести въ извѣстность. Это дѣло историковъ революціоннаго движенія въ Россіи, отъ котораго мы пока отдѣляемся тонкой чертой какихъ нибудь недѣль.

Все рабочее населеніе Петрограда вышло на улицу и стало собираться толпами. На заводахъ шли митинги. Появились флаги съ надписями:—«Хлѣба», «Да здравствуетъ вторая революція», «Долой самодержавіе» и пр.

Движеніе вспыхнуло само собой, стихійно. Вспыхнуло, потому что лопнуло долготерпѣніе народа. Навстрѣчу этому народному движенію въ Петроградѣ Протопоповъ, при посредствѣ военнаго министра Бѣляева, приготовилъ привезенные съ фронта восемьсотъ пулеметовъ и обучилъ столичную полицію обращаться съ ними. Установлено, что на главныхъ улицахъ пулеметы были приготовлены на крышахъ домовъ на каждомъ пятомъ домѣ. Въ первые три дня, однако, пулеметы не были пущены въ ходъ.

По всему городу двигались толпы народа останавливали трамваи и гнали домой извозчиковъ, снимали съ работы всѣхъ, кто еще не объявлялъ забастовки. Среди толпы всюду были разставлены шеренги солдатъ, разъѣзжали солдаты и конные городовые. Пѣшихъ городовыхъ толпа обезоружила. Нѣсколько городовыхъ были убиты при сопротивленіи и сами убили и ранили нѣсколько человѣкъ. Было разбито двѣ-три съѣстныхъ лавки. Когда казаковъ пускали разгонять толпы, то они никого не били и не давили, а старались проскакать, не трогая и роняли листки съ надписями:—«Дѣйствуйте смѣлѣе, мы васъ не тронемъ». Взводы пѣхоты народъ встрѣчалъ криками «ура» и рукоплесканіемъ и солдатскіе штыки не поднимались на борьбу съ народомъ. Такъ шло дѣло три дня подрядъ и настроеніе народа все подымалось. 25-го къ вечеру кое гдѣ взводы и полиція начали давать залпы, но убитыхъ

было не много. Въ этотъ день былъ убитъ полицеймейстеръ Шалфеевъ и приставъ Крыловъ. Въ этотъ же день произошло нѣсколько стычекъ и перестрѣлокъ между частями полиціи и казаками, выведенными на усмиреніе.

Съ утра 26-го февраля вся полиція скрылась. По всѣмъ улицамъ были разставлены часовые и пикеты черезъ два-три дома и ходили патрули. Толпы народа по прежнему ходили съ флагами и пѣніемъ революціонныхъ гимновъ. Во многихъ мѣстахъ стрѣляли вверхъ. Къ вечеру того же дня революціонное движеніе перебросилось въ казарму. Солдаты нѣкоторыхъ полковъ отказались выйти на усмиреніе.

Въ этотъ же вечеръ предсѣдатель Гос. Думы Родзянко послалъ телеграмму Николаю, выяснилъ положеніе, сообщилъ, что народъ требуетъ хлѣба и новаго правительства, что положеніе грозное и что надо уступить.—«Молю Бога,—говорилось въ этой телеграммѣ,—чтобы отвѣтственность не пала на голову монарха». Одновременно Родзянко телеграфировалъ генералу Рузскому, Эверту, Брусилову и Николаю Николаевичу, чтобы они поддержали его. Они отвѣтили, что исполнили порученіе.

Николай на телеграмму Родзянко отвѣта не далъ никакого, а вечеромъ 26-го февраля въ согласіи съ задуманнымъ Протопоповымъ планомъ, издалъ указъ о роспускѣ Гос. Думы до конца апрѣля, въ «виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ»—какъ сказано въ указѣ.

Въ тотъ вечеръ полиція кое гдѣ стала стрѣлять съ чердаковъ изъ пулеметовъ и ружей. Съ утра 27-го февраля на сторону возставшаго народа перешли гвардейскіе полки—Волынскій и Литовскій, а потомъ Преображенскій, Кексгольмскій, Гренадерскій, Саперный и другіе, всего до двадцати пяти тысячъ человѣкъ. Возставшіе части съ утра направились къ Госуд. Думѣ. Имъ стали на пути войска, выведенныя на усмиреніе. Произошли перестрѣлки съ жертвами, хотя больше стрѣляли въ воздухъ. Возставшіе, однако скоро пробились къ Государств. Думѣ.

Въ это то время члены Гос. Думы во главѣ съ Родзянко постановили не расходиться и оставаться въ Таврическомъ дворцѣ. Отсутствовавшихъ депутатовъ вызвали по телефону. Родзянко вначалѣ былъ погруженъ въ глубокое и полное волненіе, размышленіе о томъ, что предпринять. По разсказамъ депутата Д., убѣжденія товарищей стать во главѣ временнаго правительства вначалѣ заставили его колебаться. Когда же настроеніе пришедшихъ въ Думу юнкеровъ Михайловскаго училища и бесѣда съ ними, во время которой Родзянко проявилъ высокое мужество и находчивость, убѣдило его въ насущной необходимости принять скорѣйшія и необходимыя мѣры, онъ привсталъ, сказалъ: — «Нынѣ

свершилось» и выразилъ согласіе принять на себя главенство въ комитетѣ временнаго правительства. Пришедшіе къ Думѣ революціонныя войска заявили о своей готовности защищать права Гос. Думы. Родзянко, Керенскій и Чхеидзе выходили къ войскамъ и говорили рѣчи. Солдаты заняли Таврическій дворецъ и взяли на себя охрану Думы.

«Товарищи-солдаты, — сказалъ Керенскій, — наступилъ послѣдній часъ, рѣшается судьба не только Петрограда, но и всей страны. Идя на такое великое дѣло, имѣйте выдержку, твердость, не разбредайтесь врознь, а держитесь стойко, одинъ за всѣхъ, всѣ за одного. Вы первые явились сюда, пусть вамъ первымъ будетъ почетъ. Встаньте почетнымъ карауломъ у Таврическаго дворца, первымъ народнымъ карауломъ для народныхъ представителей».

— «Пусть это зданіе,—сказалъ солдатамъ Чхеидзе,—будетъ для насъ какъ храмъ. Будьте спокойны и тверды: вы спасители родины. Вмѣстѣ побѣдимъ страшнаго внутренняго врага—старое правительство—или умремъ».

Въ то же время солдаты и народъ захватили арсеналъ; вооруженныя толпы разгромили одну за другой всѣ тюрьмы, освободили всѣхъ политическихъ заключенныхъ, высвободили и уголовныхъ и начали громить полицейскіе участки. Запылали участки, загорѣлся Окружной судъ. Разгромлены и сожжены были также—охранное отдѣленіе, жандармское управленіе и сыскное отдѣленіе.

Въ этотъ день М. В. Родзянко послалъ бывшему царю новую телеграмму, сообщавшую, что гроза растетъ и что если сейчасъ онъ не назначитъ новое правительство, то будетъ поздно потомъ. Кабинетъ старой власти подалъ въ отставку. Тогда Государственная Дума выдѣлила изъ своей среды временный комитетъ для водворенія порядка. Въ него вошли—предсѣдатель Родзянко, члены Гос. Думы:—Керенскій, Чхеидзе, Милюковъ, Шульгинъ, Кагауловъ, Коноваловъ, Дмитрюковъ, Ржевскій, Шидловскій, Некрасовъ, Львовъ, и полковникъ Энгельгардъ.

На вторую телеграмму Родзянко, Николай также ничего не отвѣтилъ. Вмѣсто этого онъ двинулъ изъ окрестностей Петрограда эшелоны войскъ на усмиреніе. Всѣ они прибыли на другой день въ столицу и присоединились къ возставшимъ; во главѣ со своими офицерами, въ полномъ и стройномъ порядкѣ, съ исполненіемъ марсельезы, подходили они къ зданію Гос. Думы. Родзянко и депутаты привѣтствовали ихъ и говорили рѣчи въ общемъ на тему о томъ, что благо родины требуетъ ихъ участія въ революціи, но что необходимо соблюдать порядокъ, чтобы въ анархіи не погибло дѣло свободы и дабы съ новыми силами вести борьбу съ нѣмцами.

Въ этотъ же день возставшіе рабочіе дали также сигналъ къ организаціи и по фабрикамъ и заводамъ начали собирать и посылать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу въ Думу. Такъ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Въ тотъ день во всѣхъ частяхъ города стали раздаваться залпы изъ пулеметовъ и ружей, съ крышъ домовъ и даже кое гдѣ съ колоколенъ церквей. Стрѣляли главнымъ образомъ по солдатамъ и многихъ ранили. Были и убитые. Къ вечеру по городу стали носиться во множествѣ автомобили, полные вооруженныхъ солдатъ и обстрѣливали залпами дома, изъ которыхъ раздавались выстрѣлы. Возставшіе заняли Петропавловскую крѣпость и освободили оттуда 19 арестованныхъ въ первые дни революціи солдатъ. Арестовали и доставили въ этотъ день въ зданіе Гос. Думы—Щегловитова.

28 февраля вооруженныя толпы, солдаты и автомобили направились къ окраинамъ къ казармамъ, гдѣ оставались еще не присоединившіяся части войскъ, или же были сидѣвшіе подъ арестомъ за отказъ выйти на усмиреніе войска. Снова произошла перестрѣлка изъ ружей и снова городовые то здѣсь то тамъ стрѣляли изъ пулеметовъ. Ихъ розыскивали и арестовывали, а часто и убивали на мѣстѣ. Къ 12-ти часамъ всѣ войсковыя части были уже на сторонѣ революціи. Прибыло два Сибирскихъ полка, посланныхъ на усмиреніе столицы. Они торжественно прослѣдовали къ зданію Гос. Думы и ихъ привѣтствовали толпы народа.

Съ утра сіяло солнце. Все населеніе высыпало на улицы, по которымъ въ массѣ съ грохотомъ носились автомобили и среди нихъ нѣсколько бронированныхъ чудовищъ съ пулеметами. Городовыхъ, стрѣлявшихъ изъ засады съ чердаковъ, и крышъ, розыскивали и убивали. Полицейскіе въ этотъ день, въ отчаяніи, въ предвидѣніи конца, безпорядочно стрѣляли повсюду. Ихъ приготовленные Протопоповымъ пулеметы оказались безпомощны. Толпы, не безъ участія освобожденныхъ уголовныхъ, громили и жгли участки мировыхъ судей и заканчивали погромы еще уцѣлѣвшихъ участковъ полиціи. Были розысканы и арестованы многіе изъ видныхъ сановниковъ: Сухомлиновъ, Протопоповъ, Штюрмеръ, Маклаковъ и пр.

Рабочіе пороховыхъ заводовъ заняли Шлиссельбургъ и освободили тамъ заключенныхъ политическихъ каторжанъ. Вечеромъ явился въ Гос. Думу великій князь Кириллъ Владиміровичъ, командиръ гвардейскаго флотскаго экипажа и заявилъ покорность Гос. Думѣ за себя и за свою часть.

Члены Гос. Совѣта въ этотъ день послали телеграмму Николаю о необходимости для него покориться и назначить отвѣтственное министерство. Отвѣта и на это не послѣдовало.

МАРТОВСКІЕ ДНИ ВЪ МОСКВѢ:

У зданія Думы 8-го марта, на Страстной площ 8-го марта и у зданія Думы 1-го марта.

Къ 1-ому марту порядокъ и спокойствіе въ городѣ сравнительно было возстановлено при новомъ свободномъ режимѣ. Отъ комитета Гос. Думы былъ изданъ приказъ, что за обстрѣлъ отвѣчаютъ хозяева или управляющіе и дворники домовъ и тѣ привели нѣсколько тысячъ городовыхъ и заявили о разставленныхъ пулеметахъ. Въ этотъ же день сдалось адмиралтейство, куда укрылись подъ охраной городовыхъ и несдавшейся части войскъ подъ командой генерала Хабалова, многіе изъ видныхъ сановниковъ.

Генералъ Хабаловъ отстаивался отъ революціонныхъ войскъ всю ночь. Гремѣла артиллерійская пальба, было не мало жертвъ. Къ утру онъ сдался.

Изъ пригородныхъ мѣстъ прибыли новые полки и съ музыкой отправились къ Думѣ. Изъ Царскаго Села, изъ Ораніенбаума и Кронштадта гарнизоны прислали телеграммы о своемъ присоединеніи. Присоединеніе и тамъ не обошлось безъ борьбы и безъ жертвъ. Въ числѣ убитыхъ оказался и адмиралъ Виренъ.

Временный Комитетъ Гос. Думы назначилъ для охраны порядка своихъ коммиссаровъ во всѣ министерства и въ Москву. Комиссары заняли всѣ министерства, въ томъ числѣ и очень важные пути сообщенія, почты и телеграфы и стали отдавать приказанія. По почину Совѣта рабочихъ Депутатовъ войска также стали выбирать своихъ депутатовъ отъ каждой роты и образовался совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Для охраны порядка въ городѣ стала образовываться городская милиція. Въ общемъ революція прошла сдержанно, сурово, сосредоточенно и трезво.

Въ Москвѣ Петроградскія событія стали извѣстны 28 февраля. Это взволновало весь городъ и съ утра по всѣмъ улицамъ шли толпы народа съ красными флагами и пѣніемъ революціонныхъ гимновъ. Шествіе направлялось къ зданію Городской Думы на Воскресенской площади. Полиціи уже нигдѣ не было. Въ Думѣ въ это время уже собрался комитетъ, составленный изъ представителей города, городскихъ и земскихъ союзовъ, военно-промышленнаго комитета, биржевыхъ комитетовъ, купеческаго общества и кооперативовъ. Въ составъ комитета вошло 150 человѣкъ, изъ которыхъ выбирали комитетъ общественной безопасности для управленія городомъ.

На площади скопилось народа до восьми тысячъ. Для охраны народа пришли войска. Исключительную энергію и революціонную инициативу проявилъ полковникъ Грузиновъ, благодаря энергичной, смѣлой и рѣшительной дѣятельности котораго, городъ вскорѣ былъ въ рукахъ революціонеровъ. При чемъ взятіе города въ руки повстанцевъ произошло почти безъ кровопролитія.

Съ утра 2-го марта манифестаціи въ городѣ возобновились.

Толпы тянулись къ Думѣ и на Красную площадь (гдѣ происходили митинги). Присоединявшіеся части войскъ также направлялись къ Думѣ и шли въ полномъ парадѣ съ музыкой и съ красными знаменами.

Въ зданіи Думы съ утра происходили собранія, въ которыхъ участвовало свыше пятисотъ представителей, отъ фабрикъ, заводовъ и общественныхъ организацій. Одновременно въ другой залѣ Городской Думы засѣдалъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Примкнувшіе къ революціонному движенію офицеры избрали военный комитетъ. Въ этотъ день сдался арсеналъ, а также сдались правительственныя войска, засѣвшія въ манежъ. Утромъ въ Каретномъ ряду полицейское начальство раздавало ружья городовымъ, но всѣ городовые отказались ихъ принять. Стоявшія на охранѣ войсковыя части повсюду сдавались при первомъ требованіи революціонныхъ войскъ. Командованіе перешедшими на сторону народа войсками было поручено предсѣдателю Московской губернской Земской Управы—полковнику Грузинову. Вечеромъ 2-го марта былъ занятъ штабъ Московскаго военнаго округа. Освобождены были политическіе изъ Бутырской тюрьмы.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ рѣшилъ немедленно образовать въ замѣнъ полиціи—милицію изъ населенія. Вслѣдъ затѣмъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ было сдѣлано обращеніе къ рабочимъ о необходимости тотъ часъ же встать на работу въ интересахъ революціи. Весь московскій гарнизонъ перешелъ на сторону народа. Командующій войсками Мрозовскій былъ арестованъ. Градоночальникъ генералъ Шебеко вначалѣ скрывался, потомъ былъ также арестованъ. А 3—ьяго марта Москва уже приняла свой обычный видъ и командующій войсками Грузиновъ обратился къ народу съ воззваніемъ:—«Граждане и солдаты. Дѣло сдѣлано. Переворотъ совершился. Дѣло каждаго—вернуться къ своей работѣ. Побѣда требуетъ отъ насъ порядка».

4-го марта на Красной площади былъ совершенъ главнокомандующимъ парадъ войскамъ московскаго военнаго округа. Въ парадѣ участвовало 33.000 человѣкъ разнаго оружія. Красная площадь и всѣ прилегающія улицы были запружены тысячными толпами народа. Войска проходили передъ командующимъ войсками и представителями общественныхъ организацій церемоніальнымъ маршемъ, съ оркестрами музыки и полковыми знаменами. Многіе полки имѣли впереди себя красные флаги. Съ колокольни Ивана Великаго лился пасхальный красный звонъ. Эту вѣсть освобожденія и радости подхватили всѣ московскія церкви. Такъ отпраздновала Москва великій день освобожденія.

Армія—вооруженный народъ—совершила этотъ переворотъ. Старое правительство уже не могло залить и затопить кровью ре-

волюцію и народное возстаніе, потому что народъ и армія слились и сдѣлались однимъ и тѣмъ же грознымъ врагомъ самодержавія.

II.

Сверженіе съ трона Николая II-го.

Упорство, съ какимъ Николай II-ой отвергалъ всѣ предложенія предсѣдателя Гос. Думы Родзянко, похоже было на безуміе, вызванное какимъ то слѣпымъ отчаяніемъ. Вѣрилъ-ли Николай въ призрачную вѣрность войскъ, считалъ ли онъ фантастической мысль о возможности отшатнуться войскамъ отъ монархической присяги, но, во всякомъ случаѣ, онъ, какъ и прежде, когда заливалъ кровью революціонную Россію, думалъ только объ одномъ:— чтобы новыми убійствами и новыми потоками крови возстановить самодержавный тронъ и прочно возсѣсть снова на этомъ старомъ, напитанномъ народной кровью тронѣ русскаго абсолютизма.

28-го февраля, вечеромъ, когда событія стали принимать грозный характеръ, во дворцѣ одного изъ великихъ князей состоялось совѣщаніе представителей всѣхъ воинскихъ частей Петрограда и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Былъ вызванъ также начальникъ гарнизона Царскаго Села кн. Путятинъ. На вопросъ старшаго изъ великихъ князей, каково настроеніе царскосельскаго гарнизона, послѣдовалъ отвѣтъ:—«Неопредѣленное»....

Такой же мало утѣшительный отвѣтъ послѣдовалъ и на вопросъ о томъ, какова численность гарнизона. Въ этотъ же вечеръ спеціально приглашенный бывшій царскій юрисконсультъ составилъ «манифестъ» о новой конституціи. Рѣшено было съ этимъ текстомъ ѣхать въ Петроградъ и получить подпись Михаила Александровича, отъ Николая же второго потребовалъ акта отреченія.

Въ ночь на 1-ое марта къ дому № 7 на Пантелеймоновской улицѣ подкатилъ автомобиль великаго князя Павла Александровича и, забравъ живущаго въ этомъ домѣ присяжнаго повѣреннаго, отвезъ его въ Царское Село для редактированія важнѣйшаго документа. Впослѣдствіи этотъ документъ былъ переданъ П. Н. Милюкову.

Такимъ образомъ, сущность совершающихся событій была ясна всѣмъ, кромѣ самого Николая.

Въ послѣдней ауденціи М. В. Родзянко сказалъ Николаю:— «Чувствую, что въ послѣдній разъ докладываю вамъ, государь»....— На вопросъ бывшаго царя, почему онъ такъ думаетъ, Родзянко отвѣтилъ:

— «Или вы распустите Думу, или наступятъ событія, которыя принесутъ рѣшительныя измѣненія въ нашемъ строѣ»...

Доклады Родзянко не разъ сопровождались предупрежденія-

ми. Онъ указывалъ на растущее недовольство, на разстройство государственныхъ дѣлъ и недопустимую неудовлетворительность министровъ. Настроеніе страны не касалось и не опредѣляло рѣшеній бывшаго царя. Онъ полагалъ, что страна и народъ могутъ быть охвачены какими угодно желаніями и порывами, но что рѣшеній и мѣръ высшаго правительства это не должно ни въ какой мѣрѣ связывать. Николай слишкомъ привыкъ, по всему своему предыдущему опыту, знать, что желанія и идеи народа во всемъ и въ корнѣ противоположны желаніямъ самодержавнаго правительства, желающаго оставаться таковымъ. А потому, единственнымъ раціональнымъ образомъ правленія Николай привыкъ считать такое, при которомъ режимъ страны вводится наперекоръ и въ разрѣзъ съ волей народа и насильно, со скрежетомъ зубовнымъ, порабощаетъ его мѣропріятіямъ властей.

Послѣ убійства Распутина дворъ подпалъ всецѣло подъ вліяніе Протопопова. Ренегатъ-министръ, перекинувшійся изъ стана либераловъ въ станъ «черныхъ», перещеголявшій цинизмомъ и угодничествомъ многихъ своихъ предшественниковъ, увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно. Протопоповъ увѣрялъ, что онъ подавилъ «ревлюцію сверху» (намекъ на высылку князей Юсупова и Дмитрія Павловича), я подавлю и «революцію снизу».

На всѣ предъявляемыя къ Николаю второму требованія убрать Протопопова, Николай отвѣчалъ непреклоннымъ рѣшеніемъ оставить Протопопова на своемъ посту руководителя внутренней политики страны. Послѣдняя ауденція, которую получилъ у бывшаго царя Родзянко, была непродолжительна и «немилостива». М. В. Родзянко слушали только по необходимости, не рѣшаясь идти на открытый разрывъ съ Думой; его принимали только въ крайнихъ случаяхъ, часто недѣлями не отвѣчали на просьбу объ аудіенціи, большей частью предоставляя ему составить письменный докладъ.

Такъ отвѣчалъ Николай на всѣ представленія и голоса, вѣщавшіе ему объ опасномъ состояніи страны и о неудовлетворительности постановки государственнаго дѣла. Такъ когда задолго до войны А. И. Гучковъ сдѣлалъ свой знаменитый докладъ Николаю о нашихъ военныхъ недочетахъ, Николай заинтересовался не указанными дефектами, а тѣмъ, что Гучкову извѣстны тайныя прорухи нашего военнаго дѣла. И въ результатѣ послѣдовала отставка товарища министра Поливанова.

Такъ же были устранены такіе совѣтчики, какъ Джунковскій, кн. Орловъ и Дрентельнъ. Старуху Марію Федоровну давно перестали слушать и она оставила свой дворецъ и переѣхала въ Кіевъ, подчеркивая тѣмъ, что она никакого участія во внутренней политикѣ не принимаетъ.—«Всѣ, кто могъ сказали слово,—говоритъ

одинъ изъ публицистовъ,—но въ Царскомъ отмахивались отъ всѣхъ и оставались въ обществѣ Воейкова и Протопопова, не подошелъ даже правый Треповъ. Только безпомощный и совершенно не соотвѣтствовавшій никакимъ цѣлямъ и задачамъ государственнаго управленія въ трудный и отвѣтственный моментъ Голицынъ оказался именно нужнымъ по своей безпомощности.

Начавшіяся въ Петроградѣ событія были полной неожиданностью для царской ставки. Обо всемъ, происходящемъ въ Петроградѣ, докладывалъ бывшему царю ген. Алексѣевъ, также, какъ и содержаніе полученныхъ отъ Родзянко писемъ и телеграммъ. Начальникъ штаба пытался убѣдить Николая пойти на уступки, но успѣха не имѣлъ.

27-го февраля лицамъ свиты бывшаго царя предложено было экстренно приготовиться къ отъѣзду въ два часа ночи. Никто не зналъ, въ чемъ дѣло и почему такая экстренность: въ ставкѣ о событіяхъ почти ничего не было извѣстно, кромѣ отрывочныхъ слуховъ. Ночью была получена телеграмма изъ Царскаго Села о томъ, что тамъ все спокойно. Телеграмма заканчивалась просьбою къ Николаю немедленно пріѣхать. Утромъ, между 4 и 5 часами, царскій поѣздъ отошелъ окружнымъ путемъ на Лихославль и Тосно въ обычномъ составѣ. Впереди шелъ литерный поѣздъ Б. съ лицами свиты, не было взято никакой охраны, кромѣ обычной. Въ Лихославлѣ стало извѣстно свитѣ царя объ извѣстной телеграммѣ комиссара Гос. Думы Бубликова о своемъ вступленіи въ управленіе желѣзнодорожной сѣтью. Здѣсь же была получена и вторая телеграмма отъ Коменданта Николаевскаго вокзала Грекова съ приказомъ отправить оба литерныхъ поѣзда не въ Царское Село, а въ Петроградъ.

Дворцовому коменданту Воейкову доложено было объ этихъ телеграммахъ, но онъ приказалъ ѣхать дальше. Доѣхали до Малой Вишеры, но здѣсь принуждены были остановиться. Предыдущій литерный поѣздъ былъ уже задержанъ и дальше двигаться было уже невозможно.

Разбудили царя, дворцовый комендантъ доложилъ ему, что продолжать путешествіе нѣтъ возможности, такъ какъ желѣзная дорога находится въ рукахъ революціонеровъ. Рѣшено было повернуть по направленію къ Пскову и ѣхать къ генералу Рузскому. 1-го марта въ восемь часовъ вечера поѣздъ бывшаго царя прибылъ въ Псковъ.

Телеграммы бывшей царицы Николаю вначалѣ констатировали сравнительное спокойствіе, подписаны они именемъ Аликсъ, среднимъ между Александрой и Алисой. Но уже вечеромъ 25 февраля отправленная въ ставку Николаю Романому телеграмма была исполнена содержанія тревожнаго: «Совсѣмъ нехорошо въ горо-

дѣ. Хочу, чтобы старикъ (гр. Фридериксъ) опубликовалъ что всѣ трое заболѣли нѣсколько дней назадъ корью и все идетъ нормально, чтобы избѣжать фальшивыхъ толковъ. «Аликсъ». 26-го февраля Александра Федоровна сообщаетъ:—«Очень безпокоюсь относительно города». Въ тотъ же день Александрой Федоровной была отправлена телеграмма по англійски шифрованная, въ которой первая фраза обозначаетъ:—«революціонное движеніе продолжаетъ распространяться». А на слѣдующій уже день бывшая царица сообщаетъ:—«Революція вчера приняла ужасающіе размѣры. Знаю, что присоединились и другія части. Извѣстія хуже, чѣмъ когда бы то ни было».

Въ часъ дня 27 февраля бывшая царица, понимая, вполнѣ отчетливо критическое положеніе, шлетъ слѣдующую телеграмму:—«Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войскъ перешло на сторону революціи». Вечеромъ 27-го числа она сообщаетъ Николаю, что окружной судъ горитъ. Въ промежутокъ же времени между 28-мъ февраля и 7-мъ марта, когда уже все стало яснымъ и надѣяться больше было не на что,—бывшая царица въ своихъ сообщеніяхъ Николаю пишетъ о здоровьи дѣтей, о своемъ настроеніи, даже о погодѣ, но ни разу о революціи. Послѣдняя телеграмма, возможно шифрованная, гласила:—«14 градусовъ мороза, солнечный день».

По пріѣздѣ въ Псковъ бывшій царь былъ угрюмъ; переговоривъ съ Рузскимъ, Николай послѣ нѣкотораго размышленія объявилъ, что онъ согласенъ издать актъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. Однако ген. Рузскій заявилъ ему, что уже поздно и что никакія уступки уже ни къ чему не приведутъ. Утромъ 2-го марта Рузскому удалось по прямому проводу переговорить съ Родзянко. Когда онъ доложилъ Николаю о результатахъ своихъ переговоровъ съ Родзянко, бывшій царь согласился подписать актъ объ отреченіи въ пользу сына Алексѣя. Однако телеграмма съ сообщеніемъ объ отреченіи въ пользу Алексѣя отправлена не была, ибо было получено сообщеніе, что въ Псковъ выѣхали два делегата Гос. Думы Гучковъ и Шульгинъ. Рѣшено было подождать съ отсылкой телеграммы для того, чтобы согласовать свои дѣйствія со словами делегатовъ исполнительнаго комитета Гос. Думы.

Гучковъ и Шульгинъ прибыли въ Псковъ вечеромъ 2-го марта, и въ этотъ промежутокъ времени Николай измѣнилъ свое рѣшеніе подписать отреченіе въ пользу Алексѣя и рѣшилъ это сдѣлать въ пользу Михаила Александровича. На вокзалѣ, въ моментъ прибытія делегатовъ Исполнительнаго Комитета собралась публика, встрѣтившая делегатовъ криками ура. И здѣсь на вокзалѣ произошла бесѣда между делегатами и Николаемъ. При подписаніи отреченія присутствовалъ начальникъ военно-походной канцеля-

ріи Нарышкинъ, вмѣсто престарѣлаго Фридерикса. 3-го марта поѣздъ бывшаго царя направился изъ Пскова въ Могилевъ, ибо Николай считалъ себя тамъ въ наибольшей безопасности. Черезъ станцію Дно, поѣздъ Николая прибылъ безъ всякихъ препятствій; въ ставкѣ Николай принялъ обычный докладъ Алексѣева. Остановился Николай въ губернаторскомъ домѣ, но на свои обычныя прогулки не выходилъ. За завтраками царило тяжелое мрачное настроеніе. 4-го марта пріѣхала Марія Федоровна, обѣдала съ царемъ и имѣла съ нимъ продолжительныя интимныя бесѣды.

Начиная съ 4-го марта всякія сношенія бывшаго царя со штабомъ главнокомандующаго прекратились. Только генералъ Алексѣевъ имѣлъ два раза продолжительныя бесѣды съ Николаемъ.

Повидимому, Николай уже окончательно убѣдился, что всѣ возможныя попытки реставраціи не приведутъ ни къ чему. Попытка генерала Иванова съ его «походомъ» была послѣдней.

Вечеромъ 28-го февраля вслѣдъ за поѣздомъ Николая выѣхалъ съ георгіевскимъ батальономъ генералъ Н. І. Ивановъ. Сообщаютъ, что Ивановъ ѣхалъ съ опредѣленной цѣлью подавлять революцію, за что ему было обѣщано Николаемъ назначеніе его диктаторомъ и самыя широкія полномочія. Батальонъ Иванова несъ личную охрану въ ставкѣ и былъ личной гвардіей Николая II-го. Часть офицеровъ этого батальона отказалась отъ поѣздки, узнавъ о цѣляхъ, выѣхала лишь наиболѣе реакціонная часть офицерства. Что же касается солдатъ, то они были въ полномъ недоумѣніи и на каждой станціи требовали газетъ. Передъ посадкой ихъ въ вагонъ ген. Ивановъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ который напоминалъ о долгѣ службы царю. Каждому солдату было дано по сто двадцать патроновъ, въ одномъ же изъ вагоновъ сидѣла пулеметная рота съ 3-мя пулеметами. Съ головокружительной быстротой поѣздъ летѣлъ въ Петроградъ. По дорогѣ ген. Ивановъ приказывалъ останавливать всѣ поѣзда, идущіе изъ Петрограда: въ этихъ поѣздахъ Ивановымъ приказывалось производить обыски; найденныхъ съ прокламаціями солдатъ немедленно арестовывали.

1-го марта поѣздъ Иванова прибылъ въ Царское Село утромъ, гдѣ конвойцы объявили солдатамъ Иванова, что они уже сдались Новому Правительству. Неопредѣленное положеніе смѣнилось извѣстіемъ, что къ Царскому Селу идетъ 4-ый стрѣлковый полкъ, при чемъ, въ случаѣ отказа георгіевскихъ кавалеровъ быть съ ними заодно на сторонѣ новаго Правительства, они вступятъ съ ними въ бой. Тогда ген. Ивановъ приказалъ садиться въ поѣздъ и отходить отъ станціи. Машинистъ отказался вести поѣздъ, солдаты сами повели поѣздъ. Пришлось, узнавая о движеніи за георгіевцами революціонныхъ войскъ, убѣгать отъ нихъ и кружить. Пріѣ-

хавъ, наконецъ, въ ставку и посовѣтовавшись съ отрекшимся царемъ, Ивановъ понялъ, что возврата къ прошлому нѣтъ. Онъ выстроилъ своихъ кавалеровъ, попрощался съ ними, пожелалъ имъ вѣрно служить новому правительству и уходилъ отъ нихъ, плача. Солдатамъ прочли манифесты объ отреченіи и о назначеніи Николая Николаевича, встрѣченныя криками ура.

Было еще предположеніе послать въ Петроградъ съ фронта популярнаго генерала Брусилова, снабдивъ его диктаторскими полномочіями и согласіемъ бывшаго царя на отвѣтственное министерство. Но планъ этотъ былъ также быстро отвергнутъ. Генералу Воейкову приписываютъ предположеніе измѣнническое: открыть минскій фронтъ и подавить возстаніе соединенными силами—русскими и германскими. Надежда бывшаго царя на ген. Рузскаго, какъ оказалось, не имѣла никакихъ основаній. ген. Рузскій на станціи Псковъ въ бесѣдѣ съ Николаемъ въ повышенной и рѣзкой формѣ высказалъ ему свои мнѣнія о томъ, что вся политика послѣднихъ лѣтъ была тяжелымъ сномъ и сплошнымъ недоразумѣніемъ и что гнѣвъ народный не можетъ простить этого. Съ чувствомъ презрѣнія говорилъ Рузскій объ именахъ Щегловитова, Сухомлинова, Протопопова и обо всемъ, что окружало бывшаго царя.

Когда стало извѣстно постановленія Временнаго Правительства о лишеніи свободы Николая II-го, послѣдній оставался наружно спокойнымъ, на лицѣ его было замѣтно волненіе лишь 8-го числа, при отправленіи изъ Могилева. Когда поѣздъ прибывалъ въ Царское Село, на вопросъ герцога Лейхтенбергскаго, не имѣетъ ли онъ какихъ либо указаній, желаній или распоряженій,—Николай отвѣтилъ ему:—«Прошу васъ слушаться и подчиняться временному правительству. Это единственное мое указаніе и просьба».

Корреспондентъ, наблюдавшій бывшаго царя во время его послѣдняго пребыванія въ ставкѣ, сообщаетъ, что Николай чрезвычайно измѣнился и что по наружности онъ былъ необычайно старообразенъ; мѣшки подъ глазами, дряблость кожи и нездоровый видъ подчеркивалъ перемѣну, заставляя въ то же время вспомнить слухъ о систематическомъ спаиваніи бывшаго царя. Подергиванія лицомъ и плечами совершались въ это время почти безпрерывно.

Въ 4 часа дня 8-го марта вышелъ поѣздъ изъ Могилева, отвозившій Николая въ Царское Село. Прибывъ туда, Николай попрощался со свитой, поблагодарилъ за службу и вышелъ изъ вагона. Онъ былъ одѣтъ въ черкеску 6-го кубанскаго казачьяго полка, въ черной папахѣ и пурпуровомъ башлыкѣ на плечахъ. На

груди у него былъ орденъ Георгія, на поясѣ—казачій кинжалъ. Николая препроводили въ Александровскій дворецъ.

Порученіе выполнить постановленіе Временнаго Правительства о лишеніи Николая II-го свободы, возложено было на членовъ Гос. Думы: Бубликова, Грибунина, Вершинина и Калинина.

Отреченіе Михаила Александровича послѣдовало почти немедленно за отреченіемъ Николая II-го. Въ присутствіи членовъ исполнительнаго Комитета въ полномъ составѣ Родзянко въ мягкихъ выраженіяхъ изложилъ Михаилу Александровичу положеніе вещей, добавивъ, что рѣшеніе вопроса будетъ зависѣть отъ самого Михаила Александровича, что никакого давленія на него произведено не будетъ и что отвѣтъ его долженъ быть свободный, но немедленный.

Среди собравшихся начался относительно этого обмѣнъ мнѣній. Часть высказалась противъ отреченія Михаила Александровича, большинство же, находя, что Михаилъ Александровичъ долженъ подчиниться обстоятельствамъ, которыя диктуютъ необходимость отречься отъ престола. Послѣ обмѣна мнѣній Михаилъ Александровичъ заявилъ, что онъ желалъ бы обмѣняться мнѣніями отдѣльно съ Родзянко и Львовымъ, но Родзянко возразилъ:—«Мы всѣ представляемъ изъ себя одно цѣлое и никакихъ частныхъ разговоровъ вести не можемъ». Противъ этого рѣшительно возразилъ Керенскій, находившій, что Михаилу Александровичу должна быть разрѣшена частная бесѣда при условіи отсутствія на него какого либо давленія. Состоявшаяся послѣ этого бесѣда Михаила Александровича съ Родзянко и Львовымъ окончилась тѣмъ, что Михаилъ Александровичъ вышелъ и заявилъ, что безъ одобренія народа онъ не считаетъ для себя возможнымъ принять престолъ: онъ отказывается отъ него и предоставляетъ черезъ Учредительное Собраніе установить народу тотъ или иной образъ правленія. На это заявленіе Михаила Александровича Керенскій отвѣтилъ, что поступокъ его оцѣнитъ исторія,—онъ дышетъ благородствомъ, высоко-патріотиченъ и обнаруживаетъ большую любовь къ родинѣ.

Вмѣстѣ съ лишеніемъ свободы Николая II-го состоялся арестъ и Александры Федоровны, произведенный командующимъ войсками петроградскаго военнаго округа Корниловымъ. При объявленіи бывшей царицѣ объ ея арестѣ у нея на глазахъ появились слезы и она забилась въ истерикѣ. Генералъ Корниловъ распорядился также объ арестѣ всѣхъ окружающихъ Александру Федоровну лицъ. Бывшая царица, прійдя въ себя, сказала Корнилову:—«Я въ вашемъ распоряженіи, — дѣлайте со мною, что хотите»... Ген. Корниловъ приставилъ стражу ко всѣмъ телефонамъ и телеграфамъ во дворцѣ и изолировалъ бывшую царицу.

Подлѣ нея въ послѣднее время оставался лишь гофлектриса Шнейдеръ, гр. Апраксинъ, гр. Бенкендорфъ и фрейлина Вырубова. Съ мыслью о переворотѣ бывшая царица очень долго никакъ не могла освоиться и все повторяла:—«это не революція, а просто народный бунтъ». Настроеніе ея было угнетенное. О судьбѣ, ожидающей фамилію Романовыхъ, она избѣгала говорить даже съ самыми близкими людьми, и лишь останавливалась на предстоящей, предполагаемой поѣздкѣ за границу.

До послѣдняго момента, она упорно повторяла, что все обстоитъ благополучно и что всѣ кандидаты на посты отвѣтственнаго министра—враги династіи.—«Кто противъ насъ,—говорила она,—кучка аристократовъ въ Петроградѣ, играющихъ въ бриджъ и ничего не понимающихъ. Я двадцать два года сижу на тронѣ, знаю Россію, объѣздила ее всю и знаю, что народъ нашъ любитъ нашу семью»...

Среди мотивовъ, побудившихъ совѣтъ министровъ къ лишенію свободы Николая II-го и Александры Федоровны, явилось также и то обстоятельство, что военнымъ министромъ Гучковымъ были получены свѣдѣнія о телеграфной перепискѣ между бывшимъ царемъ и царицей, которая имѣла шифрованныя мѣста. Въ виду нарушенія Николаемъ Романовымъ даннаго имъ слова сноситься по телеграфу съ Царскимъ Селомъ, отнюдь не прибѣгая къ условному шифру, совѣтъ министровъ счелъ необходимымъ немедленное лишеніе свободы бывшихъ царя и царицу.

Согласно очень важнымъ показаніямъ ген. Рузскаго, онъ вынесъ впечатлѣніе, что, вопреки носившимся слухамъ, Николай былъ очень хорошо освѣдомленъ обо всѣхъ событіяхъ. Въ теченіе 24 часовъ имъ было подписано три акта: въ 2 часа ночи 2-го марта манифестъ о дарованіи отвѣтственнаго министерства. Въ 3 часа дня—отреченіе въ пользу сына Алексѣя. Послѣ чего послѣдовало новое рѣшеніе, по мотивамъ, которые Николай и высказалъ ген. Рузскому («сынъ мой не отличается крѣпкимъ здоровьемъ и я не желаю съ нимъ разставаться»)—въ 10 час. вечера—отреченіе въ пользу Александра Михайловича. Полное представленіе о томъ, что никакимъ иллюзіямъ о возвратѣ власти не можетъ быть никакого мѣста, Николай, по словамъ Рузскаго, получилъ тогда, когда услышалъ, что Родзянко отказывается пріѣхать по просьбѣ Николая на свиданіе къ нему въ Псковъ.

Документъ отреченія Николая II-го представляетъ собой плотный телеграфный бланкъ, на которомъ на пишущей машинѣ изложенъ актъ отреченія. Подпись «Николай» покрыта лакомъ.

По показаніямъ Шульгина, пріѣхавшій съ соотвѣтствующими полномочіями Гучковъ, сказалъ цѣлую рѣчь Николаю II-му, объ обстоятельствахъ, дѣлающихъ неизбѣжными актъ отреченія. —

«Онъ говорилъ, не глядя на Николая, положивъ правую руку на столъ и опустивъ глаза». Когда Гучковъ договорилъ, закончивъ мыслью, что единственнымъ выходомъ является отреченіе Николая II-го и назначенія регентомъ Михаила Александровича, Николай совершенно спокойно отвѣтилъ:

—«Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. До трехъ часовъ дня я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу сына, но потомъ я понялъ, что разстаться со своимъ сыномъ я не въ состояніи».

Тутъ онъ сдѣлалъ очень короткую остановку и все такъ же очень спокойно прибавилъ:

— «Вы это, надѣюсь, поймете... Поэтому я рѣшился отречься отъ престола въ пользу моего брата»...

Послѣ общаго обдумыванія этого новаго обстоятельства, Гучковъ и Шульгинъ пришли къ согласію на отреченіе Николая въ пользу Михаила. Послѣ этого Николаемъ былъ предложенъ вопросъ, относительно того, могутъ ли члены Гос. Думы, съ которыми онъ велъ переговоры объ отреченіи, взять на себя отвѣтственность въ рѣшеніи вопроса, о томъ, что отреченіе Николая дѣйствительно внесетъ успокоеніе въ страну. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Николай ушелъ въ сосѣдній вагонъ и затѣмъ снова вошелъ къ членамъ Гос. Думы съ листкомъ, на которомъ былъ актъ отреченія. Онъ протянулъ его и сказалъ:

— «Вотъ актъ отреченія, посмотрите»...

Въ текстъ Николая была внесена только одна поправка: послѣ словъ: «заповѣдаемъ брату вашему править дѣлами государственными въ полномъ и нерушимомъ единеніи съ представителями народными въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, какія будутъ установлены», попросили его вставить фразу:—«принося въ этомъ всенародную присягу». Николай на это согласился, замѣнивъ лишь словомъ «нерушимую» словомъ— всенародную.

Подпись «Николай» была сдѣлана карандашомъ. Что касается отвоза этого документа въ Петроградъ для сдачи его въ надежныя руки, то Шульгинъ сообщаетъ, что—«были минуты, когда документъ подвергался опасности»,—не объясняя въ какомъ смыслѣ понималъ онъ эту опасность.

Такъ состоялось сверженіе послѣдняго изъ такъ называемыхъ Романовыхъ, относительно которыхъ историки устанавливаютъ прекращеніе рода, начиная съ Петра 3-ьяго, убитаго въ 1762 году. Какъ бы то ни было, номинальная или фактическая, но династія Романовыхъ, являвшаяся тучнымъ ларвомъ, напитаннымъ русской кровью, теперь ушла изъ ея жизни. Безсмысленная и кровавая эпопея русскаго самодержавія заключила свою послѣднюю страницу.

III.

Въ глубинѣ дворца.

О вліяніи Александры Федоровны на Николая второго все болѣе увеличивались слухи, начиная съ послѣднихъ годовъ царствованія. Повидимому, все болѣе падающая воля, полная парализація умственной и моральной инициативы, разрастающаяся пассивность, въ связи съ алкоголическими пристрастіями и общей жизненной вялостью, представляя очень удобную почву для подчиненія чужому сильному вліянію, каковымъ было вліяніе бывшей царицы. Деспотическая и властная, сама одержимая навязчивыми представленіями, въ которыхъ хаотически были слиты мотивы религіозные, абсолютистскіе, эротическіе,—она совершенно подавляла слабую волю Николая; и это тѣмъ легче ей было сдѣлать, что въ общемъ, тенденціи бывшей царицы носили ту же густую окраску самодержавнаго деспотизма, который былъ такъ близокъ сердцу Николая.

Между прочимъ, ген. Рузскій подчеркиваетъ въ бесѣдѣ съ журналистомъ Л. Пасынковымъ этотъ мотивъ подчиненія Николая своей женѣ. Высказавшись, что на Николая вообще вліяло каждое послѣднее по времени воздѣйствіе, Рузскій подчеркнулъ особенную силу вліянія Александры Феодоровны. Соединяя ея имя съ именемъ Распутина въ общихъ мотивахъ религіозно-бытовыхъ и политическихъ, Рузскій отрицаетъ какія либо интимныя отношенія бывшей царицы съ этимъ мужикомъ.

Для будущаго историка русскаго общественно-политическаго быта съ его чрезвычайно своеобразными и сложными фигурами, колоритно-уродливыми и связанными съ темной подпочвой наслоившихся психологическихъ уродливостей въ русскомъ быту, представитъ нѣкоторый интересъ документъ отношеній бывшей царицы къ Распутину въ видѣ ея письма къ нему, (найденному среди бумагъ Распутина) и писемъ дочерей царя къ тому же— «святому старцу». Въ письмѣ Александры Федоровны ясно чувствуется характеръ мистико-интимной привязанности и какъ бы одержимости. Что же касается писемъ дочерей, то эти письма своей однотонностью и однимъ общимъ характеромъ содержанія являются какъ бы копіей одного и того отношенія: несомнѣнно самой бывшей царицы. Письма какъ бы продиктованы Александрой Федоровной относительно системы воспитанія, дочерей, которой можно предположить тотъ же деспотическій, узко-нѣмецкій характеръ властнаго регулированія.

Вотъ письмо Александры Федоровны; орѳографія его своеобразна:

—«Радость неописуемая, что Ты, возлюбленный нашъ, былъ у насъ. Какъ тебя достаточно благодарить за все, не могла не говорить, ни слушать, одно только было чувство.—Ты съ нами, только заснуть на твоемъ плечѣ, спокойно, мирно, тишина кругомъ, душа куда то далеко ушла. Ты ее туда взялъ, куда она стремится. Спасибо за это забвеніе.

Но потомъ, какъ она томится, тянется къ тебѣ и къ нашему великому, какъ тебя назвать, ты намъ все. Прости ты мнѣ, учитель мой, сознаю, знаю согрѣшила и грѣшу. Прости и терпи, стараюсь быть лучше, но не удается. Знаю, что многое нехорошее дѣлаю и мыслю, хочется быть хорошимъ христіаниномъ, добрымъ человѣкомъ, но трудно. Сколько придется бороться съ плохими привычками, но ты мнѣ поможешь, не оставишь, я слабая, но хотя тебя одного только люблю и вѣрю Тебѣ.

Нашей Аннушкѣ (Вырубова) помоги, ей страшно трудно. Она мнѣ попросила о себѣ не писать, такъ что больше не буду. Ты и такъ все знаешь. Дай намъ Богъ радость скораго свиданія. Крѣпко тебя цѣлую, ты меня благослови и прости. Я твоя дитя. А».

Когда распространились слухи о смерти Распутина, Александра Федоровна въ декабрѣ отправила въ ставку къ бывшему царю телеграмму:—«Обезпокоена незнаніемъ подробностей, слухами. Помни то, что я писала послѣднюю недѣлю». Аликсъ». А черезъ нѣсколько дней отправлена была другая, болѣе опредѣленнаго характера телеграмма по тому же поводу:—«Можешь ли ты послать Воейкова сейчасъ же. Нуждаюсь въ его совѣтѣ относительно нашего друга, который пропалъ въ эту ночь. Мы продолжаемъ уповать на милость Божію. Феликсъ (кн. Юсуповъ) и Дмитрій замѣшаны. Аликсъ».

И наконецъ рѣшительная и суховатая, гласящая о трагическомъ концѣ:—«Благодарю за вчерашнюю телеграмму. Нашли въ водѣ». Аликсъ».

А вотъ письма дочерей, являющихся, судя по тону этихъ писемъ, какими то пассивными маріонетками въ этомъ разыгрывавшемся мистическомъ тайнодѣйствіи во дворцѣ Романовыхъ. Эти письма какъ бы дополняютъ послѣдними штрихами то странное, болѣзненное и хаотическое, что таилось внутри дворца и являло его интимный бытъ.

Ольга Николаевна пишетъ Распутину:—«Мой милый, дорогой любимый другъ, такъ жалко, что давно тебя не видѣла. Часто очень хочу тебя видѣть и много о тебѣ думаю. Гдѣ ты будешь на Рождествѣ, пожалуйста, напиши мнѣ. Я такъ люблю получать отъ тебя письмо. Какъ поживаютъ твои жена и дѣти. Помнишь, ты говорилъ мнѣ про Николая, *) что не надо слишкомъ. Но прав-

*) Молодой офицеръ.

да, если бы ты могъ знать, какъ это трудно, когда я вижу, то ужасно. Прости ты меня пожалуйста, я знаю, что навѣрно это не очень хорошо, мой добрый другъ. Мама дорогая дастъ Богъ въ эту зиму не будетъ больше хворать, а то это будетъ совсѣмъ страшно грустно и тяжело. Такъ бываю рада видѣть отъ времени до времени отца Феофана. Разъ его видѣла въ Новомъ Соборѣ въ Ялтѣ. Наша маленькая церковь здѣсь ужасно миленькая. До свиданія дорогой очень любимый другъ, пора чай пить. Помолись за очень вѣрную тебѣ и горячо любящую тебя Ольгу».

Второе письмо ея же слѣдующее:

— «Мой самый добрый и дорогой другъ, страшно сожалѣю, что не могла видѣть тебя въ воскресенье у Анни. Мы всѣ пятеро всегда молимся съ твоими четками. Надѣюсь, скоро опять увидимся. Очень много и часто о тебѣ думаю, мой дорогой, другъ. Мнѣ бы очень хотѣлось посмотрѣть гдѣ ты и какъ ты живешь и пожить съ тобою вмѣстѣ на родинѣ. Хочу очень скоро тебя увидѣть снова, надѣюсь это будетъ и я тогда буду такъ счастлива. Хотя бы мама скорѣе поправилась, а это такъ тяжело и грустно мнѣ, когда она нездорова и лежитъ такая слабая. Молюсь Богу, чтобы моя молитва за здоровье дорогой мамы сошлась бы съ твоей вмѣстѣ хоть немножко и чтобы Іисусъ Христосъ услышалъ ее и помогъ мамѣ быть здоровой. Конечно, никакъ не могу сравнить мою молитву съ твоею, потому что ты такъ молишься, какъ никто на свѣтѣ, мой дорогой Ангелъ. Теперь прощай. Должно тебѣ кончить писать. Крѣпко цѣлую тебя. Прошу твоего благословенія. Всегда вѣрная тебѣ, горячо тебя любящая твоя Ольга».

Татіана Николаевна пишетъ тому же старцу письмо, которое ни тономъ, ни орѳографіей, ни тѣмъ же характеромъ какой то диктовки не отличается отъ писемъ Ольги. Даже обращеніе одно и то же: — «Мой дорогой и самый близкій и милый другъ, — Я такъ жалѣю, что тебя не видѣла такъ давно, для меня это кажется цѣлымъ вѣкомъ. Я молюсь Богу, чтобы онъ помогъ бѣдной нянѣ, которая лежитъ теперь въ больницѣ. Пожалуйста, прости мнѣ всѣ мои грѣхи, которые я тебѣ сдѣлала и попроси Бога, чтобы онъ насъ грѣшныхъ простилъ и спасъ. Я всегда молюсь въ церкви, чтобы Богъ помогъ мнѣ и чтобы я ни на кого не сердилась и всѣхъ слушала, тогда всѣмъ будетъ хорошо и пріятно. Была только что въ церкви, было такъ хорошо. Навѣрное твоя жена и твои дѣти очень страдаютъ безъ тебя. Пожалуйста, возьми меня съ собой въ твою Сибирь. Мы недавно получили письмо отъ твоей милой Матренушки. Такъ бы хотѣлось ее видѣть. Какъ мнѣ страшно скучно безъ тебя, мой дорогой, милый и ненаглядный ангелъ, какъ мнѣ было скучно, когда ты былъ у себя дома и какъ я тосковала по тебѣ... Мама и я мы давно не были въ соборѣ и я страшно стрем-

люсь туда попасть. Теперь мама поправляется къ нашему великому счастію. Мы каждый день видаемъ Аню, я ее такъ люблю, она такая милая, добрая, хорошая и простая. Мы на этой недѣлѣ каждый, конечно, день ходимъ въ церковь. Въ Великому Посту у насъ только по пятницамъ и средамъ была Преосвященная Литургія. Пока до свиданія. Да хранитъ тебя Господь, мой ненаглядный другъ. Прошу у тебя твоего благословенія. Крѣпко, крѣпко цѣлую тебя и обнимаю тебя и твою ненаглядную золотую руку... Искренно преданный тебѣ твой вѣрный другъ Татьяна».

— «Мой дорогой, милый душка,—пишетъ третья дочь Николая,—Марія,—«я такъ хочу уѣхать къ тебѣ въ домъ, въ Петербургѣ. Я каждое утро читаю главу изъ Евангелія. Я бы ужасно хотѣла поѣхать въ соборъ, когда ты поѣдешь. Спроси маму, что хочу тебя видѣть одна и поговорить съ тобой о Богѣ. И хорошо было бы, если бы я съ тобой помолилась Богу. Я теперь каждую ночь сплю съ твоимъ Евангеліемъ и кладу его на себя. Какъ ты себя чувствуешь? Я знаю, что Богъ такой добрый, что онъ услышитъ наши молитвы къ нему и послушаетъ насъ грѣшныхъ. Дастъ Богъ увидимся скоро. Что ты будешь дѣлать завтра? Я каждое утро молюсь Богу и вечеромъ тоже. Да хранитъ тебя Богъ, крѣпко тебя цѣлую. Марія».

Нельзя отрицать въ этихъ письмахъ извѣстной доли дѣтской и дѣвической наивности и извѣстнаго элемента непосредственности. Опредѣленно чувствуется, что чѣмъ то Распутинъ привязалъ ихъ къ себѣ... Чѣмъ? Это секретъ его воздѣйствія на женщинъ разныхъ возрастовъ. Послѣдняя изъ корреспондентокъ и самая непосредственная Марія пишетъ: «Я хочу видѣть тебя одна и поговорить съ тобою о Богѣ»... Какого рода были бесѣды и моленія Распутина съ юными дѣвушками и женщинами, чѣмъ отличались они—это одинъ изъ секретовъ покойнаго и знавшихъ его поклонницъ, о которомъ хранятъ довольно крѣпкое молчаніе. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать и того, что элементъ большей или меньшей религіозности, правда, довольно сладенькой и сентиментальной, все же здѣсь былъ.

Письма эти выданы для печати монахомъ Илліодоромъ, которому были подарены Распутинымъ въ недолгій періодъ дружбы его и Распутина. Илліодоръ гостилъ у старца въ его домѣ въ селѣ Покровскомъ и тамъ получилъ эти письма.

IV.

Царскіе холопы.

Среди приспѣшниковъ царя въ послѣднее время игралъ наибольшую роль дворцовый комендантъ ген. Воейковъ. Сынъ оберъ-

камергера при дворѣ Александра II-го и Александра III-го, Воейковъ, по окончаніи пажескаго корпуса поступилъ въ Кавалергардскій полкъ, женился на дочери министра двора Фридерикса и благодаря этому получилъ должность дворцоваго коменданта. Свои весьма солидныя денежныя средства, Воейковъ пополнилъ, продавъ «Куваку» акціонерной компаніи за два милліона рублей. До какой степени,—пишетъ корреспондентъ Русской Воли,—велико было вліяніе Воейкова и до какой степени высшіе сановники имперіи боялись затронуть его интересы, видно изъ того, что о рекламѣ этой воды заботился самъ министръ торговли и промышленности Шаховской. Воейкова называютъ главнымъ руководителемъ всѣхъ черносотенныхъ начинаній Николая II-го. Съ ловкостью опытнаго царедворца Воейковъ, всемѣрно охранялъ свое вліяніе на бывшаго царя и былъ во всѣхъ случаяхъ его совѣтчикомъ. Недаромъ Александра Федоровна при постигшемъ ихъ семью—«несчастіи»—убійствѣ Распутина, первымъ долгомъ вспоминаетъ Воейкова и проситъ Николая прислать его въ Царское Село къ ней.

Другимъ вѣрнымъ спутникомъ бывшаго царя, былъ вѣчно пьяный, адмиралъ Ниловъ, носившій званіе флагъ-капитана царя. Званіе это было чисто почетнымъ, и только во время плаванія царя носитель этого званія исполняетъ служебныя обязанности. Ниловъ, исполнялъ ихъ всегда прескверно: при немъ царь дважды былъ посаженъ на мель въ финляндскихъ шхерахъ. Убѣжденный черносотенецъ Ниловъ отличался отъ Воейкова тѣмъ, что къ дѣламъ политики мало имѣлъ касательства.

Совершенно исключительное положеніе при дворѣ занималъ министръ двора гр. Фридериксъ, лишь недавно перемѣнившій баронскій титулъ на графскій. Это былъ послѣ Александры Федоровны главный столпъ и оплотъ нѣмецкаго вліянія. Нѣмецъ, до мозга костей, онъ глубоко презиралъ все русское, отличался глубочайшимъ черносотенствомъ, и его непосредственнаго вліянія не миновало никакое изъ назначеній. Весь дворъ считалъ Фридерикса крайне ограниченнымъ, и онъ, дѣйствительно, не разбирался въ элементарныхъ политическихъ вопросахъ. Тѣмъ поразительнѣе было его вліяніе во всѣхъ дѣлахъ, рѣшаемыхъ имъ по признакамъ обнаруженія правыхъ или лѣвыхъ убѣжденій со стороны выдвигаемыхъ на тотъ или иной постъ лицъ.

Разсказываютъ, что полгода тому назадъ, къ Фридериксу обратились два вліятелныхъ представителя иностраннаго дипломатическаго корпуса въ Петроградѣ, живо заинтересованные въ судьбахъ нашей родины. Оба дипломата указали Фридериксу на то, что создавшееся въ Россіи внутреннее положеніе угрожаетъ интересамъ союзниковъ, ведущихъ совмѣстно съ Россіей войну. Они просили министра двора использовать свое личное вліяніе на

царя и указать ему на необходимость пойти навстрѣчу справедливымъ требованіямъ народа. Они подробно изложили Фридериксу въ чемъ заключаются эти необходимыя требованія народа. Фридериксъ не могъ ясно усвоить минимумъ политическихъ правовыхъ нормъ и попросилъ изложить ему все это на бумагѣ, дабы затѣмъ доложить изложенное царю. Просьба его была исполнена, но записка была вручена съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Фридериксъ не сообщалъ о томъ, что иностранные дипломаты пытаются оказать давленіе на внутреннее управленіе союзной страны. Фридериксъ обѣщалъ выполнить условіе тайны. Но при разговорѣ съ царемъ Фридериксъ запутался, сталъ нервничать и наконецъ вынулъ злосчастную записку. Фактъ воздѣйствія дипломатовъ былъ раскрытъ и получился довольно крупный скандалъ, едва не стоившій вѣрительныхъ грамотъ одному изъ нихъ.

Еще однимъ столпомъ нѣмецкой партіи, являлся гр. Бенкендорфъ, оберъ-гофмейстеръ, братъ бывшаго посланника въ Лондонѣ. Всю жизнь будучи упорнымъ черносотенцемъ, онъ пользовался вліяніемъ долгимъ и безсмѣннымъ. Его другъ, бар. Корфъ, оберъ-церемоніймейстеръ, также пользовался большимъ вліяніемъ. Недавно, назначенный посломъ въ Румынію генералъ Мосоловъ, правая рука Фридерикса, бывшій начальникъ канцеляріи министра двора, пользовался громаднымъ вліяніемъ при дворѣ. Женатый на дочери бывшаго премьера Трепова и будучи близкимъ къ Воейкову, Мосоловъ вѣдалъ чрезвычайно крупныя и отвѣтственныя дѣла и вліялъ на многое.

Къ той же компаніи принадлежалъ и начальникъ кабинета, т.-е. фактическій министръ финансовъ царя, генералъ-лейтенантъ Волковъ, другъ Воейкова и большой пріятель царя, сопровождавшій его еще въ молодости въ Японію. Вся эта компанія вмѣстѣ съ нѣсколькими флигель-адъютантами, изъ которыхъ Свѣчинъ былъ самымъ дѣятельнымъ, составляла ядро черносотенной придворной партіи, списокъ которой необходимо еще дополнить именемъ начальника придворно-конюшенной части Гринвальда, почти не умѣющаго говорить по-русски. Онъ считался надежнымъ оплотомъ династіи и царь смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ дѣятельныхъ свершителей всѣхъ кровавыхъ дѣлъ во имя монархизма.

Генералъ Гроттенъ и гофмейстеръ Федосѣевъ также являлись людьми вліятельными въ придворномъ, приближенномъ къ Николаю кругу. Гроттенъ былъ въ большой дружбѣ съ Воейковымъ, дружилъ съ Распутинымъ и Вырубовой и въ значительной степени при дворѣ Александры Федоровны замѣнилъ Спиридовича, извѣстнаго придворнаго охранника. Федосѣевъ былъ оплотомъ самодержавія еще при Александрѣ III-емъ. Не менѣе ихъ сіяла на дворцовомъ горизонтѣ фигура друга издателя «Гражданина» Мещер-

скаго-Бурдукова. Протопоповъ, тов. министра Анциферовъ и Бурдуковъ были фактическими хозяевами министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ Бурдуковъ занималъ скромную должность чиновника особыхъ порученій съ окладомъ въ 6 тысячъ рублей. Это одна изъ характерныхъ фигуръ того цикла политическихъ авантюристовъ, которые извѣстны подъ общей кличкой темныхъ силъ.

Отецъ Вырубовой, одной изъ главнѣйшихъ распутинцевъ, пользовался большимъ вліяніемъ также. Гофъ-лектриса бывшей царицы Шнейдеръ—была одной изъ нѣжной подругъ Александры Федоровны, благодаря этой Шнейдеръ былъ выдвинутъ Штюрмеръ.

Такова та «стая славныхъ», лизавшихъ стопы Распутина, низко-поклонничающихъ, льстящихъ, продажныхъ, бездарныхъ и торгующихъ совѣстью господъ, которые окружили тѣсно сомкнутымъ кольцомъ тронъ послѣдняго русскаго царя.

Среди нихъ не было ни одного, кто обнаружилъ бы широкій государственный умъ, политическую иниціативу, развитіе, дарованіе въ той или иной области. Средній уровень этой аристократіи поражаетъ своей примитивностью, это лощеные дикари, стоящіе на самой низкой ступени развитія, интересующіеся самыми элементарными цѣнностями жизни. Деньги и честолюбіе играли здѣсь самую преимущественную роль.

Дворъ русскаго царя въ послѣднія десятилѣтія въ особенности представлялъ широкую арену для безпрепятственнаго и поистинѣ безпредѣльнаго хищничества: надо было только подслужиться, подъѣхать на животѣ къ кому надо и выдать себя или же быть по природѣ—на уровнѣ идей и взглядовъ руководящей кучки. При удачѣ счастливчикъ, вродѣ Протопопова или Воейкова или Мясолова, получалъ въ свое распоряженіе то цѣлое министерство, то безконтрольно отпускаемыя колоссальныя суммы, то, вообще, тѣ или иныя отрасли государственнаго хозяйства на расхищеніе. Именно потому дворъ Николая кишѣлъ, какъ тараканами, хищниками, авантюристами, палачами и предателями, отбросами человѣчества, готовыми на все во имя безудержнаго простора личныхъ хищническихъ аппетитовъ. Пока былъ на тронѣ Николай, они ползали передъ идеей монархизма во прахѣ. Когда же Николай былъ вынужденъ подписать отреченіе, они изъ первыхъ отреклись отъ него въ страхѣ передъ новымъ правительствомъ.

V.

Такъ свершилось неизбѣжное. Процессъ наружно медлительнаго проникновенія въ сознаніе каждаго безправнаго россійскаго обывателя лозунга—«такъ дальше жить нельзя»—дошелъ до сво-

его логическаго конца и въ Россіи буквально не осталось ни одного взрослаго и сознательнаго человѣка, не продавшагося старому строю, который не понималъ и не чувствовалъ бы назрѣвшую до конца необходимость перемѣнъ или переворота.

Но перемѣнъ ждать было невозможно. И потому совершился переворотъ. Всѣ поняли, что кромѣ подлиннаго внѣшняго врага, стоящаго у нашихъ границъ, есть не менѣе, можетъ быть и болѣе опасный врагъ—внутренній, въ лицѣ русскаго стараго правительства и всего прежняго государственнаго строя. И началась глухая, безмолвная борьба, которая задерживалась принципомъ—«въ періодъ войны не вызывать никакихъ народныхъ волненій».

Послѣ нашего отступленія изъ Польши, лѣтомъ 1915 года необходимость боевой организаціи политическихъ группъ стала совершенно очевидной въ виду преступной и направленной къ государственному развалу и разрухѣ дѣятельности правящей бюрократіи и Николая. Большинство думскихъ партій (за исключеніемъ с.-д. и трудовиковъ) объединились и образовали прогрессивный блокъ. На самыя скромныя требованія, бюрократія ощетинилась и выставила угрозы и непреклонную волю тюремщика. Одинъ изъ министровъ, приближенныхъ Николаемъ за анекдоты, Маклаковъ обмолвился крылатымъ и характернымъ для всего правительства афоризмомъ:—«Лучше пусть придутъ въ Петроградъ нѣмцы, чѣмъ свобода».

При крайне напряженномъ состояніи, подобномъ вздергиванію страны на дыбы, всячески провоцируемомъ къ мятежу, при полной разрухѣ, дезорганизаціи, недостаткѣ продовольствія, разстройствѣ транспорта и тысячахъ нарочитыхъ, раздражающихъ, ведущихъ только къ безпорядку и голодовкѣ мѣръ, народъ держался и крѣпился въ цѣляхъ не вовлечь страну въ внутренній хаосъ во время тяжкой войны. Но когда, окончательно, стало ясно, что страну явно толкали на край пропасти, быстро, стихійно, планомѣрно и мощно, поднялся народъ вкупѣ съ арміей и свергнули вѣковое тяжкое и позорное иго абсолютизма. Россія стала свободной.

Освобожденный отъ рабства русскій народъ получаетъ теперь возможность приступить къ созидательному труду и выработать такія формы народныхъ установленій, которыя позволятъ ему и создать благосостояніе для всѣхъ, и повысить до полной мѣры творческую энергію и жизненную производительность народа. На пути къ этой общей цѣли—насущной цѣлью переживаемаго нами момента, является только одно—сплотить усилія всѣхъ партій и всѣхъ различныхъ общественно-политическихъ группъ на рѣшеніи задачи освободительно-боевой, на защитѣ отъ германскихъ наступленій. Россіи придется переживать еще не мало глубочайшихъ волненій, въ виду тѣхъ сложныхъ, острѣйшихъ и болѣзненныхъ

задачъ бытового и соціально-политическаго устроенія, которыя стоятъ передъ всѣми. Медленная и постепенная гармонизація отношеній будетъ въ концѣ концовъ силой вещей проведена, надо полагать, въ неуклонномъ приближеніи къ той чертѣ, которая примиряетъ начало обладанія съ началомъ справедливости. Не только Россія, но весь міръ теперь стоитъ передъ новымъ небывалымъ по силѣ опьяненіемъ своими проблемами и практическими ихъ рѣшеніями пролетаріата. Но и Россія, какъ и западные сосѣди, не можетъ въ лицѣ всѣхъ своихъ многомилліонныхъ сыновъ не придти къ неизбѣжному сознанію, что *истинное благо народоправства должно быть соединено съ принципомъ верховенства не рабочихъ рукъ, а мозга каждой страны, ея творческаго, интеллектуальнаго элемента,*—интеллигенціи. Можно и должно уважать рабочія руки и рабочіе мозоли признали всю полноту вытекающихъ изъ принципа труда правъ. Но идея справедливаго отношенія къ труду не можетъ и не должна вести къ моральному и интеллектуальному главенству того, кто предъявляетъ какъ права на это главенство—не идею, не творчество, не огонь духа, а только мозоли на твердыхъ рабочихъ рукахъ и только трудовую, механическую силу работы.

Наоборотъ, руководимая подлинными вождями духа, людьми внутренней, моральной, а не физической энергіи, необъятная масса пролетаріата подымется на ту высоту, на которой ей необходимо предстоитъ *разбить еще одинъ фетишъ*:—фетишъ классового разъединенія людей. Проповѣдникъ всемірнаго равенства и братства,—они на знамени несутъ непримиримую идею вражды и отторженія отъ представителей иныхъ классовъ. Они не считаются съ вчерашнимъ днемъ культуры человѣческаго духа, говорящимъ о томъ, что есть вѣчное, ни въ какія классовыя перегородки не умѣщающееся начало человѣческаго духа, который «дышетъ, гдѣ хочетъ», не считаясь ни съ теоріей Маркса, ни съ механически усвоенными принципами с. д. брошюрокъ. *Мы, поистинѣ чаемъ, какъ высшаго достиженія человѣческаго Я,—приближенія того момента, когда рабочій пролетаріатъ перерастетъ узкія рамки всѣхъ принциповъ, экономическаго матеріализма и самъ же разобьетъ это прокрустово ложе для свободнаго и своеобразнаго человѣческаго проявленія,* когда рабочій не будетъ въ самомъ звуковомъ значеніи этого слова— «рабочій» —искать какихъ то разъединяющихъ отъ другихъ и враждующихъ съ другими мотивовъ жизни, а *будетъ просто человѣкомъ*, свободнымъ человѣкомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

